В. А. Самсоновъ.

Инв. 74486

МЕТОДИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

ДЛЯ ВЕДЕНІЯ

ШКОЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

перепечатанное безъ измѣненій съ третьяго изданія, допущеннаго Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учит. библ. всѣхъ низш. училищъ; Уч. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи и Отдѣломъ Родного Языка при Педагогическомъ Музеѣ Военныхъ учебныхъ заведеній въ фундамент. библ. средн. учебныхъ заведеній.

Цѣна 1 рубль.

Изданіе кн. маг. подъ фирмою Фену и К°. Петроградъ, Невскій 90.
1915.

Библиотека союза Работников Просвещения и Социалистической Культуры

Включено
в
каталог

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

ъ, Невскій, 126/2.

Просмотрено 1965 г.

373
С17
Рус.яз.

В. А. Самсоновъ.

Инв. 74486

ПРОВЕРЕНО 1953

МЕТОДИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

ДЛЯ ВЕДЕНІЯ

ШКОЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

перепечатанное безъ измѣненій съ третьяго изданія, допущеннаго Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учит. библ. всѣхъ низш. училищъ; Уч. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи и Отдѣломъ Родного Языка при Педагогическомъ Музеѣ Военныхъ учебныхъ заведеній въ фундамент. библ. средн. учебныхъ заведеній.

Цѣна 1 рубль.

СПЕЦФОНД
№ 1 9'87

Изданіе кн. маг. подъ фирмою Фену и К°. Петроградъ, Невскій 90.
1915.

Библиотека

1941
Библиотека Союза Работников Просвещения и Социалистической Культуры
Инвент. № 949
Шифр.

Типографія Бр. В. и И. Линникъ, Петроградъ, Невскій, 126/2.

Предисловіе.

Курсъ школьныхъ сочиненій, описанный въ Методическомъ Руководствѣ, дѣлится на три послѣдовательныхъ ступени: первую—начальная школа, вторую—высшая начальная школа и городское четырехклассное училище и третью—старшіе классы средней школы. Существующія учебныя заведенія хотя и не имѣютъ еще полной преемственности, строго осуществляемой, тѣмъ не менѣе естественныя ступени образованія именно таковы. Къ нимъ приближаются многочисленные виды учебныхъ заведеній: низшія ремесленныя, техническія, сельско-хозяйственныя, двухкласныя приходскія, торговыя, городскія четырехклассныя, высшія начальныя, духовныя, реальныя училища, гимназіи, коммерческія и другія спеціальныя школы. Книга имѣетъ въ виду главнымъ образомъ не типъ училища, а ступени обученія, имѣющія указанную выше преемственность въ объемѣ и характерѣ преподаванія.

Руководство не приспособлено къ какой-либо опредѣленой хрестоматіи. Представляя разработку метода, оно имѣетъ въ виду не хрестоматію, а статьи опредѣленнаго характера. Любую хрестоматію, предназначенную для извѣстной ступени, можно использовать для примѣненія изложеннаго здѣсь метода. Недостающія же статьи могутъ быть продиктованы и занесены въ ученическія тетради, чтобы служить матеріаломъ для логико-стилистическаго изученія.

Четвертое изданіе методическяго руководства представляетъ собою перепечатку съ третьяго изданія, со статьями о самостоятельныхъ работахъ, тщательно пересмотрѣннаго и исправленнаго. При этомъ были приняты во вниманіе указанія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. и педагогической критики.

В. Самсоновъ.

ГЛАВА I.

Общія замѣчанія.

Письменное изложеніе мыслей—одна изъ самыхъ важныхъ отраслей обученія родному языку, и цѣлая система подготовительныхъ работъ для сообщенія учащимся правильныхъ навыковъ въ области сочиненій по справедливости занимаетъ видное мѣсто въ педагогической работѣ учителя. Передъ преподавателемъ родного языка, какъ и передъ преподавателемъ каждаго другого учебнаго предмета, стоитъ вопросъ: чему учить изъ той широкой области знанія, которая входитъ въ кругъ его занятій, и какъ сообщить учащимся необходимыя свѣдѣнія и привить извѣстные навыки. Въ частности, этотъ вопросъ, чему и какъ учить, примѣнимъ и къ разсматриваемому кругу занятій учителя—письменному изложенію мыслей.

Чтобы рѣшить, чему учить въ кругу занятій по письменному изложенію мыслей, нужно разсмотрѣть сочиненіе въ его составныхъ частяхъ. Какъ извѣстно, сочиненіе можетъ заключать въ себѣ слѣдующіе основные элементы: 1) повѣствованіе, 2) описаніе, 3) характеристику, 4) разсужденіе и 5) лирическій элементъ. Въ одни сочиненія входятъ всѣ эти элементы, какъ составныя части цѣлаго, въ другихъ имѣются только нѣкоторые и, наконецъ, въ третьихъ какой либо одинъ изъ элементовъ представляетъ собою цѣлое сочиненіе.

Названные элементы составляютъ основу всякаго сочиненія. Мѣнялись литературныя направленія, измѣнялось внутреннее содержаніе и форма литературныхъ произведеній разныхъ временъ и народовъ—элементы оставались. Такимъ

образомъ, повѣствованіе, описаніе, характеристика, разсужденіе и лирическій элементъ представляютъ вѣчную форму развитія письменной мысли, подчиненной строгому логическому закону. Слѣдовательно, эти основные элементы, какъ необходимые человѣку для разнаго рода соединеній при письменномъ изложеніи мыслей, и должны являться предметомъ школьнаго изученія въ кругу занятій по сообщенію теоретическихъ свѣдѣній и развитія навыковъ письменнаго изложенія мыслей.

Отвѣчая на второй вопросъ: какъ учить письменному изложенію мыслей, приходится сначала сдѣлать лишь общія замѣчанія, а затѣмъ перейти къ подробному изученію съ этой точки зрѣнія каждаго элемента въ отдѣльности. Общія замѣчанія, касающіяся даннаго вопроса, вытекаютъ изъ самой сущности предмета, а именно: сочиненіе есть результатъ логико-стилистической работы. Логическая часть—это внутренняя сторона сочиненія или, какъ иначе называютъ, содержаніе его. Понятно, что содержаніе сочиненія повышается съ развитіемъ человѣка, а послѣднее повышается при расширеніи его знаній и при обладаніи умѣньемъ пользоваться ими, что уже только отчасти относится къ тѣсному кругу разсматриваемыхъ занятій. Зато другая сторона—стилистическая работа—всецѣло относится къ этому кругу и представляетъ собой продуктъ цѣлой системы стилистическихъ упражненій. Слѣдовательно, при изученіи метода сообщенія теоретическихъ свѣдѣній и развитія навыковъ письменнаго изложенія мыслей, нужно сочиненіе разложить на двѣ части: логическую и стилистическую. Логическая—внутренняя сторона сочиненія, стилистическая—самое изложеніе. Отсюда вытекаетъ рядъ подготовительныхъ работъ двойного характера, логическихъ и стилистическихъ, необходимыхъ для усвоенія теоретическихъ свѣдѣній и воспріятія навыковъ письменнаго изложенія мыслей. О логической сторонѣ сочиненія, т. е. какъ надобно изучать тему и содержаніе даннаго сочиненія, будемъ

говорить при разсмотрѣніи каждаго элемента въ отдѣльности, а теперь перейдемъ ко второй части—стилистикѣ.

Стилистика—это художественная техника для письменной передачи человѣческой мысли въ ея логическомъ развитіи. Отсюда вытекаетъ и самый способъ изученія стилистики. Во всякомъ искусствѣ, будетъ ли это музыка, живопись, скульптура, архитектура, словесность—художественная техника должна изучать художественный образецъ даннаго рода искусства. На этихъ образцахъ учащіеся знакомятся съ элементами произведенія, съ пріемами художника. Въ музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ изучаются музыкальные тоны, аккорды, краски, основныя формы и сочетанія ихъ... Въ словесности—идея произведенія, его элементы и способъ изложенія.

Излагается мысль человѣка посредствомъ слова. Слѣдовательно, для изученія стилистики нужно изучать слово, какъ отдѣльно взятое, такъ и въ разнаго рода соединеніяхъ его съ другими словами, т. е.—этимологію и синтаксисъ родного языка и законы художественной рѣчи. Въ школьномъ курсѣ преподаваніе грамматики и стилистики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова идетъ параллельно съ сообщеніемъ теоретическихъ свѣдѣній и развитіемъ навыковъ письменнаго изложенія мыслей, или предшествуетъ имъ. Ближе къ этимъ навыкамъ стоятъ письменныя работы синтаксическія, но вообще можно сказать, что между грамматическими и стилистическими работами существуетъ тѣсная внутренняя связь. Установить эту связь въ деталяхъ, однако, можно лишь при разсмотрѣніи названныхъ выше элементовъ. Но прежде чѣмъ приступить къ подробному изученію элементовъ сочиненія, необходимо остановиться на подготовительныхъ упражненіяхъ, предшествующихъ составленію сочиненій.

ГЛАВА II.

Подготовительныя упражненія.

Надобность въ подготовительныхъ упражненіяхъ, предшествующихъ составленію сочиненій, — существенная. Она вытекаетъ изъ самого дѣла. Искусство писать сочиненія заключается въ умѣньѣ записывать мысли въ извѣстной системѣ. Эта работа распадается на двѣ части: 1) умѣнье располагать мысли въ извѣстномъ порядкѣ и 2) умѣнье излагать ихъ при помощи сочетанія между собою словъ и предложеній. Прежде чѣмъ приниматься за сочиненія, необходимо получить навыки того и другого рода. Это достигается изученіемъ образцовъ съ логической и стилистической сторонъ, совмѣстно съ письменными упражненіями, а также самостоятельнымъ составленіемъ фразы и развитіемъ мысли. И логическое, и стилистическое изученіе образцовъ начинается, въ сущности говоря, еще при первоначальномъ обученіи чтенію и письму.

Когда ученикъ, только что познакомившійся съ буквами, читаетъ маленькую статейку, учитель задаетъ ему вопросы, имѣющіе цѣлью вызвать сознательное усвоеніе логической связи между ея отдѣльными словами и предложеніями. Возьмемъ, напримѣръ, статейку:

Старикъ и старуха.

„Жили старикъ и старуха. Старикъ плелъ лапти, старуха пряла свою пряжу. Такъ они жили и кормились своими трудами“.

Вопросы. Кто жилъ со старикомъ? Что дѣлалъ старикъ? Что дѣлала старуха съ пряжей? Чѣмъ кормились старикъ и старуха? И т. п.

Такой работой, постепенно усложняющейся съ усложненіемъ читаемыхъ статей, производится первоначальная логическая подготовка къ составленію сочиненій, заключающаяся въ умѣньѣ соединять слова въ предложенія и предложенія въ статью.

Подготовительныя упражненія по записыванію мыслей заключаются въ слѣдующемъ. Ученику задается нѣсколько письменныхъ вопросовъ, исчерпывающихъ содержаніе статьи, или ея части, на которые онъ долженъ дать письменные отвѣты.

Эта работа сознательно сводится къ воспроизведенію образца, такъ какъ изученіе и связанныя съ нимъ практическія работы, въ области примѣненія полученныхъ знаній, имѣютъ мѣсто въ любой отрасли искусства и техники: изучая, подражая и создавая, мы учимся говорить, читать, писать, рисовать и т. п. Необходимо лишь стараться, чтобы это изученіе, подражаніе и самостоятельное творчество было сознательнымъ.

Нѣтъ никакой бѣды, если первоначальные отвѣты дѣтей на предложенные имъ вопросы, для воспроизведенія образца, будутъ слишкомъ близки къ подлиннику, такъ какъ и въ развитіи устной рѣчи ребенокъ идетъ этимъ же самымъ путемъ, повторяя фразу, которую онъ слышитъ изъ устъ окружающихъ. Словомъ, механическое воспріятіе литературной рѣчи—существующій фактъ въ жизни ребенка, и къ нему нужно относиться, какъ къ таковому. Даже слѣдуетъ первоначально заботиться, чтобы дѣти составляли свои письменные отвѣты ближе къ подлиннику, чтобы письменная рѣчь ихъ развивалась не только путемъ построенія на основаніи опредѣленныхъ законовъ логики и стилистики, а и путемъ непосредственнаго воспріятія литературнаго языка.

Заботясь о томъ, чтобы письменные отвѣты ближе стояли къ подлиннику, нужно соотвѣтственно съ этимъ составлять и вопросы, иначе дѣти могутъ позабыть выраженія

статьи, а книга во время письменой работы не должна лежать передъ ними, чтобы работа не обратилась въ списываніе. Для первыхъ работъ вопросы должны быть составлены такъ, чтобы отвѣты представляли собой ихъ повтореніе, сначала съ прибавленіемъ одного новаго слова, затѣмъ двухъ, трехъ и больше; наконецъ, уже послѣ цѣлаго ряда такихъ упражненій, вопросы могутъ быть болѣе общими и краткими. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько статей, служащихъ матеріаломъ для описываемой работы.

Классная доска.

„Классная доска сдѣлана столяромъ изъ дерева и выкрашена черною краскою. Она имѣетъ четырехугольную форму, стоитъ на раздвижныхъ ножкахъ или виситъ на стѣнѣ. Классная доска всегда остается въ классѣ. На ней пишутъ мѣломъ“.

Вопросъ. Кѣмъ сдѣлана классная доска? **Отвѣтъ.** Классная доска сдѣлана столяромъ. **Вопросъ.** Какою краскою выкрашена классная доска? **Отвѣтъ.** Классная доска выкрашена черною краскою. И т. д.

Уточка.

„Сидитъ Вася на бережку; смотритъ онъ, какъ уточки въ прудѣ кувыркаются: широкіе носики въ воду прячутъ, желтыя лапки на солнышкѣ сушатъ. Приказали Васѣ уточекъ стеречь, а онѣ въ воду ушли—и старыя и малыя: какъ ихъ теперь домой гнать. Вотъ и сталъ Вася уточекъ кликать: „ути-ути-уточки! прожёры-тараторочки! носики широкіе, лапочки перепончатыя! Полно вамъ червячковъ искать, траву щипать, тину глотать, зобы набивать: пора вамъ домой итти!“

Уточки Васю послушались, на берегъ вышли, домой идутъ, съ ноги на ногу переваливаются“.

Вопросъ. Гдѣ сидитъ Вася? **Отвѣтъ.** Сидитъ Вася на бережку. **Вопросъ.** Что приказали Васѣ? **Отвѣтъ.** Приказали Васѣ уточекъ стеречь. И т. д.

Огороды.

„Огороды бываютъ возлѣ домовъ и обносятся заборомъ или плетнемъ. Огородъ обрабатываютъ сами хозяева или огородники; его сильно удобряютъ навозомъ. На огородѣ копаютъ грядки; на грядкахъ сѣютъ и садятъ огородныя овощи. Для гороха и бобовъ ставятъ тычинки и вѣшаютъ пугалы. Огороду вредятъ черви, воробьи, куры и домашній скотъ. Въ засуху грядки поливаютъ. Огородныя овощи идутъ въ пользу людямъ, а остатки домашнему скоту“.

Вопросъ. Гдѣ бываютъ огороды? **Отвѣтъ.** Огороды бываютъ возлѣ домовъ. **Вопросъ.** Кто обрабатываетъ огородъ? **Отвѣтъ.** Огородъ обрабатываютъ сами хозяева или огородники. **Вопросъ.** Кто вредитъ огороду? **Отвѣтъ.** Огороду вредятъ черви, воробьи, куры и домашній скотъ. И т. д.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній 23 декабря.

„Завтра рождественскій сочельникъ, и сегодня распустили нашу школу. Насилу то мы досидѣли послѣдній урокъ! Я такъ бѣжалъ домой, что потерялъ было книгу. До 8 января мы свободны. Эта первая треть учебнаго года—самая длинная. Надо поправить нашу ледяную гору: она совсѣмъ развалилась; надо бы устроить кукольный театръ маленькимъ братьямъ и сестрамъ: я объ этомъ позабочусь“.

Вопросъ. Что мальчикъ хотѣлъ дѣлать послѣ роспуска? **Примѣрный отвѣтъ.** Мальчикъ послѣ роспуска хотѣлъ поправить ледяную гору и устроить кукольный театръ маленькимъ братьямъ и сестрамъ. И т. д.

Горшокъ котлу не товарищъ.

„Кухарка мыла на рѣкѣ глиняный горшокъ и чугунный котелъ; вымыла, да и позабыла. Котелъ и горшокъ обрадовались случаю, сговорились путешествовать вмѣстѣ и поплыли по рѣкѣ. Но не долго они вмѣстѣ плавали: глиняный горшокъ стукнулся о чугунный котелъ и разбился".

Вопросъ. Что дѣлала на рѣкѣ кухарка? **Примѣрный отвѣтъ.** Кухарка на рѣкѣ мыла глиняный горшокъ и чугунный котелъ. **Вопросъ.** Принесла ли она ихъ домой? **Примѣрный отвѣтъ.** Она позабыла ихъ на рѣкѣ. **Вопросъ.** Что сдѣлали котелъ и горшокъ? **Примѣрный отвѣтъ.** Котелъ и горшокъ сговорились путешествовать вмѣстѣ и поплыли по рѣкѣ. **Вопросъ.** Что случилось съ котломъ и горшкомъ во время путешествія? **Примѣрный отвѣтъ.** Во время путешествія глиняный горшокъ стукнулся о чугунный котелъ и разбился.

Сѣнокосъ.

„Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Пѣсней душу веселя,
бабы съ граблями, рядами
ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ;
мужички его, кругомъ,
на возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ.
Въ ожиданьѣ конь убогій,
точно вкопанный, стоитъ,
уши врозь, дугою ноги,
и, какъ будто, стоя спитъ.
Только Жучка удалая
въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
то взлетая, то ныряя,
скачетъ, лая впопыхахъ".

Вопросы. Что дѣлали на сѣнокосѣ бабы? Мужики? Лошадь? Жучка?

На приведенныхъ статьяхъ показано, какъ нужно составлять вопросы для полученія письменныхъ отвѣтовъ учащихъ-

ся. Отвѣты постепенно усложнялись. Сначала они представляли собою повтореніе заданнаго вопроса съ прибавленіемъ лишь одного новаго слова, затѣмъ двухъ, трехъ и т. д.; наконецъ отвѣты становились болѣе самостоятельными и у разныхъ учениковъ, конечно, разнообразными, почему на данныхъ примѣрахъ приходилось ихъ отмѣчать уже словомъ примѣрный отвѣтъ. Матеріалъ для такого рода работъ слѣдуетъ выбирать внимательно: не каждая статья годится для этого; а при выборѣ статьи нужно обращать вниманіе не только на содержаніе ея, но и на форму. По содержанію, статья, конечно, должна быть доступной для пониманія учащихся и представлять нѣкоторое разнообразіе темы, по сравненію съ другими статьями, избранными для такихъ же работъ. Особенное вниманіе на форму статьи приходится обращать потому, что задаваемая работа имѣетъ исключительно стилистическій характеръ. При этомъ необходимо, чтобы образецъ обладалъ слѣдующими условіями: точностью и ясностью выраженія, простотой построенія предложеній, доступными дѣтскому развитію оборотами рѣчи. Съ этихъ точекъ зрѣнія и слѣдуетъ производить выборъ статей для описанныхъ стилистическихъ работъ.

Одновременно съ механическимъ воспроизведеніемъ фразы необходимо практиковать и болѣе самостоятельныя работы, гдѣ открывался бы просторъ наиболѣе простѣйшимъ формамъ дѣтскаго творчества. Къ числу такихъ первоначальныхъ занятій принадлежитъ записываніе названій и перечисленіе изображенныхъ въ книгѣ или находящихся вокругъ предметовъ, ихъ качествъ и дѣйствій. Матеріалъ для такихъ занятій находимъ еще въ букварѣ или первой книгѣ для чтенія, имѣется онъ всегда и вокругъ самого ребенка. Напримѣръ, ученикъ перечисляетъ и записываетъ названія предметовъ, находящихся на столѣ, на стѣнахъ, на полу класса, въ домѣ у своихъ родителей, на дворѣ, на улицѣ: доска, парта, картина...; опредѣляетъ и записываетъ качество

этихъ предметовъ: доска—черная, снѣгъ—бѣлый...; дѣйствія: лошадь—ржетъ, корова—мычитъ... Въ дальнѣйшихъ работахъ фраза развивается уже присоединеніемъ объяснительныхъ словъ и различными измѣненіями въ ея грамматическомъ строѣ: лошадь бѣжитъ по дорогѣ, крестьянинъ поѣхалъ въ городъ за сѣномъ...; я пойду гулять, ты пойдешь гулять, онъ пойдетъ гулять... пѣтухъ кричитъ ку-ку-ре-ку, нашъ котеночекъ побаивается пѣтуха, къ пѣтуху подошла курочка, и т. д.

Въ задачу настоящей книги однако не входитъ подробное описаніе всѣхъ упражненій, направленныхъ къ развитію языка и имѣющихъ мѣсто на первыхъ шагахъ школьнаго обученія. Задача книги—изложеніе метода другихъ работъ, объединяющихся курсомъ школьныхъ сочиненій. Для этой цѣли достаточно опредѣлить лишь основныя группы подготовительныхъ упражненій и въ общихъ чертахъ указать педагогическій методъ ихъ постановки.

Такимъ образомъ дѣти еще въ первый годъ школьнаго обученія приступятъ къ подготовительнымъ упражненіямъ, имѣющимъ въ то же время и самостоятельное мѣсто въ развитіи языка, а въ концѣ второго или въ началѣ третьяго года открывается возможность приступить къ систематическимъ занятіямъ въ области сочиненій: повѣствованій, описаній, характеристикъ и разсужденій.

ГЛАВА III.

Повѣствованіе.

I.

Чтобы опредѣлить, чему и какъ учить въ области повѣствованій, нужно сначала разсмотрѣть самую сущность повѣствованія.

Повѣствованіе есть такое сочиненіе, въ которомъ излагается рядъ событій, объединенныхъ данною темою, въ хронологическомъ порядкѣ.

Предварительное изученіе образца должно заключаться въ слѣдующемъ: во 1-хъ, нужно раскрыть логическую сторону сочиненія, во 2-хъ, разсмотрѣть пріемы изложенія мыслей. Для изученія необходимо выбрать небольшой разсказъ, отличающійся простотою содержанія и доступностью формы. Этотъ маленькій разсказъ долженъ замѣтно распадаться на рядъ послѣдовательныхъ событій, связанныхъ данною темою, такъ какъ логическій разборъ будетъ заключаться въ разложеніи его на части по событіямъ. Онъ долженъ быть изложенъ косвенной рѣчью, такъ какъ логико-стилистическая работа будетъ заключаться въ томъ, чтобы дать каждой части заглавіе, иначе сказать, кратко изложить содержаніе каждой части; если разсказъ будетъ написанъ прямой рѣчью или смѣшанной, то это можетъ затруднить учащихся, если они не умѣютъ еще обращать прямую рѣчь въ косвенную, а составленіе пересказовъ можетъ предшествовать этому. Съ другой стороны—одинъ изъ основныхъ принциповъ обученія стилистикѣ есть воспроизведеніе образца; если требуется научить ученика излагать данную тему косвенной рѣчью, то при первоначальныхъ работахъ образецъ долженъ быть изложенъ такой же рѣчью. При всякаго же рода сокращенныхъ пересказахъ вполнѣ естественна косвенная рѣчь, потому что сокращенный пересказъ состоитъ изъ названій болѣе существенныхъ событій данной статьи. Кромѣ того, избираемый образецъ долженъ быть написанъ отрывистой рѣчью, съ наименьшимъ числомъ придаточныхъ предложеній, по возможности безъ причастій и дѣепричастій, т. е. чтобы языкъ его приближался возможно ближе къ дѣтскому языку, отличаясь въ то же время точностью и ясностью. При этихъ условіяхъ синтаксическое построеніе образца будетъ вполнѣ доступно сознательному усвоенію учащихся.

Такимъ требованіямъ удовлетворяетъ, напримѣръ, басня Крылова „Обезьяна“. На ней слѣдуетъ остановиться также

и потому, что эта басня—художественный разсказъ, а для предварительнаго изученія и воспроизведенія необходимъ именно художественный образецъ, такъ какъ въ немъ имѣются высокія логико-стилистическія достоинства, полезныя для изученія и подражанія.

Обезьяна.

„Крестьянинъ на зарѣ, съ сохой, надъ полосой своей трудился; трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился: мужикъ работникъ былъ прямой. Зато, кто мимо ни проходитъ, отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать! Мартышку это въ зависть вводитъ. Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать! Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться! Хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то понесетъ, то такъ, то сякъ его обхватитъ, то поволочитъ, то покатитъ; рѣкой съ бѣдняжки льется потъ, и наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ; а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.

И не диковинка, мой свѣтъ! Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ“.

Сначала ведется объяснительное чтеніе этой басни, имѣющее цѣлью отчетливо выяснить учащимся ея содержаніе и смыслъ, т. е. разъясняются сначала отдѣльныя мысли путемъ объясненія непонятныхъ словъ и своеобразныхъ выраженій (напримѣръ: „исполать“—многія лѣта, „рѣкой съ бѣдняжки льется потъ“... и т. д.), затѣмъ выясняется общій смыслъ басни, гдѣ сопоставляется полезный трудъ крестьянина и безполезный мартышки.

Послѣ всего этого можно приступить къ спеціальному разбору, имѣющему цѣль—составленіе краткаго пересказа. Учитель предлагаетъ ученикамъ прочитать по книгѣ о первомъ событіи этой басни. Ученики читаютъ (одинъ изъ нихъ читаетъ вслухъ, другіе про себя) и въ большинствѣ слу-

чаевъ правильно указываютъ начало второго событія. Учитель объясняетъ, что прочитанный отрывокъ, заключающій въ себѣ первое событіе, есть первая часть басни. Затѣмъ нужно кратко изложить содержаніе этой части, указавъ, въ чемъ заключается событіе, такъ сказать, дать заглавіе прочитанному. При этомъ необходимо объяснить, что въ краткомъ изложеніи цѣлыя фразы слѣдуетъ замѣнять однимъ или нѣсколькими словами. Такъ, напримѣръ, слова: „трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился: мужикъ работникъ былъ прямой“, можно замѣнить однимъ словомъ: „усердно“. Тогда первая часть будетъ изложена такъ: „крестьянинъ на зарѣ, съ сохой, надъ полосой своей усердно трудился“. Затѣмъ въ полученное изложеніе можно внести второе сокращеніе, выпустивъ слово: „на зарѣ“, такъ какъ оно показываетъ, какъ усердно трудился крестьянинъ, а это въ нашемъ изложеніи уже и объяснено словомъ „усердно“. Тогда получится: „крестьянинъ, съ сохой, надъ полосой своей усердно трудился“. Наконецъ, оказывается возможнымъ выпустить слово: „съ сохой“, такъ какъ главная мысль отрывка заключается въ томъ, чтобы установить усердный трудъ крестьянина, а слово „съ сохой“ указываетъ лишь на частный видъ труда, объясняя, въ чемъ этотъ трудъ залючается; если же говорить о трудѣ въ болѣе общемъ смыслѣ, то частнаго примѣра можно не приводить; въ сокращенномъ же пересказѣ передается главнымъ образомъ общій смыслъ статьи. При этомъ сокращеніи получится слѣдующее: „крестьянинъ надъ полосой своей усердно трудился“. Больше сокращеній сдѣлать нельзя. Если бы мы выпустили слова: „надъ полосой своей“, тоже показывающія примѣръ труда, то тогда получилась бы фраза: „крестьянинъ усердно трудился“, не имѣющая прямого отношенія къ послѣдующимъ фактамъ, изображеннымъ въ баснѣ, а между тѣмъ въ баснѣ указано отношеніе между фактами: прохожіе благодарили крестьянина (второй фактъ)

не за тотъ трудъ его, который онъ несетъ вообще, а именно за данный трудъ (первый фактъ), совершающійся передъ ихъглазами. Слѣдовательно, эти слова нужно оставить, почему въ окончательномъ видѣ получится вышеприведенная фраза: „крестьянинъ надъ полосой своей усердно трудился".

Изложенное слѣдуетъ выяснить путемъ катехизаціи, принимающей форму бесѣды учителя съ учениками, и отнюдь не лекціоннымъ способомъ. При катехизаціи, выслушивая вопросы и составляя отвѣты, ученики будутъ принимать живое участіе въ общей классной работѣ, чего нѣтъ при лекціонномъ способѣ.

Для выясненія изложеннаго могутъ быть предложены слѣдующіе главные вопросы.

Прочитайте подробное описаніе труда крестьянина. Какимъ однимъ словомъ можно замѣнить это длинное описаніе? О какомъ же трудѣ говорится въ 1-й части? Не говорится ли въ этой части объ усердномъ трудѣ еще какимъ нибудь словомъ? Въ краткомъ изложеніи первой части можно ли выпустить слово „на зарѣ"? Что важнѣе для смысла этой басни: то-ли, что крестьянинъ трудился съ сохой, или то, что онъ трудился надъ полосой своей? Въ сокращенномъ пересказѣ можно ли выпустить слово: „съ сохой"? Прохожіе благодарили крестьянина за настоящій его усердный трудъ въ полѣ, или вообще за усердный крестьянскій трудъ? Если бы выпустить слова: „надъ полосой своей", то понятны ли будутъ похвалы именно прохожихъ? Можно ли выпустить эти слова? Въ какомъ же окончательномъ видѣ получится краткій пересказъ первой части?

Изложенные вопросы приведены въ томъ предположеніи, что ученики сразу сумѣютъ выдѣлить первое событіе басни. Если же этого не случится, то учитель очень легко можетъ имъ помочь въ этомъ. Допустимъ, напримѣръ, что ученики, прочитавъ о первомъ событіи, будутъ продолжать чтеніе. Тогда задается вопросъ: развѣ здѣсь все время говорится объ од-

номъ и томъ же событіи? Послѣ этого вопроса устанавливается, гдѣ начинается второе событіе, а слѣдовательно и вторая часть. Но можетъ быть и такой случай, что ученикъ остановится, не дочитавъ до конца первую часть. Напримѣръ, при чтеніи данной басни онъ остановится на словахъ: „надъ полосой своей трудился“, предполагая, что катящійся съ крестьянина потъ есть второе событіе. Тогда спрашивается: зачѣмъ говорится здѣсь про потъ? и устанавливается, что это сказано лишь для описанія усерднаго труда крестьянина; слѣдовательно, еще не этими словами начинается второе событіе: они относятся къ первой части. Конечно и эти объясненія нужно вести путемъ катехизаціи.

Когда окончательно составлено краткое изложеніе первой части, выработанное учениками при помощи учителя, оно записывается въ тетради. Затѣмъ приступаютъ къ чтенію и такому же изученію второй части: „за то, кто мимо ни проходитъ, отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать“! Слова: „кто мимо ни проходитъ“, замѣняются двумя словами: „всякій прохожій“; слова: „отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!“ замѣняются: „благодарили и хвалили крестьянина“. Наконецъ выпускается слово „благодарили“, такъ какъ главный смыслъ отрывка заключается въ томъ, что крестьянинъ за свой полезный трудъ получилъ похвалу; поэтому нужно въ сокращенномъ пересказѣ оставить только послѣднее слово. Послѣ разбора на доскѣ записывается: „за это всякій прохожій хвалилъ крестьянина“. Когда же выработанное изложеніе первой и второй части будетъ записано вмѣстѣ, то явится необходимость во второй части слово „крестьянина“ замѣнить мѣстоименіемъ „его“, объяснивъ при этомъ, когда можно и слѣдуетъ въ письменной рѣчи употреблять вмѣсто имени мѣстоименіе; объясняется также постановка мѣстоименія „за это“, вмѣсто словъ „за усердный трудъ“. На основаніи того и другого случая полезно указать, что имена замѣнять мѣстоименіями нужно, если имена повторяются, иначе слогъ дѣлается тяже-

лымъ; прививать же ученикамъ заботы о красотѣ и изяществѣ слога слѣдуетъ съ первыхъ поръ. Тутъ же объясняется постановка точки: точка ставится тогда, когда кончается мысль. Всѣ эти объясненія дѣлаютъ возможнымъ сознательное составленіе предложеній, а это необходимо, иначе у ученика всегда будетъ такая письменная рѣчь, въ которой могутъ встрѣчаться лишнія слова, запутанные обороты и прочіе недостатки.

Третья часть басни: „мартышку это въ зависть вводитъ. Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!“ кратко излагается такъ: „и завистливая мартышка пожелала получить похвалу“; союзъ „и“ вставляется тогда, когда третье предложеніе присоединяется въ тетрадяхъ къ предыдущимъ двумъ, причемъ объясняется необходимость его постановки.

Четвертая часть: „мартышка вздумала трудиться: нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться! Хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то понесетъ, то такъ, то сякъ его обхватитъ, то поволочитъ, то покатитъ; рѣкой съ бѣдняжки льется потъ, и наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ“— излагается такъ: „мартышка еще усерднѣе крестьянина начала возиться съ чурбаномъ“. Когда же это изложеніе будетъ присоединено къ предыдущему, то слово „мартышка“ замѣняется словомъ „она“.

Пятая часть: „а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ“, излагается такъ: „мартышка ни отъ кого похвалъ не получила“; когда же она будетъ присоединена къ предыдущему, то слово „мартышка“ совершенно пропускается, такъ какъ и безъ него совершенно ясно, про кого говорится; къ тому же это лишнее слово дѣлаетъ рѣчь тяжелой для произношенія. Кромѣ того, между послѣдними предложеніями вставляется союзъ „но“, такъ какъ въ нихъ излагаются противоположныя мысли, при чемъ объясняется постановка запятой вмѣсто точки передъ союзами.

Шестая часть заключаетъ въ себѣ объясненіе, почему мар-

тышка не получила похвалъ, и излагается такъ: „мартышка не получила похвалъ потому, что трудъ ея былъ безполезенъ“. Съ присоединеніемъ къ предыдущему, слова „мартышка не получила похвалъ“ пропускаются.

Въ концѣ концовъ у насъ получается слѣдующій краткій пересказъ басни „Обезьяна“.

„Крестьянинъ надъ полосой своей усердно трудился. За это всякій прохожій хвалилъ его. И завистливая мартышка пожелала получить похвалу. Она еще усерднѣе крестьянина начала возиться съ чурбаномъ, но ни отъ кого похвалъ не получила, потому что трудъ ея былъ безполезенъ“.

Чтобы окончательно уяснить ученикамъ синтаксическій строй этого пересказа, полезно сдѣлать вмѣстѣ съ ними грамматическій разборъ, выдѣливъ въ немъ предложенія, а въ предложеніяхъ главные и второстепенные члены. Въ такомъ случаѣ пересказъ будетъ полнымъ достояніемъ ученика, сознательно усвоеннымъ какъ въ логической, такъ и въ синтаксической частяхъ. На другихъ подобныхъ же пересказахъ, правильно составленныхъ учениками совмѣстно съ учителемъ, можно дать даже первоначальное знакомство съ главными и придаточными предложеніями и продолжать ознакомленіе съ постановкой знаковъ препинанія и съ разстановкой союзовъ.

Если ученики кромѣ книжной рѣчи будутъ изучать и собственную письменную, то въ этомъ будетъ больше преимуществъ передъ тѣмъ, если бы они ограничились изученіемъ лишь книжной рѣчи. Синтаксическій разборъ имѣетъ цѣлью раскрыть учащимся законы логическаго мышленія и стилистики, а это необходимо для правильнаго пониманія, выразительнаго произношенія и составленія письменной рѣчи. Понимать же синтаксическій строй собственной рѣчи и возможно, и должно. Только тогда можно говорить и писать вполнѣ сознательно.

Т— 74486

Понятно, что перечисленныя работы могутъ и не быть матеріаломъ лишь одного урока. Распадаясь на три главныя части: 1) объяснительное чтеніе образца, 2) логико-стилистическое изученіе его въ цѣляхъ составленія краткаго пересказа и самое составленіе послѣдняго, 3) синтаксическое изученіе пересказа,—эти работы могутъ потребовать по отношенію къ разобранной баснѣ двухъ-трехъ уроковъ, причемъ между такими уроками можетъ существовать болѣе или менѣе продолжительный перерывъ. Если мы возьмемъ для логико-стилистическаго изученія и составленія пересказа уже разобранную раньше и извѣстную ученикамъ статью, то объяснительное чтеніе при этомъ изученіи можетъ отсутствовать, такъ какъ оно уже было проведено раньше. Если же статья отличается несложностью содержанія и совершенной простотой формы, то объяснительное чтеніе можно соединить съ логико-стилистическимъ разборомъ. Наконецъ синтаксическое изученіе пересказа можетъ быть тоже болѣе или менѣе подробнымъ, въ зависимости отъ синтаксической подготовки учениковъ: если они имѣютъ въ этомъ отношеніи незначительную подготовку, то пересказъ не можетъ быть разобранъ во всей полнотѣ; если же синтаксическая подготовка ихъ достаточно высока, то могутъ быть разсматриваемы всѣ стороны синтаксическаго построенія, а если ученики уже хорошо понимаютъ синтаксическій строй рѣчи, то такой разборъ можетъ оказаться и совсѣмъ излишнимъ. Значитъ, основная работа заключается въ логико-стилистическомъ изученіи образца, въ цѣляхъ составленія пересказа и въ самомъ составленіи его.

Нѣтъ надобности излагать метода этой работы въ примѣненіи къ другимъ образцамъ, такъ какъ въ главныхъ чертахъ онъ во всѣхъ случаяхъ остается тѣмъ же, что и въ разсмотрѣнной баснѣ. Однако, такъ подробно, какъ басня „Обезьяна“, совмѣстно съ учителемъ должны быть изучены далеко не всѣ разбираемые образцы, такъ какъ въ такомъ

подробномъ изученіи всѣхъ образцовъ и не встрѣчается надобности. Цѣль изложенной работы—сообщить учащимся методъ и пріемы самостоятельной работы, почему такіе разборы могутъ продолжаться лишь до того времени, пока ученики не пріобрѣтутъ соотвѣтствующихъ навыковъ, на что нужно 3—4 подобныхъ разбора; въ дальнѣйшихъ работахъ при помощи учителя статья лишь дѣлится на части и ученики уже сами даютъ этимъ частямъ заглавіе, т. е. кратко излагаютъ ихъ содержаніе; учитель же только провѣряетъ и исправляетъ работы, разъясняя свои исправленія; наконецъ еще позже и разложеніе на части по событіямъ производится уже самими учениками самостоятельно.

Выше было сказано, что при первоначальномъ логико-стилистическомъ разборѣ повѣствовательнаго образца слѣдуетъ выбирать статьи, изложенныя косвенной рѣчью. Но въ дальнѣйшихъ работахъ нѣтъ надобности строго придерживаться этого требованія: вносная рѣчь—достояніе языка, она придаетъ ему живость и образность, и уже только поэтому заслуживаетъ внимательнаго изученія. Само собой разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда для пересказа дается образецъ, изложенный прямой рѣчью,—необходимо научить учениковъ обращать прямую рѣчь въ косвенную. Изложеніе косвенной рѣчью упрощаетъ работу и вполнѣ соотвѣтствуетъ основной идеѣ краткаго пересказа: дать названіе событіямъ и изложить ихъ въ послѣдовательной взаимной связи.

Все сказанное относится по преимуществу къ первой ступени обученія, соотвѣтствующей трехгодичному курсу начальной школы. Дальше слѣдуетъ говорить объ изученіи теоріи повѣствованій и вообще о болѣе сложныхъ сочиненіяхъ повѣствовательнаго характера, что будетъ относиться уже ко второй ступени обученія, соотвѣтствующей типу высшихъ начальныхъ училищъ и первыхъ 4-хъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но прежде чѣмъ перейти

къ изложенію метода веденія повѣствовательныхъ сочиненій на второй ступени обученія, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о видахъ повѣствовательныхъ сочиненій первой ступени.

Преимущественнымъ видомъ сочиненій первой ступени обученія является краткій пересказъ повѣствовательныхъ статей. Это происходитъ вслѣдствіе того, что разсматриваемый видъ письменныхъ работъ вполнѣ правильно опирается на изученіе образцовъ и воспроизведеніе ихъ логико-стилистическаго построенія, а дѣтскому возрасту болѣе понятны повѣствовательныя сочиненія. Но было бы ошибочно заниматься на первой ступени только этого рода работами. Всякое знаніе, кромѣ его воспитательнаго значенія, цѣнно намъ потому, что мы можемъ примѣнить его къ жизни. Составленіе пересказовъ научаетъ учениковъ писать самостоятельныя сочиненія повѣствовательнаго характера, если полученные навыки примѣняются къ составленію самостоятельныхъ сочиненій,—отсюда вытекаетъ необходимость веденія на первой ступени обученія самостоятельныхъ сочиненій повѣствовательнаго характера. Въ практическомъ отношеніи это важно потому, что въ жизни приходится писать не пересказы, а излагать собственныя мысли на ту или другую тему, по тому или другому случаю, Въ образовательномъ отношеніи это также важно, потому что дѣти раскрываютъ въ такого рода сочиненіяхъ собственный міръ, свои интересы, склонности, понятія, сознательно относятся къ нимъ, а это необходимое условіе саморазвитія и самообразованія. Очень важно, если ребенокъ или юноша будетъ предварительно разрабатывать тѣ темы, которыя стоятъ ближе къ его интересамъ, къ его личной жизни. Въ такомъ случаѣ можно ожидать бо̀льшаго интереса въ его работѣ, а присутствіе интереса—необходимое условіе ея успѣшности: работа будетъ произведена обстоятельно, тема разработана достаточно полно, сочиненіе будетъ имѣть серьезное содержаніе, въ стилистикѣ встрѣтится меньше погрѣшностей, такъ какъ

ученику нѣтъ надобности придумывать содержаніе, оно уже имѣется, и при изложеніи само собой будетъ облекаться въ доступную ему форму письменной рѣчи. Важно, конечно, чтобы содержаніе, выливаясь въ соотвѣтствующую форму письменной рѣчи, не встрѣчало въ этомъ процессѣ серьезныхъ затрудненій. Нужно стремиться къ тому, чтобы пишущій не замѣчалъ самаго процесса письма; тогда все его вниманіе обращено будетъ на развитіе данной темы, но такого результата можно достичь лишь послѣ долгихъ логико-стилистическихъ работъ, послѣ цѣлаго ряда сочиненій, когда будутъ побѣждены трудности стилистическихъ формъ. Вотъ почему при веденіи сочиненій нужно обратить серьезное вниманіе на выработку стилистической формы, а для этого необходимо произвести цѣлый рядъ систематическихъ работъ стилистическаго характера. Но такія работы были бы скучны, если бы онѣ не имѣли практическаго примѣненія уже на первыхъ порахъ. Всегда идутъ успѣшнѣе тѣ занятія, смыслъ которыхъ ученикъ яснѣе себѣ представляетъ; поэтому нужно стараться дать примѣненіе и чисто-стилистическимъ упражненіямъ. Пусть дѣти разскажутъ письменно какіе-либо случаи изъ собственной жизни, или изъ жизни окружающей ихъ. Есть много соотвѣтствующихъ темъ въ быту каждаго человѣка: „какъ мальчикъ поймалъ рыбу“, „какъ дѣвочка провожала свою младшую сестру въ школу“, „какъ въ селѣ совершался крестный ходъ,“ „какъ дѣти ходили на ярмарку“ и т. д. Подобнаго рода самостоятельныя работы на первыхъ порахъ слѣдуетъ задавать послѣ разбора соотвѣтствующихъ статей повѣствовательнаго характера, которыя будутъ, особенно со стороны плана, какъ бы путеводнымъ спутникомъ учениковъ при ихъ первоначальныхъ самостоятельныхъ разсказахъ. Весьма пригоднымъ матеріаломъ для этого являются, напримѣръ, статьи, помѣщенныя въ „Родномъ Словѣ“ К. Д. Ушинскаго, годъ 2-й: „Изъ дѣтскихъ воспоминаній“, написанныя по

случаю тѣхъ или другихъ праздниковъ. Статьи эти очень нравятся дѣтямъ и не только вслѣдствіе талантливости изложенія, а главнымъ образомъ потому, что онѣ затрагиваютъ родной дѣтямъ міръ, переносятъ къ личнымъ интересамъ, играмъ и занятіямъ. Пусть дѣти послѣ прочтенія ихъ разскажутъ, какъ они сами встрѣчали Новый годъ, проводили Рождество и проч. При этомъ нѣтъ надобности давать всѣмъ одну и ту же тему: одинъ пишетъ про катанье съ горъ другой—про рождественскую елку, третій—про устройство катка, что кому больше нравится. Такое разнообразіе темъ даже необходимо, ибо онѣ имѣютъ цѣлью вызвать интересъ къ сочиненіямъ, а одна и та же тема не всегда одинаково интересна различнымъ дѣтямъ.

Педагоги замѣчаютъ, что дѣти больше оживляются, лучше говорятъ, даже становятся умнѣе, когда разсказываютъ что либо близкое имъ, интересное, знакомое. Нужно пользоваться этой особенностью и задавать имъ самостоятельныя сочиненія изъ личной жизни. Во время такой работы лучше развертывается дѣтскій умъ, сильнѣе работаетъ мысль, больше поэзіи вкладывается ребенкомъ въ свою работу, и творчество находитъ мѣсто въ такихъ занятіяхъ.

До сихъ поръ говорилось лишь о самостоятельныхъ сочиненіяхъ повѣствовательнаго характера. Но только этимъ видомъ сочиненій нельзя наполнить весь курсъ первой ступени обученія. Необходимо и возможно составленіе несложныхъ описаній. О томъ, какъ научить этому виду сочиненій на первой ступени обученія, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, гдѣ будетъ говориться объ описаніяхъ вообще.

Въ концѣ первой ступени обученія возможны и желательны сочиненія смѣшаннаго характера, куда повѣствованіе и описаніе будутъ входить лишь какъ элементы, напримѣръ прогулка по ярмаркѣ, путешествіе въ городъ и проч.

Чтобы закончить перечисленіе видовъ сочиненій, доступныхъ первой ступени обученія, остается упомянуть про пере-

сказы и извлеченія изъ статей съ измѣненіемъ формы: первое лицо замѣнить вторымъ или третьимъ и наоборотъ, т. е. вести разсказъ или отъ своего собственнаго лица, или отъ лица товарища, но особаго значенія такимъ работамъ придавать нельзя, такъ какъ это лишь одинъ изъ несложныхъ видовъ чисто стилистическихъ упражненій, не захватывающихъ дѣтскую душу.

II.

На второй ступени обученія изложенная выше работа усложняется. Здѣсь нужно поставить цѣлью изученіе теоріи повѣствованій, умѣнье составлять самостоятельно планъ того или другого разсказа и умѣнье правильно написать самостоятельный разсказъ изъ личной или окружающей жизни. Хотя на первой ступени обученія и были упражненія изъ области самостоятельныхъ сочиненій повѣствовательнаго характера, но тамъ къ нимъ нельзя было предъявлять большихъ требованій: сумѣетъ ученикъ связно изложить рядъ событій, относящихся къ данной темѣ—и достаточно; здѣсь требованія должны быть иныя, а какія именно—видно будетъ изъ послѣдующаго.

Составленіе плановъ данныхъ разсказовъ и умѣнье писать самостоятельныя сочиненія повѣствовательнаго характера основано на изученіи теоріи повѣствованій и на предварительной стилистической подготовкѣ. Значитъ, основа настоящаго круга занятій второй ступени обученія заключается въ изученіи образцовъ съ цѣлью усвоенія теоріи повѣствованій и практическаго примѣненія этихъ теоретическихъ свѣдѣній.

Вполнѣ подходящимъ матеріаломъ для изученія теоріи повѣствованій служатъ нѣкоторыя басни Крылова, представляя собой художественно-цѣльные разсказы. То обстоятель-

ство, что избранная для изученія басня-разсказъ представляетъ художественно-цѣльный образъ, имѣетъ особое значеніе. На такихъ басняхъ ученикъ при помощи логико-стилистическаго разбора постепенно пріучается къ правильному распредѣленію событій, объединяющихся въ одинъ цѣльный образъ, кратко нарисованный немногими, но мѣтко и удачно взятыми словами и выраженіями; на нихъ ученикъ уясняетъ себѣ причинно-послѣдовательную зависимость между отдѣльными событіями, умѣло стянутыми въ цѣлый разсказъ. Въ каждой хрестоматіи запасъ басенъ достаточно великъ, и потому этотъ матеріалъ всегда подъ руками.

Беремъ для разбора, напримѣръ, басню: „Волкъ и Журавль“.

Волкъ и Журавль.

„Что волки жадны, всякій знаетъ:
волкъ, ѣвши, никогда
костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ, знаками, сталъ волкъ его манить
и просить горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
засунулъ волку въ пасть и съ трудностью большою
кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
„Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный:
„тебѣ за трудъ. Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
и съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ.
Поди-жъ, пріятель, убирайся!
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!“.

Извѣстнымъ уже образомъ выясняется, что басня эта

по событіямъ распадается на четыре части, затѣмъ устанавливается содержаніе каждой части, названіе каждаго событія заносится на классную доску, столбикомъ, одно подъ другимъ. Необходимо оговориться: если ученики уже достаточно напрактиковались ранѣе въ подобныхъ разборахъ, то вся работа производится быстро, безъ подробныхъ разъясненій, какія были указаны при разборѣ басни „Обезьяна“. Ученикамъ объясняется, что на доскѣ записанъ планъ басни и что онъ вырабатывается при помощи произведенной работы, заключающейся въ розложеніи басни на части по событіямъ, въ названіи каждаго событія и, наконецъ, въ записи этихъ событій. На доскѣ же будетъ записано слѣдующее:

Планъ басни: Волкъ и Журавль.

1. Волкъ чуть не подавился костью.
2. Онъ началъ знаками просить журавля о помощи.
3. Журавль вытащилъ кость изъ горла и сталъ за трудъ просить.
4. Жадный и неблагодарный волкъ прогналъ журавля.

Приступаемъ къ логическому изученію плана. Нужно объяснить ученикамъ, что изложенныя событія связаны между собою хронологически-причинной связью, что хронологическая связь существуетъ между всѣми частями, а причинная на всегда, что изложенныя событія существуютъ не отдѣльно одно отъ другого, а объединены данною темою, представляя собою стройное ея развитіе.

Для объясненія хронологической связи можно задать такіе вопросы: Послѣ какого событія волкъ прогналъ журавля? Послѣ какого событія журавль вытащилъ у него кость изъ горла? Послѣ какого событія волкъ просилъ у журавля помощи? Если ученики собьются въ отвѣтахъ и, напри-

мѣръ, на первый вопросъ отвѣтятъ, что волкъ прогналъ журавля послѣ того, какъ чуть не подавился костью, то слѣдуетъ предложить наводящій вопросъ: а между этими двумя событіями не было ли еще какихъ либо событій? и ошибка будетъ разъяснена. Послѣ ряда перечисленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ — спрашивается: какая же связь существуетъ между изложенными событіями? Ученики (какъ это можно сказать на основаніи опыта) назовутъ ее послѣдовательной. Остается лишь дополнить, что послѣдовательность во времени называется хронологіей, указавъ на примѣръ исторіи.

Затѣмъ объясняется, что между первыми тремя частями: а также между первой и четвертой, существуетъ, кромѣ послѣдовательной, еще и причинная связь. Задаются вопросы: Почему волкъ сталъ просить журавля о помощи? Почему журавль вытащилъ кость? Почему волкъ прогналъ журавля и не заплатилъ ему за трудъ? Каждое изъ изложенныхъ въ баснѣ событій имѣетъ свою причину; слѣдовательно, какая же еще связь, кромѣ послѣдовательной, существуетъ между изложенными событіями?

Послѣ этого устанавливается цѣльность разсказа. Объясняется, что ни одно изъ данныхъ событій нельзя выпустить безъ нарушенія смысла цѣлаго сочиненія. Если выпустить, напримѣръ, вторую часть, то непонятно будетъ, почему журавль сталъ тащить кость изъ горла волка; если выпустить какую либо другую часть, то встрѣтятся иныя неясности. Съ другой стороны — къ перечисленнымъ событіямъ ничего не нужно прибавлять, потому что басня совершенно ясна безъ всякихъ добавленій. Само собой разумѣется, что все это уясняется также, какъ и прежде, путемъ катехизаціи.

Послѣ проведеннаго разбора нужно сдѣлать выводъ, какъ написанъ данный разсказъ. На основаніи всего предыдущаго можно сказать, что разсказъ распадается на собы-

тія, находящіяся между собою въ хронологически-послѣдовательной связи, что хронологическая связь существуетъ между всѣми событіями, а причинная связь только между нѣкоторыми (между третьей и четвертой частью басни ея нѣтъ), что разсказъ представляетъ собою цѣльное развитіе взятой темы, т. е. что въ немъ нѣтъ ничего лишняго и ничего недоговореннаго.

Подобные же разборы другихъ басенъ или иныхъ какихъ либо разсказовъ даютъ право сдѣлать обобщеніе и вывести заключеніе, что изложенные выводы, которые вытекаютъ неизмѣнно изъ всѣхъ художественныхъ повѣствованій, указываютъ путь, какъ надобно писать сочиненія повѣствовательнаго характера, а именно: нужно событія располагать въ послѣдовательной связи, устанавливать между ними гдѣ можно, причинную связь, заботиться о томъ, чтобы событія объединялись данною темою и чтобы избранная тема была достаточно полно развита, т. е. чтобы не было въ сочиненіи неясностей и ненужныхъ подробностей. Эти выводы, конечно, нужно не заучивать, а понять, для чего необходимо сознательно вникнуть въ изученіе плана.

На основаніи произведеннаго разбора басни „Волкъ и Журавль“, слѣдуетъ дать учащимся самостоятельную работу: составить планъ и написать краткій пересказъ другой какой либо басни, а затѣмъ еще нѣсколькихъ басенъ. Такая работа производится быстро и охотно: въ теченіе урока ученики могутъ приготовить одинъ—два подобныхъ пересказа. Однако, не слѣдуетъ задавать слишкомъ много такихъ работъ: вслѣдствіе своей простоты и однообразія онѣ могутъ потерять интересъ, а это неблагопріятно отразится на сочиненіяхъ.

Для того, чтобы пересказъ дѣйствительно былъ составленъ учащимися сознательно и правильно, слѣдуетъ до извѣстной поры (о чемъ будетъ сказано ниже) требовать предварительной записи плана въ тетради. Это заставляетъ ученика забо-

титься о правильномъ слогѣ и о правильной разстановкѣ знаковъ препинанія. Воспитывать же привычку заботиться объ этомъ необходимо, несмотря на то, что ученики можетъ быть еще и не усвоили какъ слѣдуетъ синтаксиса сложнаго предложенія.

Когда будетъ разобрано нѣсколько разсказовъ, можно дать слѣдующее опредѣленіе повѣствовательныхъ сочиненій: повѣствованіемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ излагается рядъ событій, объединенныхъ данною темою, въ хронологическомъ порядкѣ.

Слѣдующей ступенью въ области повѣствовательныхъ сочиненій является развитіе плана въ болѣе подробный, чѣмъ раньше, пересказъ какого либо отрывка или цѣлаго сочиненія. Для такихъ работъ слѣдуетъ выбирать образцы уже болѣе значительные объемомъ, чѣмъ разсмотрѣнныя выше басни. Подходящимъ матеріаломъ могутъ служить разсказы: Станюковича—„Человѣкъ за бортомъ“, Григоровича—„Пахарь Иванъ Анисимычъ“, П. Мельникова—„Богъ любы есть“ и друг. Логико-стилистическій разборъ этихъ разсказовъ облегчается тѣмъ, что они раздѣлены на части въ соотвѣтствіи съ ихъ главными событіями. Этимъ облегчается составленіе плана, иначе ученики могли бы запутаться въ разложеніи большого разсказа на событія, такъ какъ работа должна заключаться не только въ выдѣленіи событій, но и въ объединеніи ихъ между собою, чтобы создать изъ нихъ нѣсколько главныхъ группъ и каждой дать соотвѣтствующее заглавіе. Раздѣленіемъ на части послѣдняя работа значительно облегчается. Ученикамъ остается лишь прочитывать отдѣльно каждую главу и давать ей заглавіе. Тогда получится планъ сочиненія. Для примѣра беремъ хотя бы „Человѣкъ за бортомъ“ Станюковича.

Планъ разсказа Станюковича: Человѣкъ за бортомъ.

1. Хоровое пѣніе матросовъ и общаго любимца ихъ Шутикова.

2. Пропажа денегъ у Игнатова; подозрѣніе въ этомъ Прошки Житина.

3. Личность Житина.

4. Допросъ Житина и его запирательство.

5. Жалость Шутикова, проявленная къ Житину, и сознаніе послѣдняго.

6. Привязанность Прошки къ Шутикову.

7. Геройство Житина во время паденія въ море Шутикова.

Этотъ планъ своей формой отличается отъ предыдущихъ. Въ немъ мы даемъ лишь заглавія каждому событію, а въ предыдущихъ—кратко излагали ихъ содержаніе. Причиною этого служило желаніе сдѣлать менѣе замѣтнымъ переходъ отъ составленія плана къ составленію краткаго пересказа. Но такая форма плана могла имѣть мѣсто лишь въ басняхъ и небольшихъ разсказахъ, а въ болѣе значительныхъ она трудно осуществима, потому что каждое изъ главныхъ событій такого разсказа весьма сложно: оно состоитъ изъ цѣлаго ряда второстепенныхъ событій, почему трудно поддается сжатому и точному изложенію.

Развитіе изложеннаго плана въ пересказъ должно быть подготовлено на предварительной бесѣдѣ. Разъясняя планъ, учитель говоритъ ученикамъ, что для пониманія прочитаннаго разсказа надобно особенное вниманіе обратить на развитіе взаимныхъ отношеній описываемыхъ лицъ. Изучая это развитіе по схемѣ выработаннаго плана, слѣдуетъ прежде всего остановить вниманіе учениковъ на привлекательныхъ качествахъ Шутикова, которыя обнаруживаются сразу же при хоровомъ пѣніи матросовъ, даже про самое пѣніе авторъ

упоминаетъ лишь для того, чтобы показать отношеніе цѣлаго общества матросовъ къ привлекательной личности Шутикова. Далѣе разбирается, почему общій голосъ матросовъ обвинилъ въ похищеніи денегъ Прошку Житина. Это становится понятнымъ изъ описанія личности послѣдняго, угрюмой, забитой и приниженной. Прошка не сознался въ кражѣ, несмотря на тяжелые побои, которые такъ обильно сыпались на него во время допроса, и даже поселилъ этимъ въ матросахъ сомнѣніе въ своей виновности. Но ласка и участіе Шутикова пробудили въ немъ искру Божію. Житинъ сдѣлался настоящимъ человѣкомъ; привязался къ Шутикову, полюбилъ его и даже бросился въ море спасать послѣдняго, когда тотъ упалъ въ воду, сорвавшись съ корабельной палубы. Такъ произошло перерожденіе человѣка подъ вліяніемъ ласки и участія.

Изложенная бесѣда устанавливаетъ взаимную связь событій, отдѣляетъ главное отъ второстепеннаго и тѣмъ открываетъ возможность правильнаго пониманія даннаго сочиненія. Теперь ученикамъ остается лишь устно разсказать въ сжатомъ видѣ разобранное сочиненіе, а затѣмъ изложить его письменно. Устный пересказъ на первыхъ порахъ непремѣнно долженъ предшествовать письменному, потому что это облегчаетъ работу и дѣлаетъ ее для учащихся болѣе доступной, иначе они могутъ затеряться въ подробностяхъ и не пріобрѣтутъ навыковъ сосредотачивать свое вниманіе на главныхъ событіяхъ.

Подобныхъ работъ можетъ быть исполнено нѣсколько. Разсмотрѣнный пересказъ, представляя собою развитіе первоначальныхъ формъ повѣствовательныхъ сочиненій, заключалъ бы въ себѣ несомнѣнную трудность выдѣленія главныхъ событій, изъ которыхъ каждое объединяетъ рядъ второстепенныхъ, если бы избранное для письменныхъ работъ сочиненіе не было раздѣлено въ хрестоматіяхъ на соотвѣтствующія части. Но въ дальнѣйшихъ работахъ въ

силу послѣдовательности курса придется пользоваться уже обычнымъ изданіемъ разсказовъ русскихъ писателей, гдѣ спеціальнаго раздѣленія на главы не имѣется. Вотъ почему для дальнѣйшихъ работъ необходима предварительная подготовка учениковъ, заключающаяся въ сообщеніи имъ навыковъ разлагать избранныя для повѣствовательныхъ работъ разсказы на главныя событія, давая каждому изъ нихъ соотвѣтствующее заглавіе, чтобы затѣмъ развить полученный такимъ образомъ планъ въ пересказъ цѣлаго сочиненія или взять изъ него тѣ части, которыя необходимы для извлеченія.

Такую подготовку слѣдуетъ начать спеціальнымъ изученіемъ небольшихъ сочиненій, разлагая ихъ сначала на три главные момента: главное событіе, событія, предшествующія ему и слѣдующія за нимъ. Ученикамъ на примѣрахъ нужно объяснить, что повѣствованіе можетъ распадаться на три основныя части: событія, предшествующія главному, главное событіе и событія, слѣдующія за главнымъ. Для разъясненія этого иногда берутъ отрывокъ изъ „Исторіи государства Россійскаго“—„Куликовская битва“. Достоинство этой статьи состоитъ въ томъ, что она очень легко и замѣтно распадается на три указанныя части, недостатокъ—длинные періоды; но съ исторіей языка, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, познакомить учащихся надобно, почему придется разобрать хотя бы одинъ отрывокъ изъ сочиненій Карамзина; а такъ какъ за разборомъ „Куликовской битвы“ непосредственно можетъ и не быть работы по составленію какого либо сочиненія, то опасаться вліянія на стиль учениковъ длинныхъ періодовъ этого сочиненія нѣтъ основанія. Тѣмъ не менѣе, для выясненія раздѣленія повѣствованій на части нѣтъ необходимости останавливаться непремѣнно на этой статьѣ, можно взять и болѣе современную, хотя бы, напримѣръ, балладу Пушкина „Утопленникъ“. Логическій разборъ того и другого сочиненія происходитъ

точно такимъ же способомъ, какъ изложено выше: статьи раздѣляются на части по событіямъ, а затѣмъ всѣ названныя въ статьѣ событія стягиваются въ три группы: событія, предшествующія главному, главное и слѣдующія за нимъ. Главнымъ событіемъ въ „Куликовской битвѣ“ является самая битва, а въ „Утопленникѣ“—неисполненіе мужикомъ своего долга, а именно: онъ не похоронилъ мертвеца, а оттолкнулъ его отъ берега.

Въ „Куликовской битвѣ“ предшествуютъ главному событію многочисленныя приготовленія къ ней, распадающіяся на цѣлый рядъ хронологическихъ событій; слѣдуютъ за главнымъ событіемъ: преслѣдованіе татаръ, сборъ рати и проч. Въ „Утопленникѣ“ предшествуетъ главному событію вѣсть объ утопленникѣ, принесенная дѣтьми своему отцу, боязнь суда и проч.; слѣдуетъ за нимъ мученіе совѣсти, выражающееся въ страшныхъ галлюцинаціяхъ.

Послѣ такого изученія повѣствованій нужно взять какой либо цѣльный и болѣе значительный по объему разсказъ, гдѣ ясно видно главное событіе, и на совмѣстномъ разборѣ съ учениками намѣтить изъ числа событій, предшествующихъ главному и слѣдующихъ за нимъ, болѣе существенныя. Такимъ образомъ будетъ составленъ планъ. Напримѣръ, въ балладѣ Жуковскаго „Кубокъ“ главнымъ событіемъ является подвигъ молодого пажа, когда онъ бросился въ море достать брошенный туда кубокъ; предшествуютъ ему: призывъ царя, обѣщаніе награды и рѣшеніе юноши исполнить царскую волю; слѣдуютъ за нимъ: волшебный разсказъ о морскихъ чудовищахъ, новый призывъ царя изслѣдовать всѣ тайны моря и смѣлое рѣшеніе юноши совершить новый подвигъ. Эта схема облегчитъ выполненіе письменной работы учениковъ по изложенію даннаго разсказа.

Въ дальнѣйшихъ работахъ, когда ученики пріобрѣтутъ чувство мѣры по выдѣленію главныхъ событій разсказа, изложенный способъ составленія плана можно замѣнить

другимъ: описанныя въ разсказѣ событія намѣчать послѣдовательно, начиная съ перваго по счету. Этотъ способъ даже слѣдуетъ считать единственнымъ для тѣхъ сочиненій, которыя теряютъ спеціальный характеръ повѣствованія и переходятъ въ характеристику, какъ напримѣръ „Живыя мощи“ Тургенева и проч.

Послѣ всего предыдущаго, когда теорія повѣствованій окажется совершенно выясненной, главныя занятія учениковъ должны быть сосредоточены уже на практикѣ сочиненій повѣствовательнаго характера и на предварительномъ изученіи матеріала съ точки зрѣнія его содержанія. Матеріаломъ для пересказовъ и извлеченій на этой ступени обученія могутъ служить, напримѣръ, такія статьи, какъ баллады Жуковскаго: „Кубокъ“, „Поликратовъ перстень“ и друг.; „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина, извлеченіе изъ „Капитанской дочки“, его же—„Поѣздка Гринева къ мѣсту служенія“; извлеченіе изъ разсказовъ Тургенева: „Какъ Бирюкъ поймалъ и отпустилъ вора“, „Какъ Герасимъ лишился своихъ друзей“, „Какъ Тургеневъ охотился въ Льговѣ“,„Сны Лукерьи“ и проч.; извлеченія изъ разсказовъ и повѣстей Гоголя: „Какъ Бульба встрѣтился со своими сыновьями по возвращеніи ихъ изъ бурсы“, „Какъ умеръ Тарасъ Бульба“, „Разсказъ Левко про панночку“ и т. д.

Предварительная подготовка изложеній послѣдняго рода будетъ отличаться отъ подготовки изложенія басенъ или другихъ какихъ либо разобранныхъ раньше разсказовъ, какъ. напримѣръ, „Человѣкъ за бортомъ“ Станюковича и проч., и это отличіе будетъ заключаться въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, раньше слѣдовало требовать предварительнаго составленія плана и записи его въ тетрадь. Въ работахъ послѣдняго рода требовать письменнаго плана уже не нужно по слѣдующимъ причинамъ: предварительное составленіе плана ранѣе нужно было для того, чтобы учащіеся научились производить эту работу; запись плана, помимо

контроля, необходима была главнымъ образомъ еще и затѣмъ, чтобы пріучить учащихся развитіемъ плана въ пересказъ къ точности, ясности и правильности письменной рѣчи. Когда же такого рода навыки будутъ привиты, что вполнѣ возможно достигнуть въ теченіе одного—двухъ лѣтъ обученія на второй ступени, то утратится надобность во вторую половину второго года обученія и первую половину третьяго года второй ступени (къ какому времени, собственно, и относятся разбираемыя занятія) постоянно повторять, въ сущности говоря, черновую работу составленія плана и развитія его въ сокращенный пересказъ данной статьи. При наличности навыковъ составленія плановъ и при достаточной уже стилистической подготовкѣ, что должно явиться результатомъ предшествующихъ занятій, можно приступить къ составленію изложеній безъ письменнаго плана. Само собою разумѣется, что безъ плана писать сочиненія нельзя: пишущій долженъ знать, о чемъ онъ будетъ писать и въ какомъ порядкѣ будетъ излагать свои мысли, и ученики, излагая сочиненія русскихъ писателей или дѣлая изъ нихъ извлеченія, несомнѣнно планъ будутъ имѣть, но только не въ тетрадяхъ, а въ своей головѣ. Требовать же его записи, на этой ступени, не слѣдуетъ, наконецъ, и потому, что это была бы мучительная, не интересная, да пожалуй и безполезная работа: для пріобрѣтенія навыковъ по составленію плана она уже не нужна, для выработки правильной рѣчи тоже утратила необходимость,—для этого требуются уже другіе пріемы, а то одно и то же утомляетъ учащихся и надоѣдаетъ имъ; между тѣмъ труда и времени она потребовала бы много, а всякій знаетъ, что нѣтъ хуже той работы, которая не вытекаетъ изъ потребностей.

Во-вторыхъ, предварительная подготовка послѣдняго рода изложеній должна заключаться преимущественно въ изученіи содержанія избраннаго сочиненія: учащимся необходимо отчетливо представлять себѣ содержаніе разбираемой

повѣсти или разсказа, послѣдовательное развитіе темы, хронологически-причинную связь событій. Возьмемъ, напримѣръ, разсказъ Тургенева „Бирюкъ“ и подготовимъ письменную работу: „Какъ Бирюкъ поймалъ и отпустилъ вора“.

Этотъ разсказъ ученики должны предварительно прочитать дома [1]). Классное чтеніе большихъ сочиненій отнимаетъ много времени и поэтому поневолѣ приходится переносить эту работу, хотя бы въ частяхъ, на домашнія занятія. Въ классѣ ученики разсказываютъ содержаніе „Бирюка“, излагая событія въ той послѣдовательности, въ какой они изложены въ этомъ разсказѣ. Одновременно съ этимъ учитель объясняетъ взаимную связь событій и ихъ смысловое значеніе.

Ученикъ разсказываетъ, какъ во время сильной грозы Тургеневъ заблудился въ лѣсу и какъ къ нему, несмотря на сильный дождь, громъ и молнію, подошелъ лѣсникъ. Это даетъ возможность вывести заключеніе объ отношеніи Бирюка къ своимъ обязанностямъ. Дальнѣйшая картина домашней жизни этого человѣка позволяетъ еще глубже заглянуть къ нему въ душу: несмотря на бѣдность, личное горе, тяжелое положеніе дѣтей, требующихъ заботъ и ухода, Бирюкъ добросовѣстно исполняетъ принятую имъ на себя обязанность лѣсного сторожа. Логическимъ слѣдствіемъ изъ этого является слѣдующій эпизодъ—арестъ несчастнаго крестьянина, съ голодухи отправившагося въ темную ночь рубить барское дерево, чтобы продажею его поддержать полуголодную жизнь своего семейства. Всѣ эти обстоятельства выясняются послѣ ареста, въ лѣсу и въ избушкѣ лѣсника, главнымъ образомъ въ избушкѣ, гдѣ можно было уже спокойно отнестись къ совершившемуся событію и попять

[1]) Полезно въ училищѣ имѣть особую классную библіотечку изъ тѣхъ сочиненій, которыя разбираются на урокахъ русскаго языка, экземпляровъ по 10—20 каждаго сочиненія, въ зависимости отъ численности класса, чтобы намѣченный для разбора разсказъ, или повѣсть могъ быть учениками прочитанъ или повторенъ непосредственно передъ разборомъ, наканунѣ, или дня за два до него.

его причины. Когда безысходная нужда крестьянина-вора раскрылась передъ глазами сторожа, нужда, понятная ему самому и давящая его самого своей тяжестью,—чувство долга сторожа уступило обязанностямъ человѣка. Бирюкъ сумѣлъ стать выше буквы обязанностей лѣсника и отпустилъ бѣдняка на волю.

Изложенная связь событій устанавливается учениками при помощи учителя во время устнаго пересказа этого сочиненія. Въ концѣ непрерывной бесѣды выясняется прекрасная личность лѣсного сторожа: честное исполненіе имъ своихъ обязанностей, несмотря на тяжелую домашнюю жизнь, и умѣнье въ критическій моментъ обязанности человѣка поставить выше формальныхъ требованій.

Когда сочиненіе разобрано подробно и ученикамъ стало ясно все изложенное, имъ не трудно будетъ взять для данной темы именно то, что къ ней относится. Необходимо однако уяснить предварительно самую тему. Эта тема въ центрѣ сочиненія ставитъ борьбу лѣсника съ ночнымъ воромъ и освобожденіе проступника; борьбѣ предшествовали нѣкоторыя событія, а именно: какъ Бирюкъ узналъ, что происходитъ порубка, какъ онъ отправился на поиски—взялъ ружье и проч., и какъ онъ шелъ по лѣсу; за борьбою слѣдовалъ арестъ; освобожденію крестьянина предшествовало изображеніе имъ въ безсвязныхъ, но страшныхъ словахъ гнетущей бѣдности своей семьи и вліяніе этого на человѣческія струны души лѣсного сторожа. Эти событія—планъ настоящаго сочиненія. Теперь вмѣстѣ съ учениками нужно ихъ привести въ связь съ личностью Бирюка и крестьянина-вора, что выяснится послѣ вопросовъ учителя: Почему Бирюкъ, несмотря на темную ночь, дурную погоду и неизвѣстное число противниковъ, бросился ловить вора? Почему крестьянинъ такъ настойчиво просилъ отпустить его? Почему Бирюкъ отпустилъ крестьянина? Отвѣты ясны: исполненіе своего долга, во 1-хъ; гнетущая бѣдность, во 2-хъ, и

подчиненіе человѣческимъ требованіямъ профессіональныхъ, въ 3-хъ.

Послѣ этого сочиненіе совершенно понятно: ученикъ знаетъ, что надобно ему писать, и даетъ въ своей работѣ не только простой перечень относящихся сюда событій, но и ихъ объясненіе. Съ этого времени подготовленное сочиненіе стало собственностью ученика, и онъ будетъ охотно работать надъ нимъ, чтобы свести вмѣстѣ полученные образы и впечатлѣнія и, наконецъ, освободиться отъ нихъ, когда они выльются въ ясныя для него формы.

Существуетъ такое объясненіе законовъ творчества: человѣку нужно передать другимъ людямъ устно или письменно тѣ мысли, которыя сдѣлались его достояніемъ, ибо человѣкъ заключаетъ въ себѣ элементы общественности. Бѣлинскій въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій говоритъ, что у Шекспира подъ вліяніемъ впечатлѣній жизни сначала созрѣвала идея его великихъ твореній, затѣмъ эта идея, въ соотвѣтствіи съ условіями жизни, облекалась въ живые образы, которые, постепенно вырисовываясь въ подробностяхъ, развертывались наконецъ въ цѣлыя трагедіи, и писатель долженъ былъ запечатлѣть ихъ на бумагѣ: ему нужно было освободиться отъ нихъ—это потребность творчества.

Хотя это сравненіе главнымъ образомъ могло бы относиться къ совершенно самостоятельнымъ сочиненіямъ учениковъ, которыя избраны ими въ соотвѣтствіи съ личными склонностями, но и подобное сочиненіе „Какъ Бирюкъ поймалъ и отпустилъ вора“ стало тоже собственностью учениковъ, а потому и къ нему можно отнести сказанное.

Сочиненія, подобныя разсмотрѣнному, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для общаго развитія учениковъ. Совокупность работъ, вызываемая подобными сочиненіями, состоитъ въ чтеніи избраннаго литературнаго произведенія, его разборѣ, выясненіи темы даннаго сочиненія, опредѣленіи его содержанія и наконецъ уже въ изложеніи. Такимъ образомъ,

ученикамъ приходится обстоятельно знакомиться съ лучшими произведеніями литературы, потому что темы для подобныхъ сочиненій избираются изъ лучшихъ литературныхъ произведеній, принимать участіе въ совмѣстномъ классномъ разборѣ этихъ произведеній и во время выясненія темы вновь вдумываться въ содержаніе разбираемыхъ типовъ и образовъ. Такимъ образомъ, въ теченіе извѣстнаго времени ученики получатъ богатый запасъ литературныхъ знаній, болѣе глубокихъ, чѣмъ это можно получить на обычномъ объяснительномъ чтеніи, потому что здѣсь больше активности у учениковъ: имъ приходиться не только слушать объясненія учителя, но и серьезно вдумыватся въ разсматриваемыя положенія людей, ихъ взаимныя отношенія, достоинства и недостатки, а послѣднее условіе, активность, является необходимѣйшимъ при серьезномъ изученіи всякаго предмета и литературы въ частности. Въ виду этого темы для подобныхъ сочиненій слѣдуетъ избирать изъ числа наиболѣе выдающихся произведеній литературы, потому что для ученика будетъ больше пользы, если онъ внимательно будетъ изучать выдающееся литературное произведеніе, чѣмъ обычное.

Такимъ образомъ, предварительное изученіе матеріала, вызываемое веденіемъ подобныхъ сочиненій, оказываетъ вліяніе не только на содержаніе сочиненія, но и на общее развитіе учащихся. Однако, это не все. Предварительное изученіе матеріала, взятаго изъ лучшихъ произведеній литературы, вліяетъ даже на слогъ сочиненія, такъ какъ слогъ бываетъ лучше тогда, когда заданная тема нравится учащимся, когда у ученика есть что писать; а развѣ можно охотно излагать плохо разработанный матеріалъ, или такой, который избранъ не изъ художественныхъ произведеній?

Заботы о выработкѣ слога всегда занимаютъ видное мѣсто въ занятіяхъ. Пріемы этихъ занятій конечно измѣняются съ постепеннымъ усложненіемъ ученическихъ сочиненій.

Кромѣ разнаго рода грамматическихъ письменныхъ работъ, сюда относились стилистическія упражненія первой ступени обученія, развитіе плана въ пересказъ и вообще составленіе сочиненій. Къ нимъ можно прибавить еще одинъ видъ изученія образцовъ, слогъ которыхъ отличается тѣми достоинствами, какія нужно привить учащимся, причемъ образцы должны быть избраны изъ сочиненій писателей-художниковъ, доступныхъ пониманію учениковъ.

Такими писателями могутъ быть, главнымъ образомъ, Пушкинъ, Аксаковъ, Л. Толстой, Тургеневъ и Гоголь. На первомъ мѣстѣ стоитъ Пушкинъ (проза), такъ какъ слогъ его отличается замѣчательной простотой, изяществомъ, точностью и ясностью. Ученику доступна каждая его фраза, каждое предложеніе; къ характеру синтаксическаго строенія его рѣчи, отличающемуся соединеніемъ незначительнаго числа предложеній, приближается рѣчь самого учащагося, а это дѣлаетъ возможнымъ и доступнымъ подражаніе ея высокимъ достоинствамъ. Вотъ почему особенно полезно изучать прозу Пушкина. Такое изученіе могло бы производиться слѣдующимъ образомъ. Нужно читать отрывки изъ „Капитанской дочки“, производить грамматическій разборъ, заучивать ихъ на память, переписывать въ тетради, подчеркивать ихъ придаточныя предложенія, сравнивать пушкинское построеніе рѣчи съ гоголевскимъ; словомъ, стараться вникнуть въ отрой пушкинской рѣчи и воспринять пріемы этого строя. При этомъ ученикамъ нужно объяснить цѣль работы, чтобы они сознательно могли схватить самое построеніе рѣчи, прониклись слогомъ и въ своихъ сочиненіяхъ старались подражать пушкинскому построенію предложеній.

Наблюдается, что дѣти въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ охотно занимаются письменнымъ и устнымъ разборомъ пушкинской рѣчи и сознательно стараются усвоить способъ построенія предложеній. Правда, сначала у нихъ замѣтна

крайность: подражая Пушкину въ составленіи короткихъ предложеній, они вначалѣ пишутъ излишне отрывисто, почти совсѣмъ безъ придаточныхъ предложеній, рѣдко пользуясь союзами. Но чрезъ одно-два сочиненія такая крайность уже исчезаетъ, а чтобы исправить ее, нужно совсѣмъ немного труда: стоитъ лишь разобрать на классной доскѣ нѣсколько примѣровъ изъ ихъ сочиненій и указать, какъ слѣдуетъ соединять предложенія союзами и въ какихъ случаяхъ это надобно дѣлать. Подобная работа уже производилась ими раньше, когда они развивали планъ басни въ краткій пересказъ ея, и потому, представляя до нѣкоторой степени повтореніе предыдущаго, не можетъ требовать много времени. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ одного ученическаго сочиненія.

Разсказъ про панночку.

„Однажды въ тихій лѣтній вечеръ Левко шелъ съ гулянья. Онъ шелъ къ своей подругѣ Ганнѣ. Ганна была красивая казачка. Она любила Левко, и онъ тоже любилъ ее. Ганна вышла къ Левко и они сѣли на траву. Ганна просила, чтобы Левко разсказалъ ей про тотъ домъ, который стоялъ недалеко отъ нихъ. Левко согласился разсказать и началъ свой разсказъ.

Въ томъ домѣ жилъ сотникъ и у него была дочка. Онъ ее очень любилъ. У сотника умерла жена и онъ хотѣлъ жениться на другой...“ и т. д.

Въ приведенномъ отрывкѣ нельзя не видѣть вліянія пушкинскаго слога, а общій характеръ рѣчи нельзя не признать удовлетворительнымъ. Отдѣльные недочеты легко исправимы: соединивъ первыя два предложенія въ одно и замѣнивъ въ другихъ предложеніяхъ нѣкоторыя слова другими, болѣе подходящими, получимъ ученическое сочиненіе, вполнѣ удовлетворительное.

Кромѣ Пушкина, полезно изучать и рѣчь Аксакова. Она тоже проста и изящна. Однако, изученіе той и другой рѣчи надобно производить въ разное время; рѣчь Пушкина слѣдуетъ изучать во время составленія повѣствовательныхъ сочиненій, а рѣчь Аксакова во время составленія сочиненій по преимуществу описательнаго характера. Соотвѣтствующее различіе существуетъ и между прозой того и другого автора. Къ тому же, нельзя отрицать, что изучаемый образецъ долженъ стоять ближе къ тому роду сочиненій, которому въ данное время преимущественно посвящены ученическія работы.

Дальше слѣдуетъ поставить рѣчь Л. Толстого, Тургенева и Гоголя, но синтаксическій строй рѣчи Гоголя станетъ понятенъ ученикамъ только тогда, когда будутъ пройдены сложно-сочиненныя и сложно-подчиненныя предложенія и періоды.

Однако, изучая рѣчь писателя-художника, нельзя останавливаться только на синтаксической ея сторонѣ. Нужно разсматривать и содержаніе и стилистическія красоты взятыхъ отрывковъ. И то и другое роднитъ ученика съ писателемъ и сообщаетъ ученику способность понимать художественную рѣчь, что не можетъ не вліять на свойства его собственной рѣчи, которая постепенно пріобрѣтаетъ уже не только точность, ясность и простоту, но и художественныя свойства. Съ этой цѣлью заслуживаетъ особаго вниманія изученіе отрывковъ Гоголя, которые очень часто блещутъ художественными красотами. Но у Гоголя мы встрѣчаемъ по преимуществу описательный элементъ, а потому и изученіе его стиля должно сопутствовать ученическимъ сочиненіемъ описательнаго характера.

Кромѣ изложенныхъ занятій, опишемъ еще слѣдующій способъ развитія письменной рѣчи учащихся, касающійся сообщенія навыковъ правильнаго употребленія придаточныхъ предложеній и соединенія ихъ съ главными. Ученикамъ

надобно показать, что главныя мысли въ сочиненіи должны излагаться и главными предложеніями, а второстепенныя мысли, дополняющія и развивающія главную мысль, могутъ излагаться придаточными предложеніями. Для этого беремъ какой-нибудь маленькій разсказъ, напримѣръ, какую-нибудь басню и задаемъ ученикамъ работу составить ея планъ путемъ краткаго изложенія послѣдовательныхъ событій. Сравнивая полученный планъ съ разсказомъ, мы увидимъ, что въ послѣднемъ событія не только изложены, но и описаны. Опредѣливъ второстепенныя мысли, описывающія данныя событія, мы замѣчаемъ, что они могутъ быть изложены или самостоятельными предложеніями, если дополнительная мысль имѣетъ важное значеніе, или придаточными. На основаніи этого разбора ученикамъ задается работа: развить полученный планъ въ пересказъ, распространяя изложеніе главныхъ событій краткимъ описаніемъ дополнительныхъ мыслей и заключая послѣднія въ придаточныя предложенія. Работа эта потребуетъ помощи учителя. Для примѣра беремъ басню Крылова „Оселъ и соловей“.

Планъ басни: Оселъ и соловей.

1. Оселъ попросилъ соловья спѣть.
2. Соловей запѣлъ очень искусно.
3. Вся природа внимательно слушала его пѣніе.
4. Невѣжественный оселъ осудилъ пѣніе соловья.
5. Огорченный соловей улетѣлъ въ далекія края.

Первое событіе можетъ быть распространено указаніемъ на то, что оселъ обратился къ соловью съ просьбою, увидѣвъ послѣдняго и желая послушать его пѣніе, чтобы убѣдиться въ правдивости расточаемыхъ ему похвалъ. Третье событіе является по существу объясненіемъ искуснаго пѣнія соловья, почему можетъ быть выражено прида-

точнымъ предложеніемъ. Четвертое событіе можетъ быть развито указаніемъ на причину невѣжественнаго сужденія осла. Тогда пересказъ получится въ слѣдующемъ видѣ:

„Увидѣвъ соловья и желая послушать его пѣніе, чтобы убѣдиться въ правдивости расточаемыхъ ему похвалъ, оселъ попросилъ соловья спѣть. Тотъ запѣлъ очень искусно, такъ что вся природа обратилась въ слухъ и вниманіе, но невѣжественный оселъ, ничего не понимая въ искусствѣ, осудилъ пѣніе соловья. Огорченный соловей улетѣлъ въ далекіе края".

Конечно, могутъ быть введены въ пересказъ и еще нѣкоторыя объяснительныя мысли, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, чтобы показать ученикамъ значеніе придаточныхъ предложеній и научить ихъ правильно пользоваться ими въ своихъ сочиненіяхъ. Нѣсколько подобныхъ работъ дадутъ прочные навыки учащимся.

ГЛАВА IV.

Описаніе.

1.

Систематическому изученію описаній предшествуютъ, какъ и въ повѣствованіяхъ, подготовительныя упражненія, имѣющія мѣсто въ начальномъ курсѣ. Вслѣдъ за первоначальными упражненіями, разсмотрѣнными въ отдѣлѣ „подготовительныхъ упражненій" и состоящими изъ письменныхъ отвѣтовъ на вопросы, взятые изъ статей повѣствовательнаго и описательнаго характера, напримѣръ, статьи: „Классная доска", „Огородъ" и проч., могутъ быть заданы подобныя же работы, исчерпывающія по вопросамъ содержаніе несложной описательной статьи; затѣмъ эти работы могутъ заключаться въ составленіи по вопросамъ же не-

сложныхъ описаній окружающихъ предметовъ, по образцу прочитанной статьи, потомъ въ составленіи самостоятельныхъ описаній, безъ вопросовъ, но по данному образцу, а также съ вопросами, но безъ образца, и наконецъ безъ вопросовъ и безъ образца.

Первый видъ этихъ работъ—письменные отвѣты на письменные же вопросы, исчерпывающіе содержаніе несложной описательной статьи,—уже разсмотрѣнъ въ „подготовительныхъ упражненіяхъ".

Второй видъ — составленіе по вопросамъ несложныхъ описаній окружающихъ предметовъ, по образцу прочитанной статьи,—заключается въ слѣдующемъ.

Беремъ для образца, напримѣръ, статью „Нашъ классъ" и въ соотвѣтствіи съ ея планомъ задаемъ послѣдовательно вопросы для описанія своего класса.

Нашъ классъ.

„Нашъ классъ помѣщается въ большой комнатѣ. Въ этой комнатѣ есть полъ, потолокъ и четыре стѣны: двѣ покороче и двѣ подлиннѣе. Потолокъ выштукатуренъ; полъ выкрашенъ желтою краскою; стѣны обиты синими обоями. Въ стѣнахъ продѣланы двери и окна: въ окна проходитъ свѣтъ, а въ двери входятъ люди. Въ одномъ углу комнаты виситъ образъ, а въ другомъ стоитъ круглая печка, въ третьемъ—шкапъ для учебныхъ вещей, а въ четвертомъ—классная доска. Посреди комнаты скамейки для учениковъ. Передъ скамейками столъ и стулъ для учителя".

Вопросы. Въ какой комнатѣ помѣщается вашъ классъ? Какъ отдѣланъ потолокъ вашего класса? Полъ? Стѣны? Что стоитъ въ правомъ (или лѣвомъ) углу вашего класса? Посреди комнаты? Что виситъ на стѣнахъ вашего класса? И т. п.

Третій видъ указанныхъ выше работъ—видоизмѣненіе предыдущаго. Разница заключается въ томъ, что ученикамъ уже не задаются подобные приведеннымъ вопросы, чѣмъ работа ихъ усложняется. Чтобы сдѣлать ее доступной, надобно предварительно разобрать взятую статью, по образцу которой ученики безъ вопросовъ должны составить описаніе соотвѣтствующаго предмета изъ окружающей ихъ среды. Возьмемъ для образца статью „Каковъ нашъ домъ“ и посмотримъ, въ чемъ долженъ состоять ея подготовительный разборъ.

Каковъ нашъ домъ.

„У насъ домъ небольшой, деревянный, на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзною крышей. Нашъ домъ въ одинъ этажъ и въ немъ всего семь комнатъ: гостиная, столовая, спальня, кабинетъ, дѣтская, передняя и кухня. Возлѣ кухни маленькая кладовая. Внизу, подъ домомъ, есть у насъ погребъ, гдѣ сберегаются зимою плоды и овощи. Наверху дома, подъ крышею, чердакъ; тамъ я видѣлъ печныя трубы. На чердакѣ сушатъ бѣлье“.

Во время повторнаго чтенія этой статьи учитель спрашиваетъ учениковъ, о чемъ говорится въ каждомъ отрывкѣ (чтеніе надобно вести по частямъ статьи, соотвѣтствующимъ количеству точекъ), и устанавливается, что въ первомъ отрывкѣ говорится о величинѣ, матеріалѣ, фундаментѣ и крышѣ описываемаго дома. Затѣмъ спрашивается, что именно говорится при описаніи этихъ предметовъ, т. е. какіе признаки ихъ указаны (о величинѣ говорится, что домъ небольшой, и т. д.). Такимъ образомъ разбирается вся статья и въ концѣ разбора записывается на доскѣ ея планъ, причемъ объясняется, что послѣдовательное перечисленіе описываемыхъ въ статьѣ предметовъ называется планомъ статьи.

Планъ описанія: Каковъ нашъ домъ.

1. Величина, матеріалъ, фундаментъ и крыша дома.
2. Число этажей, число комнатъ и названіе ихъ.
3. Кладовая.
4. Погребъ и его назначеніе.
5. Чердакъ и печныя трубы.
6. Назначеніе чердака.

При объясненіи описаній и при составленіи плановъ на первой ступени обученія нѣтъ надобности вдаваться въ подробный разборъ статьи и плана: чѣмъ проще будетъ объясненіе, тѣмъ доступнѣе ученикамъ. Поэтому, напримѣръ, дѣленіе на части слѣдуетъ пріурочивать къ числу точекъ: приведенный разборъ имѣетъ цѣлью не изученіе теоріи описаній, а ознакомленіе съ даннымъ образцомъ, что бы ученикъ могъ приступить къ составленію подобнаго же описанія такого же предмета.

Послѣ предыдущей работы можно дать учащимся самостоятельную работу: составить описаніе своего дома, придерживаясь того порядка, по распредѣленію въ сочиненіи описываемыхъ предметовъ, какой имѣется въ разобранной статьѣ. Однако, предварительно у учениковъ слѣдуетъ спросить, что они будутъ писать въ своихъ сочиненіяхъ: какіе предметы будутъ описывать и какіе признаки этихъ предметовъ указывать. Такая коротенькая бесѣда заставляетъ ихъ болѣе внимательно вдуматься въ заданную работу и способствуетъ развитію наблюдательности.

Четвертый видъ указанныхъ работъ—составленіе самостоятельныхъ описаній по вопросамъ, но безъ образца—есть въ сущности говоря уже почти совершенно самостоятельная работа составленія несложныхъ описаній разнаго рода предметовъ по выработанному совмѣстно съ учителемъ

плану. Избирая тему для такого рода сочиненій, нужно заботиться, чтобы она охватывала возможно большій кругъ предметовъ, перечисленіемъ которыхъ ученикъ и долженъ заняться въ своемъ сочиненіи, вмѣстѣ съ указаніемъ подмѣченныхъ имъ признаковъ этихъ предметовъ. Нельзя брать тему слишкомъ узкую, напримѣръ, описаніе стола или стула потому что наблюдательность ученика еще не можетъ останавливаться на мелкихъ частяхъ предмета. Наоборотъ, нужно тему взять болѣе широкую, напримѣръ, описанія города, деревни и т. п. Тогда ученику легче перечислить отдѣльные предметы, входящіе въ составъ этихъ понятій, и указать ихъ замѣтные признаки. Во время предварительной бесѣды слѣдуетъ спросить у учениковъ, какіе предметы они должны описывать въ своемъ сочиненіи и какіе признаки ихъ будутъ указывать. Такимъ образомъ составляется планъ сочиненія, который и записывается для облегченія работы въ видѣ вопросовъ, а при дальнѣйшихъ такихъ же сочиненіяхъ въ обычной формѣ разобранныхъ выше примѣровъ.

Нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ этого типа является описываніе несложныхъ картинъ съ перечисленіемъ изображенныхъ предметовъ и названіемъ ихъ признаковъ.

Наконецъ, пятый видъ первоначальныхъ описательныхъ работъ—совершенно самостоятельныя сочиненія по самостоятельно же поставленному плану. Но къ этимъ работамъ, конечно, можно предъявлять лишь самыя минимальныя требованія и смотрѣть на нихъ, какъ на первые опыты.

Нѣкоторымъ разнообразіемъ во время составленія описательныхъ сочиненій четырехъ послѣднихъ видовъ могутъ быть сравнительныя описанія, напр.: „описанный классъ помѣщается въ большой комнатѣ, а нашъ классъ—въ маленькой“ и т. п. Такого рода устными сравненіями дѣти часто занимаются на урокахъ объяснительнаго чтенія, а потому эти письменныя работы не будутъ представлять затрудненій.

Изложенныя занятія ведутся на первой ступени обученія. Ими можно разнообразить стилистическія работы повѣствовательнаго характера. Но послѣдніе виды описательныхъ сочиненій можно вести уже только при достаточной стилистической подготовкѣ, а она, какъ видно изъ предыдущихъ повѣствовательныхъ работъ первой ступени обученія, вырабатывается на первыхъ порахъ преимущественно этимъ послѣднимъ видомъ сочиненій, почему болѣе сложные виды описательныхъ сочиненій должны слѣдовать за повѣствовательными Пока во время „подготовительныхъ упражненій“ идутъ работы, состоящія изъ письменныхъ отвѣтовъ на письменно же заданные вопросы, по разработанной въ главѣ „подготовительныя упражненія“ формѣ,—въ стилистическомъ отношеніи безразлично, какія статьи брать раньше: повѣствовательныя или описательныя; но когда начинается пересказъ и составленіе самостоятельныхъ описаній по вопросамъ, по плану или безъ нихъ, то пересказъ нужно вести раньше описательныхъ работъ еще и потому, что повѣствовательныя сочиненія болѣе соотвѣтствуютъ дѣтскому возрасту, чѣмъ описательныя, такъ какъ вниманіе дѣтей не можетъ долго сосредоточиваться на одномъ и томъ же предметѣ и, съ другой стороны, охотно слѣдуетъ за мѣняющимися событіями повѣствованія.

По этой же причинѣ дѣтскому возрасту болѣе соотвѣтствуютъ сочиненія смѣшаннаго характера, чѣмъ чистыя описанія. Чистыя описанія необходимы для развитія наблюдательности и для ознакомленія съ формою описаній; но въ самостоятельныхъ, въ свободно избранныхъ сочиненіяхъ дѣти не даютъ чистыхъ описаній, школьное же обученіе не должно забѣгать впередъ по пути дѣтскаго развитія: оно должно лишь своевременно давать дѣтямъ соотвѣтствующую ихъ развитію пищу. О значеніи самостоятельныхъ сочиненій уже было говорено выше, въ отдѣлѣ „Повѣствованіе“. Остается лишь сказать, что естественнымъ

видомъ самостоятельныхъ сочиненій являются сочиненія смѣшанныя. А поэтому послѣ составленія сочиненій описательнаго характера ученикамъ необходимо задать нѣсколько работъ на темы смѣшаннаго характера; напримѣръ, пусть дѣти опишутъ свою прогулку, поѣздку, работу, или работу другихъ лицъ, доступную ихъ наблюденію; весеннія крестьянскія работы, лѣтнія и осеннія. Но при этомъ опять приходится сказать, что ко всѣмъ этимъ работамъ на первой ступени обученія нельзя предъявлять высокихъ требованій: это только упражненія, и результата работъ нужно искать не столько въ ученическихъ сочиненіяхъ, сколько въ самомъ фактѣ упражненій, т. е. слѣдуетъ придавать этимъ работамъ по преимуществу не практическое, а воспитательное значеніе.

Болѣе высокія требованія къ подобнаго рода работамъ будутъ предъявлены на второй ступени обученія.

II.

На второй ступени обученія изучается теорія описаній и ведутся систематическія работы по составленію болѣе сложныхъ сочиненій описательнаго характера. Основнымъ методомъ сообщенія навыковъ составленія описаній является, какъ это было подробно развито въ „Общихъ замѣчаніяхъ“, изученіе образцовъ и примѣненіе въ практическихъ работахъ теоретическихъ свѣдѣній, добытыхъ этимъ изученіемъ. Въ настоящей главѣ придется разобрать вопросъ, какъ нужно изучать образцы описательнаго характера и какъ воспользоваться этимъ изученіемъ для выработки навыковъ составленія самостоятельныхъ описаній. Для этого надобно обратиться къ существу описательныхъ сочиненій.

Описаніемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ излагаются признаки даннаго предмета въ опредѣленномъ порядкѣ.

Какъ видно изъ даннаго опредѣленія, описаніе заключаетъ въ себѣ два главныхъ момента: изложеніе признаковъ (первый), въ опредѣленномъ порядкѣ (второй). Слѣдовательно, изучая описаніе, нужно разсматривать, какіе признаки предмета изложены въ данномъ сочиненіи: всѣ или не всѣ; если не всѣ, то почему, и нѣтъ ли какой либо опредѣленной системы въ ихъ выборѣ: если есть система, то въ чемъ она состоитъ и почему имѣетъ мѣсто въ данномъ сочиненіи; одна ли система расположенія признаковъ существуетъ, или нѣсколько; если нѣсколько, то какія именно, и насколько онѣ обязательны для пишущаго. Наконецъ, нужно изучать самое изложеніе описаній, т.-е. внѣшнюю форму сочиненія.

Матеріалъ для изученія теоріи описаній помѣщается обычно во второмъ томѣ хрестоматій, предназначенныхъ для второй ступени обученія, т.-е. въ высшихъ начальныхъ училищахъ, въ первыхъ 4-хъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ торговыхъ школахъ, въ 2-хъ классныхъ народныхъ школахъ и подобныхъ имъ училищахъ.

Переходимъ къ изученію образцовъ. Для разбора беремъ описаніе березки.

Береза.

„Нѣтъ у насъ дерева веселѣе, привѣтливѣе и милѣе кудрявой березки: ея длинный, гибкій стволъ покрытъ опрятной бѣлой одеждой, а яркая, кудрявая зелень весною первая радуетъ взоры. Если бы нужно было съ чѣмъ-нибудь сравнить березку, то я сравнивалъ бы ее съ хорошенькой дѣвочкой въ бѣломъ фартучкѣ; отъ нея такъ и дышетъ свѣжестью, чистотой и весельемъ.

„На постройку береза употребляется рѣдко; но для топлива лучше ея нѣтъ дерева, потому что въ корнѣ у ней много горючаго, липучаго и душистаго вещества—смолы. Изъ березы гонятъ деготь, для чего деревья сваливаютъ

въ большую кучу, засыпаютъ сверху землей и поджигаютъ; подъ землей береза тлѣетъ медленно, выпуская изъ себя жидкую смолу. Стволъ березы часто кривъ, суковатъ и не годенъ для построекъ; но древесина ея бѣла, крѣпка, а слои очень красивы; поэтому изъ березы дѣлаютъ мебель".

Ученики читаютъ эту статью въ цѣляхъ усвоенія ея содержанія и представленія изображеннаго предмета. Пользуясь обычными методами объяснительнаго чтенія, слѣдовало бы объяснить ученикамъ наиболѣе трудныя выраженія и понятія, но такъ какъ эта статья написана простымъ языкомъ, то, само собой разумѣется, такая работа для даннаго случая не нужна.

Затѣмъ, когда матеріалъ усвоенъ и правильность его усвоенія провѣрена вопросами, слѣдуетъ приступить къ логическому разбору. Предварительно нужно путемъ катехизаціи выяснить, что въ статьѣ описывается сначала общее впечатлѣніе, которое производитъ березка своимъ длиннымъ, гибкимъ стволомъ и яркой кудрявой зеленью, а затѣмъ— промышленное значеніе этого дерева: береза, какъ топливо, какъ матеріалъ, изъ котораго гонятъ деготь, и какъ матеріалъ для приготовленія мебели. При этомъ нѣтъ надобности сразу же устанавливать порядокъ описанія: онъ выяснится самъ собою. Катехизація можетъ заключать въ себѣ слѣдующіе вопросы: Что именно описывается въ березѣ? О чемъ еще здѣсь говорится? Какія свойства этого дерева здѣсь указаны?—Отсюда дѣлается выводъ, что статья распадается на нѣсколько частей.

Затѣмъ приступаютъ къ новому чтенію и раздѣленію статьи на части въ порядкѣ постепенности описываемыхъ частей и свойствъ дерева. Задаются вопросы: Въ началѣ этой статьи говорится о какой либо отдѣльной части дерева или описывается общее впечатлѣніе? Чѣмъ именно, какими своими сторонами березка создаетъ это общее впечатлѣніе?

Прочитайте, что сказано здѣсь о стволѣ? О зелени? Съ кѣмъ сравнивается это веселое деревцо? Что здѣсь говорится о промышленномъ значеніи березы? Перечислите по порядку все, что сюда относится?

Устанавливается, что сначала въ статьѣ говорится о томъ впечатлѣніи, которое производитъ внѣшній видъ дерева, а затѣмъ описывается его промышленное значеніе. Первая часть распадается на три части: описаніе ствола, зелени и сравненіе березки съ дѣвочкой. Вторая часть раздѣляется на три части: береза, какъ топливо, какъ матеріалъ, изъ котораго гонятъ деготь, и какъ матеріалъ для приготовленія мебели. Все это въ слѣдующемъ видѣ записывается на доску.

Планъ описанія: Береза.

А. Общее впечатлѣніе отъ внѣшности дерева:

1) стволъ,
2) зелень,
3) сравненіе березки съ хорошенькой дѣвочкой.

Б. Промышленное значеніе дерева:

1) береза, какъ топливо,
2) „ какъ матеріалъ, изъ котораго гонятъ деготь,
3) „ какъ матеріалъ для мебели.

Послѣ этого ученики уже сами, безъ помощи учителя, могутъ повторить порядокъ даннаго сочиненія: о чемъ говорится сначала, о чемъ потомъ и т. д. Затѣмъ имъ полезно отвѣтить на вопросъ: какая работа произведена для составленія плана, чтобы сознательно отдать себѣ отчетъ, чѣмъ они занимались. Не трудно отвѣтить, что разсмотрѣнная работа состояла въ чтеніи статьи, раздѣленіи ея на части въ порядкѣ перечисленія отдѣльныхъ сторонъ и свойствъ дерева, въ заглавіи расчлененныхъ частей статьи и записи

ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Отсюда можно сдѣлать выводъ, какъ нужно поступить, чтобы составить планъ другой подобной же статьи. Хотя этотъ выводъ есть почти повтореніе предыдущаго: раздѣленіе статьи на части въ порядкѣ описанія отдѣльныхъ предметовъ, заглавіе расчлененныхъ частей и запись ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ,— но онъ нуженъ, чтобы ученики знали не только то, что они дѣлали, а и что должны дѣлать, если имъ придется опять производить пробную работу; производить же ее придется скоро, и не только съ учителемъ, а и самостоятельно.

Затѣмъ изучается система плана. Однако передъ этимъ еще требуется установить, что планъ имѣетъ систему. Для этого нужно на другой доскѣ записать тотъ же планъ въ иномъ порядкѣ, напримѣръ: 1) сдѣлать часть Б—первой, а часть А—второй; сейчасъ же становится понятнымъ, что такой порядокъ существовать не можетъ, ибо, разсматривая предметъ, мы сначала изучаемъ общее впечатлѣніе, которое онъ производитъ, а потомъ отдѣльныя части и свойства; 2) можно совершенно перемѣшать части составленнаго плана, перенеся, напримѣръ, описаніе березы, какъ топлива, на мѣсто описанія ствола или зелени, и обратно; тогда несообразность уже прямо бросается въ глаза. Изъ всего этого дѣлается выводъ, что разсмотрѣнный планъ имѣетъ систему: его отдѣльныя части нельзя передвигать съ одного мѣста на другое. Не трудно установить, въ чемъ эта система.

Прежде всего березка радуетъ насъ, такъ сказать, своей веселостью, привѣтливостью и лаской; затѣмъ мы постепенно начинаемъ разсматривать ея длинный, гибкій стволъ, покрытый опрятной бѣлой одеждой; за нимъ яркую, кудрявую зелень; а дальше невольно напрашивается сравненіе съ хорошенькой дѣвочкой въ бѣломъ платьицѣ и въ зеленомъ фартучкѣ. Это сравненіе—индивидуальная особенность автора, но оно понятно каждому. Наконецъ мы разсматриваемъ свойства этого дерева въ промышленномъ отношеніи.

Въ заключеніе дѣлаемъ выводъ, что система изучаемаго плана состоитъ въ слѣдующемъ: сначала описывается общее впечатлѣніе, которое производитъ березка на зрителя своей внѣшностью: бѣлымъ стволомъ и кудрявой зеленью, а затѣмъ описываются свойства дерева; причемъ авторъ располагаетъ описаніе отдѣльныхъ частей и свойствъ дерева въ той постепенности, въ какой они производятъ впечатлѣніе на зрителя. Порядокъ двухъ главныхъ частей, на которыя распадается статья, основывается на томъ, что наблюдателю сначала бросается въ глаза внѣшность дерева, а затѣмъ уже онъ задумывается надъ его свойствами.

Для выясненія изложеннаго въ катехизацію могутъ входить слѣдующіе главные вопросы: Какъ мы разсматриваемъ каждый предметъ: сначала въ цѣломъ видѣ, а потомъ отдѣльныя части, или сначала отдѣльныя части, а потомъ въ цѣломъ видѣ? Можно ли сдѣлать часть Б первой, а часть А—второй? Почему нельзя? Почему нельзя произвести какую либо другую перестановку частей? Въ чемъ же состоитъ порядокъ главныхъ частей этого плана? На что сначала наблюдатель обращаетъ въ березкѣ свое вниманіе? На что потомъ? Почему? Какая постепенность имѣется въ первой части статьи? Какой порядокъ въ расположеніи частей имѣется во второй части статьи? Почему? Въ чемъ состоитъ порядокъ всего разобраннаго плана?

Однако необходимо оговориться о размѣрахъ пользованія катехизаціей. Для развитого взрослаго человѣка она несовершенный методъ, для дѣтей наиболѣе желательный, и вотъ почему: развитой умъ взрослаго человѣка требуетъ непрерывнаго логическаго развитія данной мысли и, быстро схватывая сообщаемые факты вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ заключеніями, не можетъ удовлетвориться медленной и прерывающейся работой катехизаціи, ему нужна лекція; наоборотъ, неокрѣпшій умъ ребенка и даже недостаточно развитого взрослаго человѣка утомится ею; ему нуженъ от-

дыхъ и возбужденіе умственной работы, что сообщаетъ катехизація, которая должна превращаться въ живую бесѣду изъ вопросовъ учителя и отвѣтовъ учениковъ. Установить, когда должна кончиться катехизація и начаться лекція, въ какой мѣрѣ можно соединять то и другое, представляется возможнымъ лишь самому учителю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ зависимости отъ возраста и развитія учащихся. Установить это въ дѣйствительности не трудно: сразу видно, что утомляетъ и что оживляетъ учениковъ: катехизація, лекція или бесѣда.

Изложенныя соображенія лишаютъ возможности отнестись къ приведеннымъ выше вопросамъ, какъ къ чему то обязательному. Теорія описаній проходится обыкновенно уже въ такомъ возрастѣ и при такой подготовкѣ, когда можно катехизацію соединить съ лекціей.

Въ логическомъ разборѣ данной статьи остается разсмотрѣть выборъ признаковъ описаннаго предмета. Мимоходомъ нужно сообщить ученикамъ, что называется признакомъ, если они еще не знаютъ значенія этого слова, хотя понятіе о признакѣ уже раньше дается въ синтаксисѣ, при разборѣ опредѣленій, или даже при краткомъ ознакомленіи съ описательными статьями на первой ступени обученія (признакомъ называется то, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другого).

Устанавливаемъ, что березка отличается отъ другихъ деревьевъ, такъ сказать, своей веселостью, привѣтливостью и лаской, а также своимъ длиннымъ, гибкимъ стволомъ, покрытымъ опрятной бѣлой одеждой, и яркою кудрявою зеленью, которая весною первая радуетъ взоры; отличается это дерево отъ другихъ и нѣкоторыми свойствами промышленнаго характера: оно является прекраснымъ топливомъ, изъ него гонятъ деготь и дѣлаютъ мебель.

Разсматривая эти отличія, видимъ, что здѣсь приведены признаки, отличающіе одинъ отъ другого только

однородные предметы: одно дерево отъ другого, а не разнородные, какъ, напримѣръ, дерево отъ камня. Слѣдовательно, при описаніи дерева нѣтъ надобности, напримѣръ, говорить, что у него имѣются разныя части: корни, стволъ, листья, цвѣты и плоды, такъ какъ все это есть у каждаго дерева, а нужно сказать, к а к і е у даннаго дерева корни, стволъ, листья, цвѣты и плоды.

Послѣ этого вся логическая сторона разсматриваемой статьи будетъ исчерпана, а въ стилистическомъ отношеніи статья ничего особеннаго не представляетъ и особаго изученія не требуетъ. Подведя итоги сказанному, видимъ, что на этой статьѣ можно научиться составленію плана описаній разсмотрѣннаго вида (о видахъ описаній будетъ сказано ниже), можно познакомиться съ системою плана и отчасти со способомъ выбора признаковъ. На основаніи предыдущаго также можно сдѣлать выводъ, что называется описаніемъ. Наконецъ приведенный разборъ даетъ нѣкоторыя указанія, какъ слѣдуетъ составлять описанія. Эти указанія полезно сейчасъ же примѣнить къ дѣлу.

Однако прежде необходимо сказать слѣдующее. Приведенная статья разобрана во всемъ ея объемѣ. Такое подробное изученіе несомнѣнно имѣетъ важное значеніе, такъ какъ оно не оставляетъ никакихъ неясностей и открываетъ возможность полнаго обладанія матеріаломъ, а это—научный методъ изученія, сообщить же его учащимся желательно. Съ другой стороны, подобное изученіе возможно, если только приходится имѣть дѣло уже съ подготовленными учениками, для которыхъ изложенная работа не будетъ утомительна. Но если бы оказалось, что учащіеся не въ состояніи разсмотрѣть съ такой полнотой всю статью, если бы эта работа имъ показалась утомительной и однообразной, то ее необходимо разложить на нѣсколько статей; на одномъ описаніи познакомить съ составленіемъ плана, на другомъ прибавить къ этому изученіе системы плана, на третьемъ сообщить

способъ выбора признаковъ. Въ классной хрестоматіи всегда есть достаточное число описаній, такъ что недостатка въ матеріалѣ не можетъ быть. Такое раздѣленіе при указанномъ условіи необходимо какъ въ интересахъ воспитательнаго значенія разсматриваемыхъ занятій, такъ и въ интересахъ самаго изученія теоріи описаній, потому что иначе матеріалъ не будетъ усвоенъ, описанія ученикамъ будутъ казаться трудными и они не научатся составлять сочиненія этого рода.

Переходимъ теперь къ вопросу, какъ примѣнить къ дѣлу полученныя свѣдѣнія изъ теоріи описаній. Слѣдуетъ лишь оговориться, что сумма этихъ свѣдѣній, необходимымъ для первоначальнаго практическаго примѣненія, не можетъ быть меньше полученныхъ нами выводовъ, касающихся составленія плана, распредѣленія его частей и выбора признаковъ.

Первое сочиненіе (а можетъ быть второе и третье) должно быть класснымъ, такъ какъ эту работу слѣдуетъ произвести подъ руководствомъ учителя, потому что надобно помочь учащимся, чтобы они правильно примѣнили къ практикѣ добытыя изученіемъ статьи свѣдѣнія; если же сдѣлать работу домашнею, то можетъ случиться, что учащіеся затруднятся въ этомъ, сочиненія у нихъ выйдутъ плохими, они найдутъ этотъ родъ сочиненій труднымъ, неохотно будутъ исполнять дальнѣйшія работы, а нѣкоторыя даже могутъ прибѣгнуть къ помощи репетиторовъ, которые за нихъ выполнятъ работу, и сами писать не научатся.

Темою перваго сочиненія избираемъ описаніе какого-либо предмета, находящагося въ классѣ и, такимъ образомъ, доступнаго классному изученію, напримѣръ: классный столъ, шкапъ и тому подобное. Прежде всего задается вопросъ: что называется описаніемъ? Ученики отвѣчаютъ, что описаніемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ перечисляются признаки предмета въ опредѣленномъ порядкѣ. Второй вопросъ: что надобно сдѣлать, чтобы приступить къ составле-

нію описанія? Не видно ли это изъ даннаго опредѣленія? Не трудно отвѣтить, что прежде чѣмъ приступить къ составленію описанія, нужно разсмотрѣть, какіе данный предметъ имѣетъ признаки, потомъ расположить ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ и затѣмъ уже приступить къ изложенію. Значитъ, первая работа—изученіе признаковъ. Раньше мы видѣли, что признаки нужно выбирать такіе, которыми данный предметъ отличается отъ однородныхъ съ нимъ другихъ предметовъ. Оказывается, что разсматриваемый классный столъ отличается отъ другихъ столовъ величиной, матеріаломъ, формой верхней доски, подстолья (такъ называется рама, на которой лежитъ столъ) и ножекъ, цвѣтомъ окраски и своимъ назначеніемъ. Дальше въ точности опредѣляемъ, въ чемъ именно заключается отличіе его величины, матеріала и проч. отъ величины, матеріала и проч. другихъ столовъ, и наконецъ распредѣляемъ полученные признаки въ опредѣленномъ порядкѣ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ описаніи „Береза“, т. е. сначала будемъ описывать столъ въ цѣломъ видѣ, а потомъ отдѣльныя части его. Выработанный такимъ образомъ планъ записывается въ тетрадь.

Планъ описанія: Нашъ классный столъ.

А. Столъ въ общемъ видѣ:
1, величина,
2, матеріалъ,
3, окраска.
Б. Части стола.
1, верхняя доска,
2, подстолье,
3, ножки.
В. Назначеніе класснаго стола.

Теперь остается только составить самое изложеніе, что уже не представляетъ особаго труда и въ стилистическомъ

отношеніи. Такое сочиненіе можетъ явиться, напримѣръ, въ слѣдующемъ видѣ (пользуюсь одной изъ ученическихъ работъ).

Нашъ классный столъ.

„Нашъ классный столъ вышиною съ аршинъ. Онъ сдѣланъ изъ дерева. Крышка его покрыта черною краскою, а подстолье и ножки — коричневою. Верхняя доска имѣетъ четырехугольную форму. Она плотно прикрѣплена къ деревянной четырехугольной рамѣ, которая поддерживается въ углахъ четырьмя ножками. Эти ножки имѣютъ видъ усѣченной пирамиды, обращенной книзу меньшимъ основаніемъ.

Классный столъ служитъ учителю. На него кладутъ нѣкоторыя учебныя пособія“.

Послѣ этого слѣдуетъ продолжать изученіе на образцахъ теоріи описаній и закрѣплять при помощи логическаго разбора уже полученныя ранѣе свѣдѣнія. Матеріалъ, однако, выбирается съ такимъ расчетомъ, чтобы изученіе новой статьи прибавляло какія-либо новыя свѣдѣнія. Этимъ требованіямъ, напримѣръ, удовлетворяетъ описаніе „Осина“, отрывокъ изъ разсказа Тургенева „Свиданіе“.

Осина.

„Я признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево — осину, съ ея блѣдно-лиловымъ цвѣтомъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ въ воздухѣ; не люблю я вѣчное качаніе ея круглыхъ неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она приходится въ упоръ рдѣю-

щимъ лучамъ заходящаго солнца, и блеститъ и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, или когда, въ ясный вѣтреный день, она шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленіемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться вдаль".

Послѣ чтенія производится логическій разборъ статьи, составляется ея планъ, изучаются признаки, взятые для описанія осины — все это по образцу разсмотрѣннаго уже описанія березы.

Планъ описанія: Осина.

I. Признаки осины, которые не нравятся автору:

а, блѣдно-лиловый стволъ,
б, сѣро-зеленая металлическая листва,
в, вѣчное качаніе листьевъ.

II. Когда бываетъ красива осина:

а, осина въ лѣтній вечеръ,
б, осина въ ясный вѣтреный день.

Разсматривая этотъ планъ, мы не находимъ въ немъ цѣлаго ряда признаковъ, которыми осина отличается отъ другихъ деревьевъ; такъ, здѣсь ничего не сказано о цвѣтахъ осины, объ ея плодѣ, о качествѣ дерева, какъ матеріала для топлива и различныхъ подѣлокъ, что весьма характерно и составляетъ его существенную особенность. Установивъ это видимъ, что данное описаніе нельзя считать исчерпывающимъ, оно не сообщаетъ полнаго пониманія предмета. Однако, нельзя не замѣтить, что описаніе задается иными цѣлями, а именно: приведенные признаки говорятъ о красотѣ дерева и притомъ такъ, что недостатки, обозначенные въ первой части, лишь сильнѣе оттѣняютъ достоинства второй. Значитъ, въ настоящемъ описаніи развита лишь одна сторона пред-

мета—красота дерева; съ этой основной точки зрѣнія и выбраны его признаки. Глядя на осину, авторъ вспомнилъ тѣ лѣтніе вечера и вѣтреный день, когда осина производила на него пріятное впечатлѣніе, и нарисовалъ ея картину. Въ это время ему не было дѣла до другихъ особенностей этого дерева, иные признаки не приходили ему на умъ, да и не могли притти, такъ какъ красота осины ничего общаго не имѣетъ хотя бы, напримѣръ, съ плохими качествами ея, какъ топлива, и авторъ записалъ только то, что вызвано было воспоминаніемъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что данное описаніе, не сообщая полнаго понятія о деревѣ, тѣмъ не менѣе даетъ живое представленіе о немъ въ извѣстное время. Дальше сравниваемъ разсмотрѣнныя описанія березы и осины. Находимъ, что первое даетъ понятіе о предметѣ, а второе живой образъ предмета, т. е. признаки перваго сообщаютъ намъ лишь простое пониманіе описаннаго предмета: при помощи полученныхъ знаній мы можемъ отличить березу отъ другихъ деревьевъ; признаки же второго такъ дѣйствуютъ на насъ, что мы воображаемъ живую картину, ясно представляемъ живой образъ этого дерева, хотя на основаніи прочитаннаго и не могли получить всесторонняго пониманія предмета. Первое описаніе называется прозаическимъ, а второе—художественнымъ, образнымъ, или картиннымъ.

Когда ученикамъ все это будетъ выяснено, можно приступить къ сравненію стиля того и другого описанія: осины и березы. Стиль березы не требовалъ изученія, потому что онъ не представлялъ ничего особеннаго. Не то—описаніе осины. Здѣсь мы встрѣчаемъ эпитеты: „блѣдно-лиловый“, „сѣро-зеленая“, „рдѣющій“ лучъ и друг.; сравненія: „листва дрожащимъ вѣеромъ раскидывается въ воздухѣ“ и др.; метафоры: „облитая желтымъ багрянцемъ, осина шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ“ и др. Отмѣтить всѣ эти красоты и разъяснить ихъ художественное значеніе есть

цѣль стилистическаго изученія статьи. Однако такого рода занятіямъ долженъ предшествовать стилистическій разборъ цѣлаго ряда художественныхъ произведеній, для того чтобы на нихъ предварительно уже подготовить сознательное отношеніе къ образной рѣчи и тѣмъ самымъ не затруднять изученіе теоріи описаній.

Для изученія образной рѣчи слѣдуетъ брать по преимуществу стихотворенія и на нихъ разъяснять смыслъ и значеніе эпитетовъ, сравненій, олицетвореній, троповъ, фигуръ и прочихъ особенностей картиннаго языка. Цѣлая галлерея прекраснаго матеріала даетъ возможность вести объяснительное чтеніе художественныхъ статей и настолько подготовить учащихся къ пониманію образной рѣчи, что стилистическій разборъ художественнаго описанія не будетъ много требовать ни времени, ни труда. Примѣръ того, какъ слѣдуетъ разъяснить учащимся стилистическія красоты, будетъ разобранъ ниже, въ главѣ „Лирическій элементъ“.

Изученіе художественной рѣчи, однако, не можетъ лишь предшествовать изученію описаній: оно должно и сопутствовать ему, и слѣдовать за нимъ. Словомъ, такого рода занятія должны войти въ кругъ объяснительнаго чтенія и на этихъ урокахъ путемъ изученія образцовъ слѣдуетъ вести и стилистическую подготовку учащихся. Въ дѣйствительности оно такъ и есть. Объяснительное чтеніе начинается съ самой первоначальной ступени обученія и въ заботы учителя постоянно входитъ объясненіе развиваемой въ статьѣ мысли, а также всякаго рода непонятныхъ или недостаточно ясныхъ выраженій и оборотовъ рѣчи, доступныхъ данному возрасту и развитію, а слѣдовательно, образовъ и художественныхъ выраженій: эпитетовъ, сравненій, метафоръ и проч., хотя на первыхъ порахъ и безъ терминологіи разсматриваемыхъ особенностей.

Художественная рѣчь, хорошіе стихи воспитываютъ вкусъ учащихся, сообщаютъ имъ эстетическое развитіе. Излагать

свои мысли образами и картиннымъ языкомъ можно лишь тогда, когда человѣкъ мыслитъ ими и обладаетъ запасомъ соотвѣтствующихъ словъ. Слѣдовательно, въ цѣляхъ развитія художественнаго стиля учащихся нужно развивать ихъ эстетическое чувство. А какъ извѣстно, одинъ изъ главныхъ факторовъ эстетическаго развитія является поэзія, которая въ школѣ доступна почти исключительно въ образахъ слова. И нужно какъ можно лучше воспользоваться поэзіей слова, чтобы повліять на развитіе эстетики. Для этого слѣдуетъ позаботиться о составленіи училищной библіотеки, о томъ, чтобы учащіеся знакомились съ художественной литературой и понимали читаемое. Но главное, требуется правильно поставить курсъ объяснительнаго чтенія лучшихъ произведеній образцовыхъ писателей, чтобы привить учащимся пріемы сознательнаго чтенія и воспитать въ нихъ умѣнье самостоятельно разбираться въ художественной литературѣ. Той же цѣли можетъ служить декламація стиховъ, устройство литературныхъ праздниковъ и проч. Словомъ, для воспитанія художественнаго чувства учителю нужно призвать къ себѣ на помощь Пушкина, Тургенева, Гоголя... Эти вѣрные союзники сдѣлаютъ чудеса и продолжительная работа объяснительнаго чтенія пожнетъ обильные плоды какъ въ повышеніи общаго развитія учащихся, такъ и въ улучшеніи ихъ стиля.

Само собой разумѣется, что на качество стиля оказываетъ громадное вліяніе и развитая мысль человѣка, а она прогрессируетъ въ своемъ развитіи опять таки отъ вдумчиваго чтенія лучшихъ писателей, сначала беллетристовъ, а потомъ и критиковъ.

Заботясь объ улучшеніи стиля учащихся, надо однако внушить имъ, что нельзя писать художественно по заказу, что это дѣлается само собой, если человѣкъ мыслитъ образами и способенъ чувствовать красоту. Примѣромъ можетъ служить та же „Осина“ Тургенева. Разсматривая, какъ поя-

вилось это описаніе (а это можно видѣть изъ разсказа „Свиданіе“, откуда описаніе извлечено), находимъ, что оно создалось непроизвольно, какъ результатъ впечатлѣнія, произведеннаго на автора этимъ деревомъ. Тотъ же выводъ можно провѣрить на цѣломъ рядѣ прочитанныхъ уже ранѣе стихотвореній Кольцова, Никитина, Лермонтова и др., ставя въ связь эти стихотворенія съ соотвѣтствующими моментами личной жизни писателей. Съ другой стороны, нѣкоторыя оды Ломоносова и Державина также должны убѣдить, что нельзя по заказу писать „художественно“, не слѣдуетъ стараться придумывать сравненія, олицетворенія, метафоры, иначе получится вымученная рѣчь; нужно стремиться лишь къ правильному и правдивому изложенію мысли, какая имѣется у человѣка по данному вопросу, развившись тѣмъ или инымъ способомъ: чувство же отразится на сочиненіи само собой, если конечно оно имѣется, а если его нѣтъ, то никакими способами сдѣлать сочиненіе художественнымъ невозможно.

Поэтому было бы большой ошибкой задавать обязательное составленіе описаній по образцу „Осины“. Изученіе его нужно главнымъ образомъ для того, чтобы разъяснить разницу между простымъ и художественнымъ описаніемъ. Если кто изъ учащихся настолько проникся этимъ торжественнымъ образцомъ, что сумѣетъ вложить въ свою работу живые образы, то это будетъ очень хорошо, но если кто не можетъ этого сдѣлать, вслѣдствіе иного склада своей мысли, то пусть онъ лучше обратить побольше вниманія на логическую сторону описанія, точность, ясность и правильность изложенія, а объ образахъ и картинахъ пусть не заботится.

Въ теоріи описаній остается еще изучить разныя системы расположенія плана и выбора признаковъ. Какъ извѣстно, по расположенію плана описанія бываютъ трехъ родовъ: 1) тѣ, въ которыхъ описываемыя части расположены по ихъ логическому соотношенію между собой; 2) тѣ, въ которыхъ описываемыя части предмета или самые предметы располо-

жены въ порядкѣ ихъ мѣстоположенія и 3) тѣ, въ которыхъ описываемые предметы расположены по времени. Примѣромъ описаній первой группы служитъ „береза“, примѣромъ второй группы—„классная комната“, отрывокъ изъ „дѣтства и отрочества“ Л. Н. Толстого, примѣромъ третьей группы—„осина“, „Днѣпръ“ Гоголя и друг. Для дальнѣйшаго изученія нужно взять какое либо описаніе второй группы, хотя бы „классную комнату“ Толстого.

Классная комната.

„Карлъ Ивановичъ съ очками на носу и книгой въ рукѣ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окномъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна наша, дѣтская, другая Карла Ивановича, собственная. На нашей были всѣхъ сортовъ книги— учебныя и неучебныя; однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des voyages (исторія путешествій), въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну, а потомъ и пошли длинныя, толстыя, большія и мелкія книги,—корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же бывало нажмешь и всунешь, когда прикажутъ передъ рекреаціей привести въ порядокъ библіотеку, какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту полочку. Коллекція книгъ на с о б с т в е н н о й еслине была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унаваживаніи огородовъ подъ капусту—безъ переплета, одинъ томъ исторіи семилѣтней войны—въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла и полный курсъ гидростатики. Карлъ Ивановичъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но кромѣ этихъ книгъ и „Сѣверной Пчелы“ онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежащихъ на полочкѣ Карла Ивановича, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напо-

минаетъ. Это—кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картина, представляющая каррикатуру какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Ивановичъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, почти всѣ изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна изрѣзанная, наша, другая—новенькая, с о б с т в е н н а я, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой—черная доска, на которой отмѣчались кружками наши большіе проступки и крестиками маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Ивановичъ: ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику,—а каково мнѣ? И начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку и ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Ивановича, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ, и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ тубаретокъ. Послѣдняя стѣна была

занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камушекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженая липовая аллея, изъ-за которой кой-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; чрезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа".

Послѣ класснаго чтенія статьи и краткой бесѣды, въ которой выспрашивается содержаніе прочитаннаго, составляемъ планъ. Названная бесѣда необходима для того, чтобы ученики, ясно представляя самый матеріалъ, легче могли сказать, на какія группы этотъ матеріалъ распадается, т. е. чтобы они имѣли возможность составить планъ данной статьи болѣе или менѣе самостоятельно, лишь подъ общимъ руководствомъ учителя. Способъ составленія плана такой же, какъ и въ предыдущихъ описаніяхъ. Легко видѣть, что предметы, описываемые въ данной статьѣ, расположены въ порядкѣ ихъ мѣстоположенія. Сначала описываются предметы, находящіеся на первой стѣнѣ, затѣмъ на второй, на третьей, посрединѣ комнаты и наконецъ тѣ, которые можно наблюдать изъ оконъ четвертой стѣны.

Планъ описанія: Классная комната.

I. Пунктъ, съ котораго производится описаніе.
II. Первая стѣна:
    а) полочка учениковъ,
    б) полочка учителя.
III. Вторая стѣна:
    а) ландкарты.
IV. Третья стѣна:
    а) линейки,
    б) доска,
    в) уголъ.

V. Средина комнаты:

а) столъ,

б) табуретъ.

VI. Видъ изъ оконъ четвертой стѣны:

а) дорога,

б) аллея,

в) лугъ, гумно и лѣсъ,

г) избушка сторожа.

Сравнивая эту систему плана съ той, которая имѣла мѣсто въ статьѣ „береза“, мы находимъ между ними различіе: тамъ планъ построенъ по логическому соотношенію частей предмета, а здѣсь по мѣсту расположенія предметовъ. Отсюда получается выводъ, что въ разныхъ описаніяхъ планъ можетъ быть построенъ различно. И даже описаніе однородныхъ предметовъ у разныхъ авторовъ можетъ быть построено по разнообразнымъ планамъ, доказательствомъ чего можетъ служить описаніе комнаты Ильи Ильича Обломова (эту статью достаточно лишь прочитать, безъ подробнаго разбора), гдѣ предметы не имѣли никакого порядка, но они объединены въ описаніи другой мыслью—на всѣхъ ихъ лежалъ отпечатокъ запущенности, что является для послѣдняго описанія основной точкой зрѣнія въ составленіи плана. Такимъ образомъ, учащіеся могутъ убѣдиться, что планъ составляется въ разныхъ описаніяхъ по различнымъ системамъ: если комната, напримѣръ, производитъ впечатлѣніе порядкомъ расположенныхъ въ ней предметовъ, то это и является основной точкой зрѣнія описанія; если въ ней царствуетъ хаосъ и запущенность, то основной точкой зрѣнія будетъ эта особенность.

Сопоставленіе тѣхъ же статей позволитъ разъяснить систему выбора признаковъ для описанія предмета. Въ обѣихъ разсмотрѣнныхъ комнатахъ есть однородные предметы, напримѣръ столы и стулья. И хотя столы и стулья этихъ комнатъ могутъ отличаться отъ другихъ не только устройствомъ,

но и матеріаломъ (липовые, березовые, кленовые и т. п.), однако ни тамъ, ни здѣсь не указывается этихъ признаковъ. Также не извѣстна намъ величина этихъ предметовъ, имя мастера, которымъ они сдѣланы и проч. Ясно, что для составленія понятія о классной комнатѣ или о комнатѣ Ильи Ильича Обломова ничего этого и не нужна знать. Слѣдовательно, для описанія тѣхъ или другихъ предметовъ берутся не всѣ признаки, а только наиболѣе главные, т. е. такіе, которые могутъ дать болѣе выпуклое представленіе или болѣе точное понятіе о данномъ предметѣ; остальные отбрасываются, какъ ненужные; если бы ихъ взять, то они лишь затемнили бы картину, не сообщивъ ничего существеннаго.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ сказано, что въ комнатѣ Обломова зеркала могли бы служить скрижалями для записыванія на нихъ по пыли какихъ-нибудь замѣчаній на память въ классной комнатѣ столъ былъ накрытъ оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами.

Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, а именно въ тѣхъ, которыя даютъ живое представленіе о предметѣ, какъ, напримѣръ комната Ильи Ильича Обломова, деревня Онѣгина, домъ боярина, изъ А. Толстого, и проч., выбираются не только болѣе важные признаки, но и соотвѣтствующіе основной точкѣ зрѣнія, причемъ этотъ выборъ производится самъ собою художественнымъ чувствомъ автора; въ такихъ случаяхъ описанія представляютъ живыя картины изображеннаго предмета, отличающагося гармоничнымъ соотношеніемъ отдѣльныхъ частей съ цѣлымъ образомъ. Однако требовать отъ учениковъ обязательнаго составленія подобныхъ описаній нельзя по тѣмъ же причинамъ, что и въ предыдущемъ случаѣ (составленіе описаній по образцу „осины“).

Заканчивая изученіе второго рода описаній, слѣдуетъ на основаніи разсмотрѣнныхъ образцовъ замѣтить, что основ-

ная точка зрѣнія—не случайное явленіе. Она соотвѣтствуетъ дѣйствительности и проникаетъ во все описаніе.

Остается познакомить учащихся съ третьимъ родомъ описаній, планъ которыхъ построенъ по времени. Для разбора можно взять „Днѣпръ“ Гоголя. Это описаніе распадается на три части: Днѣпръ въ тихую погоду днемъ, въ лѣтнюю теплую ночь и въ бурю.

Наконецъ, возможны описанія сложныя, въ которыхъ соединяются всѣ разсмотрѣнные роды.

Этимъ теорія описаній будетъ закончена. Дальнѣйшіе логико-стилистическіе разборы описательныхъ образцовъ нужно вести для закрѣпленія полученныхъ свѣдѣній и болѣе глубокаго проникновенія ими, причемъ необходимо разбираемыя статьи согласовать съ темами задаваемыхъ сочиненій, или обратно. Могутъ быть разобраны, напримѣръ, описанія: домъ боярина—отрывокъ изъ А. Толстого, деревня Онѣгина—отр. изъ Пушкина, помѣстье Плюшкина—отр. изъ Гоголя, садъ Плюшкина—его же, Пятигорскъ—отрывокъ изъ Лермонтова, степь—отр. изъ Гоголя, дорога—его же, а также описанія мѣстностей, временъ года, явленій природы и прочее, по преимуществу отрывки писателей-художниковъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ ученикамъ можно задавать составленіе описаній собственной или классной комнаты, какого-нибудь строенія, деревни, села или города, поля, лѣса, рѣки или озера и т. п., чередуя изученіе образцовъ съ составленіемъ самостоятельныхъ сочиненій.

Однако было бы ошибочно разбирать весь тотъ матеріалъ, который обычно помѣщается въ хрестоматіяхъ въ большомъ числѣ. Хрестоматіи должны имѣть большой запасъ матеріала, чтобы не стѣснять учителя выборомъ темы, но изученіе всѣхъ отрывковъ излишне, потому что цѣль этихъ разборовъ—сообщеніе пріемовъ составленія описаній, и какъ только учитель замѣтитъ, что ученики научились располагать признаки по намѣченному ими самими плану и спра-

вляются съ выборомъ ихъ, такъ слѣдуетъ переходить къ иного рода сочиненіямъ, имѣющимъ болѣе общій характеръ.

Такихъ описаній, въ которыхъ имѣетъ мѣсто только одинъ этотъ элементъ, нѣтъ надобности много писать: четырехъ-шести небольшихъ работъ, хорошо подготовленныхъ, совершенно достаточно, чтобы усвоить и закрѣпить способъ ихъ составленія. Уже было говорено, что предварительная подготовка должна состоять въ изученіи избраннаго предмета (класса или зданія, деревни или города и т. п.) путемъ личнаго наблюденія, въ опредѣленіи отличительныхъ чертъ его и въ составленіи плана. Предварительное изученіе предмета придаетъ работѣ интересъ и дѣлаетъ ее содержательной. Вмѣстѣ съ изученіемъ образцовъ оно составляетъ сумму тѣхъ работъ, которыя необходимы для полученія навыковъ составленія самостоятельныхъ описаній.

Послѣ изученія описаній и практическихъ работъ въ области соотвѣтственныхъ сочиненій, надобно давать учащимся для письменныхъ работъ темы уже болѣе общаго характера, куда входили бы описательный и повѣствовательный элементы. Такія сочиненія могутъ быть только самостоятельными, причемъ тема непремѣнно должна быть избрана изъ жизни, доступной наблюденію ученика. Лучше всего, если учащіеся сами изберутъ тему изъ числа предложенныхъ учителемъ или наконецъ даже остановятся на придуманной ими самими. Этимъ создается гарантія того, что къ изученію матеріала они приложатъ больше активности.

Учителемъ могутъ быть предложены и учениками избраны, напримѣръ, такія темы: „ночь на рыбной ловлѣ“, „путешествіе (или поѣздка) къ какому либо мѣсту, въ какой либо городъ“ и т. п., „исторія одного гривенника“ (разсказъ), „корень ученья горекъ, а плоды его сладки“ (раз-

сказъ) и т. д. Если ученикъ изберетъ первую тему, то въ большинствѣ случаевъ это значитъ, что полная поэзіи лѣтняя ночь сильно повліяла на его впечатлительное сердце; въ такомъ случаѣ пусть онъ снова переживетъ хотя малую часть тѣхъ впечатлѣній, которыя раньше заставили его полюбить природу, а онъ непремѣнно ее полюбилъ, если въ состояніи былъ воспринять и прочувствовать поэзію лѣтней ночи и ранняго утра—притягательныхъ силъ любителя-рыболова. Вторая тема, можетъ быть, доставитъ другому ученику возможность почувствовать красоту природы. Во время работы и тотъ и другой сознательно отнесутся къ самимъ себѣ, углубятся въ свой внутренній міръ; черпая изъ него матеріалъ для сочиненія, попытаются опредѣлить свое личное отношеніе къ тѣмъ или другимъ сторонамъ внѣшняго міра, а этимъ самымъ будутъ содѣйствовать росту своего развитія. Вообще нужно сказать, что сочиненіе сильно двигаетъ всякаго человѣка, а въ томъ числѣ и учениковъ, въ этомъ отношеніи. Образованіе имѣетъ главную цѣль—воспитаніе сознательнаго отношенія къ жизни. Главнымъ средствомъ этого является изученіе: изучается человѣкъ, общество, та или другая сторона жизни, природа. Главнымъ методомъ всякаго изученія является изслѣдованіе. А это есть основа всякаго сознательно написаннаго самостоятельнаго сочиненія. Чрезвычайно важную роль имѣютъ самостоятельныя сочиненія въ развитіи ученика: они помогаютъ ему сознательно относиться къ жизни, задумываться надъ разными ея сторонами, ставить въ связь различные факты, находить между ними взаимное отношеніе, отыскивать и опредѣлять причины явленій и т. д. Вотъ, напримѣръ, ученическое сочиненіе: „исторія одного гривенника“. Мальчикъ описалъ, какъ потертый, старый гривенникъ, брошенный въ кучу лома, разсказывалъ товарищамъ свою исторію. Онъ началъ съ того, какъ его сдѣлали на монетномъ дворѣ и какъ онъ затѣмъ странствовалъ по свѣту. Сначала ему пришлось по-

бывать у богатаго барина, затѣмъ у бѣднаго чиновника и наконецъ въ мозолистыхъ рукахъ крестьянина. Гривенникъ описывалъ обстановку жизни этихъ людей, передавалъ ихъ обычные разговоры.

Можетъ быть, въ этомъ сочиненіи взрослый читатель найдетъ неправильное изображеніе жизни, но вѣдь мальчикъ писалъ, какъ ему жизнь представляется, ставилъ въ связь тѣ явленія, которыя онъ самъ подмѣтилъ. Пройдетъ время, кругозоръ юнаго автора расширится, и онъ впослѣдствіи, можетъ быть, иначе нарисуетъ ту же картину, добавивъ новые штрихи или измѣнивъ старые, но самая привычка наблюдать, вдумываться, разсуждать у него останется, а это, какъ уже сказано, главный залогъ развитія. Важно и то, что ученикъ упражняетъ свои способности на живомъ матеріалѣ—бытѣ людей. Это правильная дорога и стать на нее нужно еще въ школьномъ возрастѣ. Наконецъ, серьезную роль въ обученіи играетъ тотъ интересъ, съ которымъ учащіеся принимаются за такую работу: интересъ къ работѣ важенъ не только для практическихъ результатовъ даннаго сочиненія, онъ воспитываетъ въ ученикѣ любовь къ труду и тѣмъ самымъ вырабатываетъ изъ него серьезнаго человѣка, который, вслѣдствіе воспитательнаго значенія другихъ факторовъ, отчасти разсмотрѣнныхъ выше, будетъ обладать хорошими средствами знанія жизни.

Наконецъ, какъ разсмотрѣнное сочиненіе „исторія одного гривенника“, такъ и слѣдующее—„корень ученья горекъ, а плоды его сладки“, развиваютъ фантазію. Способность живо представлять и создавать картины—большое счастье человѣка. Поэтому заботиться и развитіи фантазіи слѣдуетъ. Въ сочиненіи „корень ученья горекъ, а плоды его сладки“ ученикъ разсказалъ біографію одного юноши, вышедшаго изъ бѣдной крестьянской семьи и тяжелымъ путемъ получившаго высшее образованіе. Вступая въ практическую жизнь,

этотъ юноша мечтаетъ дѣлать добро на общественномъ поприщѣ своей дѣятельности.

Итакъ, развивая способности человѣка, самостоятельныя сочиненія являются важнымъ факторомъ его развитія.

Самостоятельныя сочиненія имѣли мѣсто и на первой ступени обученія. Представляя первый концентръ общаго курса, они захватывали болѣе узкій кругъ темъ, по преимуществу относившихся къ личной жизни пишущаго. На второй ступени обученія, во второмъ концентрѣ, кругъ темъ становится шире, распространяясь на окружающую жизнь, доступную наблюденію.

Однако сказаннымъ не исчерпываются занятія второй ступени. Здѣсь возможно знакомить учащихся съ характеристикой и разсужденіемъ, какъ самостоятельными видами сочиненій.

ГЛАВА V.

Характеристика.

Повѣствованіе и описаніе—совершенно опредѣленныя формы выраженія мысли пишущаго, независимо отъ того, разсматриваемъ ли мы простой или художественный отрывокъ. Рѣшительно про каждое повѣствованіе можно сказать, что въ немъ излагаются событія, объединенныя данною темою, въ хронологическомъ порядкѣ, а въ каждомъ описаніи перечисляются признаки, извѣстнымъ образомъ избранные и расположенные въ присущей ему той или иной системѣ; планъ этихъ сочиненій строится по извѣстнымъ логико-психологическимъ законамъ. Въ виду такого однообразія въ построеніи сочиненій той и другой формы представляется полная возможность изучить повѣствованія и описанія во всемъ ихъ объемѣ.

Гораздо меньше общихъ чертъ имѣютъ характеристики, а потому и изученіе этого рода сочиненій не можетъ быть произведено въ такой исчерпывающей полнотѣ, какъ повѣствованія и описанія. Это сразу видно хотя бы на характеристикахъ Обломова, Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, Хоря и Калиныча, Плюшкина и черкесовъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ Пушкина. Въ одномъ случаѣ (Обломовъ) писатель вводитъ насъ въ кругъ сложныхъ отношеній цѣлой группы людей разныхъ классовъ и положеній, изображая все это въ большомъ романѣ; въ другомъ (Старосвѣтскіе помѣщики)—повѣстью рисуетъ главнымъ образомъ взаимное отношеніе двухъ лицъ; въ третьемъ (Хорь и Калинычъ)—въ разсказѣ выясняетъ по преимуществу отношеніе крестьянъ къ крѣпостному праву; въ четвертомъ (Плюшкинъ)—даетъ типъ отдѣльной черты человѣка, изображая это въ небольшомъ отрывкѣ крупнаго сочиненія; въ пятомъ (Горцы)—какъ бы мимоходомъ набрасываетъ картину жизни въ произведеніи, имѣющемъ совершенно иную тему и значеніе.

Форма разсмотрѣнныхъ сочиненій различна: разрастаясь въ однихъ случаяхъ въ цѣлый романъ или повѣсть, въ другихъ характеристика суживается до изображенія небольшой, но глубокой по содержанію картины, гдѣ, какъ въ фокусѣ, сжато представлены разнообразные штрихи, которые могутъ быть развиты подробно въ большомъ сочиненіи. Продолжая подобное сравненіе въ тѣсномъ кругу однородныхъ видовъ литературы, т. е. романы сравнивая между собою, а повѣсти между собою, и т. д., вновь найдемъ разнообразіе въ построеніи сочиненій, не говоря уже о разнообразіи содержанія, которое опять-таки въ характеристикѣ гораздо больше отличаетъ одно произведеніе отъ другого, чѣмъ въ описаніи и повѣствованіи. Не будемъ останавливаться на примѣрахъ, подтверждающихъ эту мысль, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы проводить раз-

ницу между содержаніемъ и формой сочиненій Чехова и Тургенева, Успенскаго и Гончарова...

Однако, нельзя не замѣтить и общихъ сторонъ во всѣхъ указанныхъ сочиненіяхъ. Такими сторонами являются, во 1-хъ, изображеніе фактовъ и, во 2-хъ, группировка этихъ фактовъ, избранныхъ въ соотвѣтствіи съ данною темою, для обрисовки одной или нѣсколькихъ чертъ человѣка, составляющихъ его отличительную особенность. Дѣйствительно, въ „Обломовѣ“ на многочисленныхъ фактахъ изъ жизни Ильи Ильича и другихъ лицъ, имѣющихъ съ нимъ тѣсное соприкосновеніе, представлена поразительная нравственная и умственная лѣность этого человѣка, „обломовщина“, красной нитью проходящая черезъ всѣ событія его жизни, отражающая при этомъ и многія другія черты Ильи Ильича: доброе сердце, отрицательное отношеніе къ нравственной грязи, неудовлетворенность самимъ собою, смутное желаніе лучшей жизни и пр., но всѣ эти черты неизмѣнно проникнуты „обломовщиной“, подчиняющей себѣ всѣ остальное. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ тоже путемъ изображенія и сочетанія фактовъ представлено любвеобильное сердце старичковъ, кладущее свой отпечатокъ рѣшительно на всѣ ихъ другія черты и на отношеніе къ людямъ: гостепріимство, хозяйничанье дома, въ полѣ и проч. Въ „Хорѣ и Калинычѣ“ на фактахъ же видимъ практицизмъ одного и романтизмъ другого, которые руководятъ устройствомъ ихъ личной жизни, создаютъ отношеніе къ помѣщику, воспитываютъ складъ ума и проч. Точно такимъ же способомъ изображена болѣзненная скупость Плюшкина, отразившаяся не только на отношеніяхъ этого человѣка къ людямъ, но даже и на его наружности. Наконецъ, также представлена непосредственная жизнь горцевъ въ разные моменты ея наблюденія.

Итакъ, общая черта въ характеристикахъ—изображеніе типическихъ фактовъ и ихъ сочетаніе, различіе—разно-

образіе въ описаніи этихъ фактовъ и ихъ соотношеніи между собой.

Предыдущій разборъ приведенныхъ примѣровъ позволяетъ опредѣлить, кромѣ сказаннаго, еще и сущность художественной характеристики. Она заключается въ картинномъ изображеніи и такой группировкѣ фактовъ, избранныхъ въ соотвѣтствіи съ данною темою, для изображенія одной или нѣсколькихъ чертъ человѣка, общества или народа, составляющихъ его отличительную особенность, чтобы эти факты, находясь въ извѣстномъ соотношеніи, представляли картину человѣка, общества или народа, гдѣ были бы ярко изображены тѣ или другія его характерныя стороны. Непремѣннымъ условіемъ художественности является, во 1-хъ, вѣрное изображеніе фактовъ, касающихся именно данной стороны жизни, и, во 2-хъ, такое соединеніе ихъ, чтобы между избранными фактами сохранено было художественное единство, т. е., чтобы изображаемые факты вытекали изъ развитія главной идеи, воплощающейся въ живые образы, чтобы они постоянно занимали по отношенію къ ней подчиненное положеніе и создавались постольку, поскольку главная идея требуетъ развитія въ подробностяхъ. Словомъ, непремѣнными условіями художественности характеристикъ являются тѣ, которые воплощены великими творцами литературы (Шекспиромъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ) въ своихъ произведеніяхъ и объяснены затѣмъ художественной критикой.

Представляя себѣ сущность художественной характеристики, можно приступить къ рѣшенію вопроса, чему учить въ этой области знанія вообще и въ цѣляхъ стилистики въ частности.

Разсматривая приведенные выше примѣры, мы видѣли описаніе различныхъ особенностей человѣка и общества путемъ воплощенія идеи въ художественные образы. Обыкновенному человѣку недоступно составленіе подобныхъ сочи-

неній, потому что творчество—удѣлъ талантливыхъ и геніальныхъ натуръ; оно есть изображеніе непосредственно воспринятыхъ впечатлѣній жизни, безъ всякихъ указокъ и руководительства, которое еще можетъ имѣть мѣсто въ изученіи жизни, но отнюдь не въ самомъ творчествѣ. Слѣдовательно, научить составленію художественныхъ характеристикъ нельзя. Это выше техники; выучка же можетъ сообщить человѣку только технику, хотя и художественную, но не искусство творчества. Художественныя произведенія появляются сами собой, безъ всякой потуги мысли, какъ результатъ непосредственнаго воспріятія и вѣрнаго изображенія жизни, свободно и легко выливаясь въ соотвѣтствующую форму. Это происходитъ вслѣдствіе яснаго взгляда на жизнь, когда талантливому человѣку разные вопросы кажутся простыми, понятными, что является отчасти и результатомъ изученія самой жизни, дѣйствительной и отраженной въ литературѣ, результатомъ изученія науки и искусства.

Но и обыкновенному человѣку надобно умѣть передавать другимъ письменно свои впечатлѣнія о людяхъ, объ обществѣ, о жизни дѣйствительной, или отраженной въ литературѣ. Эти впечатлѣнія могутъ быть и недостаточно полными, односторонними, даже невѣрными, но вѣдь понятіе о полнотѣ и правильности тоже относительное. Есть много примѣровъ, что вѣрное для одного времени, неправильнымъ считается для другого. Человѣку нужно умѣть записывать то, о чемъ онъ думаетъ, излагать на бумагѣ тѣ впечатлѣнія отъ жизни, какія онъ получаетъ. И если эти впечатлѣнія складываются у него образами, пріобрѣтающими извѣстную законченность, вѣрно отражающими жизнь, то онъ, описывая эти образы, самъ собою даетъ художественное произведеніе. Если же человѣкъ мыслитъ иначе, логически развивая мысль изъ взятыхъ имъ отъ жизни посылокъ, или составитъ недостаточно картинное, недостаточно пол-

ное, одностороннее, совсѣмъ не характерное описаніе, то этимъ самымъ онъ дастъ простое (прозаическое) произведеніе. Если и тотъ и другой будутъ описывать свои впечатлѣнія о какомъ-нибудь человѣкѣ или обществѣ, то у перваго можетъ получиться художественная характеристика, а у второго—простая. Но и тотъ и другой, приступая къ составленію характеристики, должны заботиться о формѣ своихъ сочиненій, чтобы они были понятны не только самому пишущему, но и читателю. Для усвоенія формы изложенія впечатлѣній о человѣкѣ, обществѣ, жизни, естественно обратиться къ изученію соотвѣтствующихъ образцовъ произведеній литературы, чтобы воспринять ихъ форму, проникнуться искусствомъ описанія и сочетанія тѣхъ или иныхъ фактовъ и, примѣняя на практикѣ пріемы писателей художниковъ, выработать техническіе навыки записи своихъ впечатлѣній. Правильности же этихъ впечатлѣній и художественной законченности воспринимаемыхъ образовъ, если человѣкъ можетъ ихъ воспринять, поможетъ изученіе жизни, дѣйствительной и отраженной въ литературѣ, науки и искусства.

Слѣдовательно, необходимые для человѣка навыки для составленія характеристикъ могутъ быть пріобрѣтены имъ путемъ изученія литературныхъ образцовъ и стилистической практики, а руководительство въ изученіи образцовъ и составленіи основанныхъ на этомъ изученіи характеристикъ должна и можетъ взять на себя школа.

Теперь мы подошли къ вопросу, на какой ступени обученія возможны эти занятія. При этомъ нужно точно установить, о какихъ занятіяхъ идетъ рѣчь. Бываетъ два рода характеристикъ: описывающихъ дѣйствительную жизнь (первый) и литературные типы, а въ дальнѣйшемъ развитіи—общество, народъ или какую-либо сторону его, какъ они отразились въ литературѣ (второй). Первый родъ характеристикъ предполагаетъ у человѣка извѣстный запасъ на-

блюденій надъ людьми и явленіями жизни и пониманіе этихъ явленій: умѣнье ставить во взаимную связь тѣ или иныя событія, самостоятельно группировать факты, находить причину, слѣдствіе, прослѣдить развитіе какой-либо черты въ рядѣ событій, на первый взглядъ иногда не имѣющихъ ничего общаго между собою. Само собою разумѣется, что этотъ родъ характеристикъ недоступенъ второй ступени обученія. Онъ возможенъ, да и то лишь въ простѣйшихъ формахъ, только на третьей ступени, т. е. въ старшихъ классахъ средней школы, гдѣ имѣется уже болѣе старшій возрастъ и гдѣ выше развитіе учащихся. Однако и на третьей ступени этотъ родъ характеристикъ слѣдуетъ разсматривать лишь какъ попытку приложить соотвѣтствующія литературныя знанія и стилистическую подготовку къ жизни, попытку самостоятельнаго изображенія непосредственной дѣйствительности. Такая работа полезна въ томъ отношеніи. что она заставитъ учащихся глубже и внимательнѣе задуматься надъ смысломъ наблюдаемыхъ ими событій, поставить ихъ во взаимную связь и т. д. Словомъ, это будетъ болѣе высокій видъ самостоятельныхъ сочиненій, о значеніи которыхъ для первой и второй ступени обученія было сказано уже раньше.

Остается разсмотрѣть второй родъ характеристики, который въ простѣйшемъ видѣ сводится къ изображенію литературныхъ типовъ; разсмотрѣть, гдѣ и какъ слѣдуетъ заниматься его изученіемъ. По отношенію къ третьей ступени обученія этого вопроса не существуетъ. Никто не станетъ отрицать, что учащійся въ старшихъ классахъ средней школы въ состояніи понять тотъ или иной литературный типъ и въ предыдущемъ обученіи можетъ пріобрѣсти столько стилистическихъ навыковъ, чтобы изложить это пониманіе на бумагѣ. Слѣдовательно, останется вторая ступень.

Тамъ обыкновенно имѣютъ дѣло съ возрастомъ отъ 12 до 16 лѣтъ. Въ эт годы уже начинаетъ развиваться кри-

тическая мысль, особенно въ 14—16 лѣтъ; къ этому моменту въ силу послѣдовательности курса и относится изученіе характеристикъ. Этому возрасту уже понятны отдѣльныя явленія жизни, понятны такія лица, какъ Плюшкинъ, Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, Акакій Акакіевичъ и другіе. Предъ учащимся на лицо вся жизнь этихъ людей. Изучая отдѣльные факты, ставя ихъ во взаимную связь, вытекающую изъ содержанія разсматриваемаго произведенія, можно ясно представить себѣ каждый изъ этихъ литературныхъ типовъ, понять натуру человѣка, выяснить себѣ развитіе его склонностей, недостатковъ, такъ какъ въ литературномъ произведеніи отражена вся жизнь изучаемаго лица и анализируемые факты приходится брать не изъ цѣлаго моря дѣйствительной жизни, гдѣ рядомъ съ ними часто стоятъ и другіе, иногда и близкіе первымъ по содержанію, но относящіеся къ иной группѣ явленій; анализируемые факты передъ глазами, ясно развитіе одного изъ другого и понятно взаимное родство ихъ между собою. Все это дѣлаетъ возможнымъ для учащихся второй ступени обученія изученіе отраженной въ литературѣ жизни, конечно доступной ихъ пониманію; а слѣдовательно, возможно и письменное изображеніе ея, т. е. составленіе характеристикъ второго рода.

Съ другой стороны, какой богатый матеріалъ для изученія даетъ то или другое доступное пониманію учащихся художественное произведеніе: цѣльность образа, возможность уясненія свойствъ человѣка, его отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ, такъ какъ въ томъ же произведеніи можно отыскать и объясненіе ихъ. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Передъ нами добрые, милые, любящіе другъ друга старички. Жизнь ихъ проходитъ счастливо, вѣрнѣе—они не знаютъ, что такое несчастье. Но вотъ эта мирная, безмятежная жизнь была нарушена

пропажей кошки, совершенно пустячнымъ событіемъ, а между тѣмъ счастье старичковъ внезапно окончилось.

Въ головѣ у учащихся во время чтенія этой повѣсти-характеристики, или во время ея разбора явится рядъ вопросовъ: Отчего такой пустой случай, какъ пропажа кошки повлекъ за собой такія важныя послѣдствія? Отчего старички были суевѣрны? Отчего они были неразвиты и необразованы? Возможна ли въ настоящее время такая жизнь? На всѣ эти вопросы есть отвѣты въ личности и жизни самихъ старичковъ, изображенныхъ въ повѣсти.

Такимъ образомъ, изученіе и составленіе характеристикъ второго рода не только возможно производить на второй ступени обученія, но и крайне желательно, потому что разбираемый литературный матеріалъ много вліяетъ на развитіе учащихся, гораздо сильнѣе, чѣмъ обычный разборъ на урокахъ объяснительнаго чтенія: во время составленія характеристикъ ученикамъ волей-неволей приходится основательнѣе изучать произведеніе, больше работать самостоятельно, сопоставлять различные факты данной повѣсти, романа, разсказа, т. е. упражнять свой умъ и изучать жизнь, хотя и отраженную въ литературѣ, а изученіе отраженной въ литературѣ жизни ведетъ къ пониманію жизни дѣйствительной, что является главной цѣлью литературнаго образованія.

Считая вопросъ о возможности и желательности изученія и составленія характеристикъ на второй ступени обученія доказаннымъ, нужно объяснить, почему такъ долго на немъ мы остановились. Въ педагогической средѣ, а отчасти и въ педагогической литературѣ, по данному вопросу высказываются два мнѣнія, взаимно исключающія одно другое; одни говорятъ, что составленіе характеристикъ на второй ступени обученія непосильно ученикамъ, другіе утверждаютъ противное. Повидимому, это происходитъ потому, что въ слово „характеристика“ вкладывается спорящими разное содержаніе. Вотъ почему нужно было подробно разсмотрѣть,

что слѣдуетъ подразумѣвать подъ характеристикой вообще и въ примѣненіи этого термина къ занятіямъ второй ступени обученія въ часности. Наконецъ, все сказанное нужно и для того, чтобы развить высказанныя основанія изученія и составленія характеристикъ въ соотвѣтствующій курсъ.

Составленію повѣствованій и описаній, имѣющему мѣсто во второмъ концентрѣ стилистическихъ занятій, предшествовали подготовительныя упражненія первой ступени обученія. Составленію характеристикъ, хотя и начинающемуся на второй ступени обученія, но относящемуся уже къ третьему концентру стилистическихъ занятій, тоже предшествуютъ подготовительныя упражненія. Это—изученіе и составленіе сочиненій повѣствовательнаго и описательнаго характера. Оба элемента—повѣствованіе и описаніе—входятъ въ составъ характеристики, которую даже нѣкоторые разсматриваютъ какъ извѣстный видъ описаній, а потому систематическое изученіе и составленіе характеристикъ возможно лишь послѣ изученія повѣствованій и описаній. Наконецъ переходной ступенью между составленіемъ описаній и характеристикъ могутъ быть описанія—характеристики животныхъ. Цѣль этихъ статей и соотвѣтствующихъ ученическихъ сочиненій, кромѣ упражненія въ описаніи живого предмета, заключается въ установленіи свойствъ живого существа въ зависимости отъ ихъ внѣшнихъ проявленій; напримѣръ, различныя проявленія чувствъ голубя указываютъ на его кротость, мягкость и робость; всѣ движенія лебедя указываютъ на его силу и красоту; способность верблюда пить горькую, застоялую, испорченную воду, два-три дня пробыть совершенно безъ пойла и также усердно нести свою ношу—на его выносливость. Соотношеніе между проявленіями свойствъ человѣка и самыми свойствами придется впослѣдствіи наблюдать и даже самостоятельно опредѣлять учащимся, а потому необходимо дать имъ возможность упражняться на такомъ болѣе простомъ матеріалѣ, какъ животныя, у кото-

рыхъ проявленіе свойствъ проще и понятнѣе, а самыя свойства, повидимому, менѣе сложны. Въ видѣ примѣра, приведемъ описаніе Аксакова:

Лебедь.

„Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей по темно-синей поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, почерпнувъ носомъ воды, подниметь голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя и замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ—все живописно и великолѣпно въ немъ“.

Послѣ изученія теоріи описаній составленіе плана подобныхъ описаній-характеристикъ и опредѣленіе признаковъ предмета не можетъ представлять какихъ нибудь серьезныхъ затрудненій. На основаніи этого изученія, послѣ соотвѣтствующихъ разборовъ, можно дать учащимся самостоятельное сочиненіе: описать по личнымъ наблюденіямъ то самое животное, которое изображено въ разсмотрѣнномъ образцѣ, или какое нибудь другое, доступное наблюденію,

пользуясь для облегченія планомъ образца и провѣряя, въ первомъ случаѣ, указанные въ немъ признаки. Такая работа даетъ возможность произвести рядъ личныхъ наблюденій надъ живымъ предметомъ и явится переходной ступенью къ составленію характеристикъ.

Составленіе характеристикъ должно основываться на изученіи образца, которое заключается не только въ усвоеніи содержанія, но и въ усвоеніи формы. Поэтому избираемый образецъ долженъ быть не только понятенъ учащимся своимъ содержаніемъ, но и доступенъ подражанію по формѣ. Изъ разсмотрѣнныхъ въ началѣ главы примѣровъ нельзя взять поэтому ни романа „Обломовъ“, ни повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“, ни разсказа „Хорь и Калинычъ“, потому что форма художественнаго романа, повѣсти или разсказа не доступна подражанію учащихся. Остаются два отрывка: Горцы и Плюшкинъ. Въ нихъ нѣтъ сложнаго сочетанія фактовъ, составляющихъ непремѣнное условіе романа, повѣсти или разсказа, а имѣется лишь ихъ описаніе и доступный усвоенію учащихся способъ соединенія для изображенія даннаго образа. Эти отрывки, кромѣ того, отличаются замѣчательной художественностью, а потому смѣло могутъ быть взяты для изученія, при чемъ сначала слѣдуетъ остановиться на горцахъ, а потомъ на Плюшкинѣ, такъ какъ первый отрывокъ проще по содержанію и легче распадается на отдѣльные картины, что имѣетъ большое значеніе при составленіи плана, особенно по тому, что къ изученію характеристикъ учащіеся лишь приступаютъ.

Горцы.

...„Европейца все вниманье
народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
любилъ ихъ жизни простоту,
гостепріимство, жажду брани,
движеній вольныхъ быстроту

и легкость ногъ и силу длани;
смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
какъ иногда черкесъ проворный
широкой степью, по горамъ,
въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
къ лукѣ склонясь, на стремена
ногою стройной опираясь,
леталъ по волѣ скакуна,
къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ;
на немъ броня, пищаль, колчанъ,
кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
и шашка, вѣчная подруга
его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
его богатство — конь ретивый,
питомецъ горскихъ табуновъ,
товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
коварный хищникъ съ нимъ таится,
и вдругъ внезапною стрѣлой,
завидя путника, стремится:
въ одно мгновенье вѣрный бой
рѣшитъ ударъ его могучій,
и странника въ ущелья горъ
уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
исполненъ огненной отваги,
все путь ему: болото, боръ,
кусты, утесы и овраги;
кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
въ пустынѣ топотъ раздается;
сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
онъ въ глубь кипящую несется,
и путникъ, брошенный ко дну,
глотаетъ мутную волну,
изнемогая, смерти проситъ,
и зритъ ее передь собой...
Но мощный конь его—стрѣлой
на берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
въ рѣку низверженный грозою,
когда на холмахъ пеленою
лежитъ безлунной ночи тѣнь,
черкесъ на корни вѣковые,
на вѣтви вѣшаетъ кругомъ
свои доспѣхи боевые:

щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
за нимъ бросается потомъ,
неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
могучій токъ его несетъ
вдоль береговъ уединенныхъ
гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
склонясь на копья, казаки
глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
и мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
на смертномъ полѣ свой бивакъ,
полковъ хвалебныя молитвы
и родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
и домъ отцовъ, и тихій Донъ,
война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
стрѣла выходитъ изъ колчана —
взвилась—и падаетъ казакъ
съ окровавленнаго кургана.
Когда же съ мирною семьей
черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
сидитъ ненастною порой,
и тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
и, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
въ горахъ пустынныхъ запоздалый
къ нему войдетъ пришлецъ усталый
и робко сядетъ у огня:
тогда хозяинъ благосклонный
съ привѣтомъ, ласково встаетъ,
и гостю въ чашѣ благовонной
чихирь отрадный подаетъ;
подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной
вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
и утромъ оставляетъ онъ
ночлега кровъ гостепріимный.
Бывало въ свѣтлый байранъ
сберутся юноши толпою:
игра смѣняется игрою:
то, полный разобравъ колчанъ,
они крылатыми стрѣлами
пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
то съ высоты крутыхъ холмовъ,
нетерпѣливыми рядами,
при данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
какъ лани, землю поражаютъ,
равнину пылью покрываютъ,
и съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ міръ однообразный
сердцамъ, рожденнымъ для войны,
и часто игры воли праздной

игрой жестокой смущены:
нерѣдко шашки грозно блещутъ
въ безумной рѣзвости пировъ,
и въ прахъ летятъ главы рабовъ,
и въ радости младенцы плещутъ".

Отрывокъ Пушкина заключаетъ въ себѣ шесть послѣдовательныхъ картинъ: 1) черкесъ пріучается къ войнѣ, 2) видъ черкеса въ бранной одеждѣ и вооруженіи и качества его коня, 3) нападеніе на путника и бѣшеная скачка съ плѣнникомъ, 4) ночное нападеніе, 5) гостепріимство и 6) игры. Выдѣливъ на время пятую картину, найдемъ между всѣми остальными общія черты: непобѣдимость и непреклонность черкеса какъ во время нападенія на путника, такъ и во время дѣтскихъ и юношескихъ игръ, а равно и приготовленія къ войнѣ; присоединивъ пятую картину, прибавимъ къ изображаемымъ свойствамъ черкеса гостепріимство и привѣтливость. Изъ сказаннаго видно, что въ настоящемъ отрывкѣ описываются выдающіяся черты необыкновеннаго народа—горцевъ: непобѣдимость, непреклонность, гостепріимство и привѣтливость, путемъ изображенія соотвѣтствующихъ картинъ. Всѣ эти картины объединяются одной мыслью—представить выдающіяся черты горцевъ.

Этотъ отрывокъ нуженъ лишь для того, чтобы дать учащимся первоначальное понятіе о характеристикѣ и о способѣ составленія плана. Описаніе послѣдней работы здѣсь не приводится, потому что она ничего новаго по сравненію со способомъ составленія плана въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ не представляетъ. Ясно, что ученикамъ нельзя дать составленіе соотвѣтствующей характеристики сразу же послѣ изученія этого образца, потому что самостоятельно описывать жизнь они еще не могутъ, а пересказывать данный отрывокъ нѣтъ смысла.

Поэтому переходимъ ко второму образцу—характеристикѣ Плюшкина.

Плюшкинъ.

„Чичикову случалось видѣть немало всякаго рода людей даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали изъ подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараніями нельзя бы докопатся, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болтались четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь у церковныхъ дверей, то вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательное, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но передъ нимъ стоялъ не нищій — передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба: зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ,

выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными грибами и всякой овощью, или убоиной. Заглянулъ бы кто къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся,—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое и точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, была нужна Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ ужъ рыболовъ пошелъ на охоту!“ говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжему офицеру потерять шпору,—шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда то, у того то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все,

что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутикъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ее не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого, кавале-

рійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто всѣ военные—картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жестокихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это, что называется въ простонародіи, шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ, сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытую пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и пе-

рышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и, наконецъ, бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остатками какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ приносить мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все это становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

И до такой ничтожности, мелочности и гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не поднимите потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“.

Прежде чѣмъ приступить къ логико-стилистическому разбору этой характеристики для изученія стилистическихъ пріемовъ Гоголя, поскольку они отразились въ его сочиненіи, слѣдуетъ выяснить ученикамъ самый типъ Плюшкина, какъ скряги, у котораго эта черта развилась до болѣзненныхъ размѣровъ. Такое предварительное изученіе необходимо потому, что въ иномъ случаѣ художественная характеристика можетъ утратить въ представленіи учениковъ образныя черты. Что касается до метода, какой слѣдовало бы примѣнить въ такомъ предварительномъ изученіи типа, то здѣсь не можетъ встрѣтиться большихъ затрудненій: образъ Плюшкина настолько яркій, что его характерная черта сама собой запечатлѣвается въ представленіи учащихся, а могучій талантъ Гоголя затрагиваетъ этимъ образомъ и сердечныя струны дѣтей. Ученики сами въ состояніи будутъ указать, какъ отразилась болѣзненная скупость Плюшкина на его личности и всемъ обиходѣ.

Послѣ изученія этой характеристики по существу, слѣдуетъ приступить къ спеціальному разбору ея для выясненія стилистическихъ пріемовъ Гоголя, поскольку къ тому даетъ матеріалъ само сочиненіе. При этомъ необходимо выяснить, что хотя изученіе характеристики и должно показать ученикамъ, какъ характеристика составляется, но что существуютъ и другіе пріемы, отразившіеся въ другихъ сочиненіяхъ лучшихъ писателей. А потому изучаемые пріемы составленія характеристикъ отнюдь не могутъ и не должны быть обязательными. Они нужны лишь какъ примѣры для самостоятельныхъ работъ.

Логико-стилистическій разборъ даннаго образца долженъ заключаться въ опредѣленіи описываемыхъ картинъ и установленіи ихъ взаимнаго отношенія. Такимъ образомъ, работа сведется къ расчлененію статьи на части, разбору каждой части, чтобы установить болѣе подробно какъ содержаніе каждой изъ нихъ, такъ и способъ изложенія; дальше она

будетъ заключаться въ опредѣленіи соотношенія картинъ, чтобы раскрыть ихъ художественное единство, заключающееся въ изображеніи типа.

Итакъ, сначала нужно приступить къ составленію плана.

Планъ характеристики Плюшкина.

I. Плюшкинъ-скряга:
- А. Введеніе.
- Б. Наружность:
  - а) лицо:
    - 1, общее впечатлѣніе,
    - 2, подбородокъ,
    - 3, маленькіе глазки;
  - б) нарядъ:
    - 1, общее впечатлѣніе,
    - 2, рукава и верхнія полы,
    - 3, заднія полы,
    - 4, галстукъ;
  - в) заключеніе.
- В. Описаніе хозяйства:
  - а) хлѣбные амбары и сушила,
  - б) рабочій дворъ,
  - в) куча въ углу комнаты.

II. Развитіе болѣзненной скупости Плюшкина:

- А. Человѣческая жизнь его до смерти жены:
  - а) разумное хозяйничанье,
  - б) привѣтливая семья,
  - в) учитель и наставница,
  - г) бережливость и опрятность въ костюмѣ.

Б. Постепенное развитіе скупости отъ безпокойства и подозрительности послѣ смерти жены.

а) побѣгъ старшей дочери,
б) удаленіе учителя и наставницы,
в) поступленіе сына въ военную службу,
г) смерть младшей дочери,
д) извѣстіе о сынѣ, проигравшемся въ карты.

В. Вліяніе скупости на хозяйство:

а) запустѣніе дома,
б) утрата заботъ о главныхъ частяхъ хозяйства,
в) торговля съ покупщиками,
г) полное уничтоженіе хозяйства,
д) ничтожныя заботы о графинчикѣ съ настойкой и о прочей дряни,
е) требованіе отъ крестьянъ прежняго оброка и полное уничтоженіе его временемъ.

III. Заключеніе автора.

Способъ составленія плана можетъ видоизмѣниться въ зависимости отъ развитія учащихся, но въ основаніе работы долженъ быть положенъ анализъ статьи, болѣе или менѣе подробный. Этотъ анализъ сводится къ выдѣленію отдѣльныхъ картинъ и расчлененію послѣднихъ не составныя части, чтобы показать способъ ихъ описанія. Въ основаніе работы анализъ кладется потому, что статья уже предварительно прочитана учениками и у нихъ получилось общее представленіе описаннаго въ ней образа. Поэтому, приступая къ разбору, сразу же можно спросить учениковъ: Всегда ли Плюшкинъ былъ скрягой? Когда онъ жилъ человѣческой жизнью? Какъ развивалась въ немъ болѣзненная скупость? На какія двѣ основныя части распадается

статья?—Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ занятій можно разложить статью на двѣ основныя части: описаніе Плюшкина-скряги и описаніе развитія его болѣзненной скупости. Къ этимъ двумъ частямъ затѣмъ прибавляется третья—заключеніе автора, основанное на всемъ предыдущемъ изложеніи, посредствомъ такихъ вопросовъ: Описаніемъ ли развитія болѣзненной скупости заканчиваетъ авторъ характеристику Плюшкина? Къ одной какой нибудь части относится его заключеніе, или къ обѣимъ вмѣстѣ? Сколько всего главныхъ частей въ разсматриваемой статьѣ? Назовите ихъ по порядку.

Затѣмъ изучается первая основная часть. Путемъ подобныхъ же вопросовъ устанавливается, что сначала въ ней описывается лицо и нарядъ Плюшкина, затѣмъ то и другое объединяется общимъ понятіемъ наружности; дальше слѣдуетъ описаніе хлѣбныхъ амбаровъ и сушиленъ, рабочаго двора и кучи въ углу комнаты, что объединяется въ понятіи хозяйство, затѣмъ къ этимъ двумъ частямъ присоединяется третье—небольшое введеніе, гдѣ говорится о необыкновенности Плюшкина, относящейся какъ къ его наружности, такъ и къ хозяйству, а потому представляющей самостоятельную часть. Послѣ этого первая основная часть будетъ разложена на три второстепенныя: введеніе, наружность Плюшкина и хозяйство его. Для выясненія изложеннаго могутъ быть заданы слѣдующіе главные вопросы: Что описывается въ началѣ первой основной части? Что описывается послѣ лица Плюшкина? Какимъ общимъ именемъ можно назвать рукава, полы и галстукъ? Какое названіе можно дать той части, въ которой мы объединимъ описаніе лица и наряда Плюшкина? Что описываетъ авторъ послѣ наружности Плюшкина? Какимъ общимъ именемъ можно назвать хлѣбные амбары и сушила, рабочій дворъ и кучу въ углу комнаты? Какія же двѣ части второй степени мы видѣли въ разсматриваемомъ отрывкѣ? Сразу ли начинаетъ авторъ опи-

сывать наружность и хозяйство Плюшкина? Та необыкновенность этого человѣка, о которой авторъ говоритъ въ началѣ статьи, относится только къ наружности Плюшкина, или къ его хозяйству? Какая третья часть, равносильная указаннымъ двумъ, существуетъ въ данномъ отрывкѣ? На сколько же частей раздѣлили мы разбираемый отрывокъ? Назовите всѣ эти три части по порядку.

Дальше, продолжая изученіе первой основной части, разлагаемъ уже выдѣленныя въ ней второстепенныя части на новыя, сначала третьей, а потомъ и четвертой степени. Введеніе нельзя разложить на болѣе мелкія части, потому что въ немъ высказана только одна мысль. Описаніе наружности распадается на описаніе лица и наряда Плюшкина, послѣ чего слѣдуетъ заключеніе автора, въ которомъ онъ изображаетъ впечатлѣніе Чичикова, полученное отъ наружности Плюшкина и заключающееся въ томъ, что нашъ герой подалъ бы Плюшкину мѣдный грошъ, если бы встрѣтилъ его гдѣ-нибудь на церковной паперти, такъ какъ по наружности принялъ бы его за нищаго. Описаніе лица въ свою очередь распадается на три, а описаніе наряда на четыре уже названные въ планѣ части четвертой степени. Наконецъ, описаніе хозяйства распадается на три части третьей степени, которыя тоже отмѣчены въ помѣщенномъ выше планѣ.

Легко объяснить учащимся, что введеніе нельзя разложить на болѣе мелкія части. Что же касается до описанія наружности Плюшкина, то ученики, пользуясь книгой, могутъ разложить его на части третьей степени, а послѣднія, въ свою очередь, на части четвертой степени, уже самостоятельно, такъ какъ въ предыдущемъ случаѣ они занимались обратной работой, обобщеніемъ (синтезомъ) разсматриваемыхъ теперь частей третьей и четвертой степени. Также самостоятельно ученики могутъ разложить и послѣднюю часть второй степени на отмѣченныя въ планѣ

три части третьей степени. Въ этой работѣ учителю остается лишь общее руководство и исправленіе возможныхъ ошибокъ, причемъ дополнительныя объясненія потребуются только при выдѣленіи новой части третьей степени, заключенія, что можетъ совершиться при помощи слѣдующихъ наводящихъ вопросовъ: Къ одному ли наряду относится заключеніе Чичикова? На сколько частей распадается описаніе наружности Плюшкина?

Изложенный анализъ слѣдуетъ сопровождать соотвѣтствующей записью на классной доскѣ и въ ученическихъ тетрадяхъ, чтобы не запутаться въ послѣдовательности частей и ихъ взаимномъ отношеніи. Эта запись, разрастаясь съ выясненіемъ деталей плана и сопутствуя опредѣленію его подробностей, послѣдовательно приметъ слѣдующія измѣненія:

Планъ характеристики: Пляшкинъ.

(Первая запись).

I. Плюшкинъ-скряга.
II. Развитіе болѣзненной скупости Плюшкина.
III. Заключеніе автора.

Тоже.

(Вторая запись).

I. Плюшкинъ скряга.
   А. Введеніе.
   Б. Наружность.
   В. Описаніе его хозяйства.
II. Развитіе болѣзненной скупости Плюшкина.
III. Заключеніе автора.

Тоже.

(Третья запись).

I. Плюшкинъ скряга.
  А. Введеніе.
  Б. Наружность:
    а) лицо,
    б) нарядъ,
    в) заключеніе.
  В. Описаніе хозяйства:
    а) хлѣбные амбары и сушила,
    б) рабочій дворъ,
    в) куча въ углу комнаты.
II. Развитіе болѣзненной скупости Плюшкина.
III. Заключеніе автора.

Тоже.

(Четвертая запись).

Напечатанный на страницахъ 95—96, детально разработанный планъ.

Необходимо настаивать на томъ, чтобы описанный анализъ сопровождался приведенной записью, послѣдовательно расширяющейся въ указанныхъ формахъ. Только въ этомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что анализъ будетъ усвоенъ учениками и отдѣльныя картины правильно выдѣлены, что не будетъ происходить путаницы въ разсужденіи; послѣднее непремѣнно случится, если записи не будетъ, потому что тогда необходимость ея плохо восполнялась бы нетвердымъ запоминаніемъ, которое затруднитъ логическое развитіе мысли.

Усвоеніе аналитическаго метода необходимо въ практическомъ отношеніи и полезно въ образовательномъ. Практи-

ческое значеніе онъ имѣетъ не только по отношенію къ данной статьѣ, которая будетъ учениками, благодаря ему, хорошо усвоена, но и по отношенію къ жизни вообще, гдѣ часто приходится пользоваться его услугами. Въ образовательномъ отношеніи онъ имѣетъ большое значеніе для развитія мыслительныхъ способностей, увеличивая этимъ самымъ серьезное значеніе стилистическихъ работъ и ихъ предварительной подготовки.

Какъ слѣдуетъ примѣнить аналитическій методъ къ разбору второй основной части данной характеристики, ясно изъ изложеннаго. Однако по вопросу о пользованіи аналитическимъ методомъ необходимо оговориться. Его можно и слѣдуетъ употреблять лишь при достаточномъ развитіи учениковъ, если они могутъ самостоятельнымъ чтеніемъ настолько усвоить содержаніе статьи, что въ состояніи будутъ разобраться въ ней во время приведенной классной бесѣды. Практика показываетъ, что въ послѣдніе годы обученія на второй ступени (въ высшихъ начальныхъ училищахъ) ученики уже имѣютъ такое развитіе, а потому и примѣненіе аналитическаго метода въ данномъ разборѣ вполнѣ возможно. Конечно, нечего доказывать это въ томъ случаѣ, если почему либо изученіе характеристикъ начинаютъ въ болѣе старшемъ возрастѣ, на третьей ступени обученія.

Если же почему либо изученіе характеристикъ въ какой либо школѣ (напримѣръ, такой, которая лишь приближается къ объему занятій второй ступени обученія, но не достигаетъ его, какъ двухклассныя народныя школы и т. п.) необходимо будетъ начать при меньшемъ развитіи учениковъ, то анализъ придется соединить съ синтезомъ, отдавая преимущество послѣднему.

Въ такомъ случаѣ, разложивъ на основныя три части статью указаннымъ выше способомъ, послѣ предварительнаго самостоятельнаго чтенія ея, приступаемъ къ общему чтенію первой части и послѣдовательному выдѣленію ея

картинъ. Учитель проситъ какого-нибудь ученика читать по книгѣ и останавливается на томъ мѣстѣ, гдѣ начинается описаніе лица Плюшкина, задавая вопросъ: О чемъ здѣсь говорится? О чемъ говорится дальше? (Дѣтямъ приходится посмотрѣть въ книгу). Ученики отвѣчаютъ сами или при помощи учителя, что въ началѣ говорится вообще о необыкновенности Плюшкина, а потомъ описывается его лицо. Записывается на доску заглавіе первой части: общее замѣчаніе о необыкновенности Плюшкина. Затѣмъ читается описаніе его лица, причемъ учителемъ уже задается опредѣленная задача: прочитать описаніе лица Плюшкина; это возможно, потому что учениками уже сказано, что дальше идетъ описаніе лица. Когда эта работа будетъ исполнена, учитель спрашиваетъ: что описывается дальше? Ученики видятъ изъ текста, что дальше описывается нарядъ Плюшкина, и даютъ соотвѣтствующій отвѣтъ. Тогда учитель, установивъ начало и конецъ второй части, спрашиваетъ: что именно описывается въ лицѣ Плюшкина? Изъ текста ясно, что сначала дается общее впечатлѣніе, затѣмъ описывается подбородокъ и маленькіе глазки. Производится соотвѣтствующая запись на доскѣ. Такимъ же образомъ прочитывается описаніе наряда Плюшкина и расчленяется на части; затѣмъ прочитывается заключеніе, въ которомъ выражено впечатлѣніе Чичикова о наружности Плюшкина, послѣ чего двѣ предыдущія части: лицо и нарядъ объединяются въ одну—наружность; за этимъ дѣлается соотвѣтствующая поправка въ предыдущей записи плана введеніемъ въ него общаго заголовка: наружность. Такимъ же образомъ производится дальнѣйшій разборъ. Онъ легче строго аналитическаго, но неудобствомъ его является длительность и тѣ поправки, которыя необходимо вносить въ планъ, обобщая отдѣльныя части. Послѣдней поправкой, относящейся къ первой основной части, явится замѣна названія первой второстепенной части, которая получитъ названіе введенія. Болѣе серьезнымъ не-

достаткомъ этого разбора является то, что на немъ ученики не могутъ познакомиться съ послѣдовательно проведеннымъ анализомъ статьи, такъ какъ здѣсь по преимуществу имѣетъ мѣсто синтезъ. Конечно, этотъ методъ мышленія также необходимо усвоить, но мѣсто его преимущественно въ самостоятельныхъ работахъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій учащихся, о чемъ будетъ сказано ниже.

Въ дальнѣйшемъ развитіи курса изученія характеристикъ, такимъ образомъ, будемъ брать за основаніе аналитическій методъ, потому что только при помощи его можно входить въ подробное разсмотрѣніе такихъ большихъ сочиненій, какъ напримѣръ, „Старосвѣтскіе помѣщики“ и др. Что касается тѣхъ учениковъ, которые по недостатку развитія еще не могутъ хорошо оперировать аналитическимъ методомъ, изученіе большихъ характеристикъ, какъ извѣстнаго рода литературы, преждевременно; ознакомляясь съ ними, они могутъ ограничиться изученіемъ лишь болѣе или менѣе цѣльныхъ отрывковъ, какъ, напримѣръ: Князь Серебряный, Марѳинька и др.

Возвращаемся къ разбору характеристики Плюшкина. Первая часть работы окончена: планъ составленъ. Дальше нужно приступить по подробному изученію каждой картины съ цѣлью опредѣлить способъ ея описанія. Однако, изученіе первыхъ двухъ основныхъ частей будетъ имѣть разныя цѣли: изученіе первой должно яснѣе показать читателю картину скупости, а изученіе второй—выяснить ея постепенное развитіе. Останавливаемся сначала на первой части.

Учитель задаетъ слѣдующіе вопросы: Которая изъ основныхъ частей рисуетъ картину скупости Плюшкина и которая излагаетъ ея постепенное развитіе? Изъ какихъ картинъ первой основной части можно сдѣлать выводъ о скупости Плюшкина? Какіе признаки лица, подбородка и маленькихъ глазъ даютъ намъ право сдѣлать названный выводъ? Какіе признаки рукавовъ, верхнихъ и заднихъ полъ одежды

Плюшкина и его галстука позволяютъ сдѣлать тотъ же самый выводъ? Дальше учитель дѣлаетъ обобщенія и продолжаетъ бесѣду слѣдующаго содержанія. Итакъ, вы видите, что всѣ описанныя черты Плюшкина говорятъ объ его скупости, объ этомъ отчасти говорятъ и выступившій впередъ подбородокъ на худощавомъ лицѣ, и бѣгавшіе изъ подъ высокихъ бровей маленькіе глазки, и засаленныя полы халата, и болтавшійся на шеѣ какой-то странный галстукъ. Другихъ признаковъ въ описанной картинѣ не имѣется: не говорится, напримѣръ, о томъ, какого цвѣта у Плюшкина были волосы, о ростѣ, о покроѣ халата и проч. Ясно, что автору и не нужно было касаться этихъ сторонъ Плюшкина, такъ какъ онъ задался цѣлью представить соотвѣтствующую дѣйствительности картину скупости, а чтобы впечатлѣніе отъ образа было сильнѣе, нельзя отвлекать вниманіе читателя мелочами, не имѣющими никакого отношенія къ этой картинѣ: скупые могутъ имѣть и русые и черные волосы, и низкій и высокій ростъ; эти совершенно второстепенные признаки, нисколько не характерные, сами собой проскальзываютъ мимо, и на первое мѣсто выдвигаются признаки существенные, приведенные авторомъ; если бы авторъ почему либо вздумалъ привести и второстепенные признаки, то получилась бы уже не картина скупости, а портретъ опредѣленнаго человѣка, между тѣмъ какъ Плюшкинъ есть типъ, т. е. такое лицо, которое воплощаетъ въ себѣ извѣстную черту, существующую въ обществѣ и принадлежащую разнымъ людямъ въ той или иной степени. Поэтому авторъ долженъ при описаніи его дать только типическіе, характерные признаки. Остальное не дополнитъ, а только затемнитъ картину.

Отсюда вытекаютъ практическія указанія. Если мы хотимъ описать какую либо черту человѣка, не давая его полнаго портрета, то должны выбирать только признаки соотвѣтствующіе этой чертѣ; не слѣдуетъ въ такомъ слу-

чаѣ загромождать описаніе не соотвѣтствующими признаками, чтобы не затемнить изображаемой картины.

Склонности людей, какъ уже это отчасти и было видно на Плюшкинѣ, выражаются въ ихъ наружности, походкѣ, одеждѣ, въ манерѣ говорить, въ устройствѣ своей комнаты, жилища, хозяйства и проч. При составленіи характеристики нужно описать всѣ эти стороны, путемъ изложенія признаковъ, соотвѣтствующихъ данной темѣ, а тема можетъ быть различная: скупость, раздолье, богатство, бѣдность, неряшество, чистота и проч. Читая дальше характеристику Плюшкина, мы видимъ описаніе его хозяйства. И хлѣбные амбары, наполненные горами хлѣба, и сушила, загроможденныя холстами, суконами и овчинами, и рабочій дворъ, заваленный никогда не употреблявшейся деревянной посудой, и, наконецъ, куча всякой дряни въ углу комнаты, — все это свидѣтельствуетъ о скупости Плюшкина. Живость картины придаетъ, наконецъ, разсказъ объ охотѣ за старыми ведрами, шпорою проѣзжаго офицера и проч. мусоромъ, также говорящій о той же чертѣ охотника.

Настоящая картина, какъ и разобранная раньше, не загромождена описаніемъ второстепенныхъ признаковъ. Здѣсь ничего не сказано, напримѣръ, о формѣ деревянной посуды и проч., такъ какъ форма посуды одинакова какъ у скупого богатаго человѣка, такъ и у не скупого; разница между ними заключается не въ формѣ, а въ томъ, какъ использована эта посуда: лежитъ ли она безъ употребленія, загромождая рабочій дворъ, или каждая имѣетъ свое назначеніе. На описаніяхъ мы уже видѣли, что при изображеніи какого либо предмета недостаточно брать только тѣ черты, которыя ему принадлежатъ, а въ этихъ чертахъ надобно отыскать тѣ отличительныя стороны, которыя указываютъ разницу между однородными предметами. Все это приложимо и къ описанію человѣка. Описывая хозяйство Плюшкина, авторъ не ограничивается указаніемъ на то, что у

него много всякаго добра и даже разной дряни, а подробно излагаетъ, какъ это добро лежитъ безъ употребленія, обращаясь въ гниль и мусоръ, какъ собрана имъ всякая дрянь, т. е. сообщаетъ признаки, отличающіе скупого человѣка.

Затѣмъ приступаемъ къ изученію вопроса, какъ развилась въ Плюшкинѣ его болѣзненная скупость. Сначала вызываемъ въ памяти учениковъ общее содержаніе второй основной части, а затѣмъ общее содержаніе ея главныхъ картинъ. Способъ изученія второй части будетъ отличаться отъ предыдущаго: тамъ мы изучали картину, а тутъ—развитіе скупости. Плюшкинъ не сразу сдѣлался скрягой. Сначала, до смерти жены, онъ былъ только бережливымъ хозяиномъ; затѣмъ скупость развивалась въ немъ постепенно и, наконецъ, дошла до того, что Плюшкинъ превратился въ прорѣху на человѣчествѣ, утративъ всѣ человѣческія чувства и стремленія. Такимъ образомъ, въ развитіи скупости мы наблюдаемъ элементъ движенія, имѣющаго свои причины и слѣдствія. Цѣль предстоящаго изученія показать причинную зависимость изображенныхъ въ этой части явленій. Ученикамъ задается рядъ послѣдовательныхъ вопросовъ: О чемъ говорится во второй основной части? На какія болѣе мелкія части она распадается? О чемъ говорится въ каждой изъ нихъ? Вчитайтесь въ ту часть характеристики, гдѣ описывается жизнь Плюшкина до смерти жены, и скажите: не было ли въ прежней жизни его такихъ особенностей, изъ которыхъ послѣ смерти жены могла развиться при благопріятныхъ условіяхъ скупость? Какія семейныя обстоятельства при жизни жены мѣшали уродливому развитію бережливости Плюшкина? Какъ отразилась на Плюшкинѣ смерть его жены? Какое новое обстоятельство повліяло на развитіе скупости Плюшкина? Какъ эта скупость сейчасъ же послѣ побѣга Александры Степановны проявила себя? Какія дальнѣйшія событія повліяли на Плюшкина? Какъ скупость вліяла на запустѣніе его

дома? На заботы о главныхъ частяхъ хозяйства? Торговлю съ покупщиками? На принадлежащія ему богатства? На измельчаніе его заботъ? На отношеніе къ крѣпостнымъ крестьянамъ?

На основаніи этой бесѣды учитель затѣмъ можетъ связно изложить ученикамъ зависимость однихъ указанныхъ въ отрывкѣ явленій отъ другихъ, объяснить причинную связь событій, обращая вниманіе и на слѣдствія, вытекающія изъ описанныхъ въ немъ фактовъ. Это связное изложеніе окончательно выяснитъ учащимся, что въ прежней жизни Плюшкина были такія черты, которыя при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли впослѣдствіи развиться въ болѣзненныя формы скупости: это—бережливость въ соединеніи съ отсутствіемъ сильныхъ чувствованій; но и то и другое умѣрялось семьей и привѣтливостью домашнихъ. Затѣмъ, когда Плюшкинъ—вдовецъ сдѣлался подозрительнѣе и скупѣе, произошелъ рядъ событій, которыя воспитывали въ немъ эти черты, ставили его лицомъ къ лицу съ мелочами домашняго хозяйства, отдаляли отъ людей, поселяя въ немъ недовѣріе къ человѣку и, наконецъ, вызвали ту полную мерзость запустѣнія, которую авторъ рисуетъ въ концѣ отрывка.

Все сказанное о второй основной части характеристики Плюшкина позволяетъ сдѣлать тотъ практическій выводъ что въ художественной характеристикѣ можетъ быть дано не только описаніе той или другой типичной черты, но и показано ея развитіе путемъ изображенія причинной связи между соотвѣтствующими событіями.

Наконецъ, остается познакомиться съ совѣтами автора, которые онъ даетъ юношеству на основаніи изображенной картины скупости, и объединить въ одно цѣлое всѣ основныя части.

Такимъ образомъ, на характеристикѣ Плюшкина можно познакомить учениковъ съ формой составленія характеристикъ, со способомъ описанія отдѣльныхъ картинъ и со

способомъ сочетанія ихъ для изображенія одной какой либо темы. Связь между картинами первой основной части та, что всѣ они, рисуя разныя проявленія скупости Плюшкина, вмѣстѣ даютъ цѣльный образъ; причинная связь событій второй основной части раскрываетъ развитіе скупости; обѣ основныя части вмѣстѣ даютъ возможность сознательно усвоить весь ужасъ изображеннаго типа и подготовляютъ читателя также безсознательно воспринять горячій совѣтъ автора, а все вмѣстѣ производитъ цѣльное и могучее впечатлѣніе даннаго типа и возможнаго вліянія его на человѣка.

Быстрота описаннаго разбора находится въ прямой зависимости отъ развитія учениковъ, но по опыту можно сказать, что для него мало одного урока; въ первый урокъ хватитъ времени лишь для того, чтобы выяснить типъ Плюшкина и составить планъ; особенно много времени отнимаетъ при этомъ запись послѣдовательнаго развитія его формы. На второй урокъ остается работа по изученію отдѣльныхъ картинъ и ихъ взаимнаго соотношенія. Послѣ этого изученія можно дать ученикамъ письменную работу: изложить кратко характеристику Плюшкина съ объясненіемъ развитія его скупости. Эта работа не будетъ простымъ пересказомъ, потому что послѣ предыдущаго разбора ученики должны обратить вниманіе не на простое описаніе картинъ, а на изображеніе ихъ отличительныхъ признаковъ и объясненіе взаимнаго соотношенія событій. Кромѣ того, эта работа будетъ практическимъ повтореніемъ свѣдѣній, касающихся составленія характеристикъ и добытыхъ предшествовавшимъ разборомъ. Ученики этимъ самымъ волей-неволей воспримутъ литературную форму характеристикъ глубже, чѣмъ на объяснительномъ чтеніи образца, потому что письменная работа способствуетъ наиболѣе вдумчивому отношенію къ данному матеріалу и его разработкѣ.

Дальше полезно упражнять учениковъ въ самостоятель-

номъ составленіи плана характеристикъ на двухъ-трехъ несложныхъ образцахъ, напримѣръ: Два хозяина, отрывокъ изъ „Постоялаго двора“ Тургенева; Князь Серебряный, отрывокъ изъ романа А. Толстого; Марѳинька, отрыв. изъ „Обрыва“ Гончарова и т. п.; полезно тутъ же вести бесѣду, касающуюся объясненія картинъ и ихъ взаимнаго отношенія, чтобы путемъ изученія выяснить цѣльность даннаго образа и опредѣлить его отличительныя черты. Понятно, что эту бесѣду не слѣдуетъ дѣлать такой подробной, какъ при разборѣ первой характеристики, въ данномъ примѣрѣ—Плюшкина; тамъ нужно было получить извѣстные выводы, а здѣсь только провѣрить ихъ. При этомъ необходимо замѣтить что не сами по себѣ отвлеченные выводы научатъ составленію характеристикъ, а соединенные съ соотвѣтствующими образцами, т. е. въ конечномъ итогѣ составленію характеристикъ научатъ писатели, сочиненія которыхъ будутъ поняты и усвоены учениками при помощи соотвѣтствующихъ разъясненій. Вотъ почему такое важное значеніе имѣютъ бесѣды учителя, предшествующія сочиненію.

Для составленія самостоятельныхъ характеристикъ въ дальнѣйшихъ письменныхъ работахъ учениковъ можно взять такой матеріалъ, какъ: „Крестьянскія дѣти“ Некрасова, „Бѣжинъ лугъ“ Тургенева, „Муму“ его же, „Хорь и Калинычъ“ его же, „Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголя, „Шинель“ его же и т. п. Послѣдовательность сочиненій должна совпадать съ усложненіемъ литературнаго матеріала.

Предшествующій каждому ученическому сочиненію классный разборъ въ зависимости отъ сложности матеріала можетъ быть болѣе или менѣе подробнымъ. Такъ, въ „Крестьянскихъ дѣтяхъ“ Некрасова и „Бѣжиномъ лугѣ“ Тургенева нужно опредѣлить свойства деревенской дѣтворы, которыя ученики изложатъ затѣмъ въ своихъ сочиненіяхъ; въ „Муму“ — выяснить натуру Герасима, сложившуюся подъ вліяніемъ крѣпостного права, въ „Хорѣ и Калинычѣ“ —

указать разницу этихъ людей, конечно, на фактахъ ихъ собственной жизни, въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и „Шинели“ — разсмотрѣть личности Аѳанасія Ивановича, Пульхеріи Ивановны и Акакія Акакіевича, разобрать основныя черты этихъ людей, объяснить вліяніе на нихъ такихъ случайностей, какъ пропажа кошки или покража шинели.

Не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе занятій по разбору этихъ сочиненій. Лишь для примѣра въ краткихъ чертахъ приведемъ послѣдовательность анализа „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Прежде всего повѣсть дѣлится на двѣ части: въ первой описывается счастливая жизнь старичковъ, во второй несчастная. Раздѣляющимъ событіемъ является пропажа кошки послѣ возвращенія ея изъ лѣса. Несчастье старичковъ заключалось въ болѣзни, послужившей причиной ихъ медленнаго умиранія, сначала Пульхеріи Ивановны, а потомъ и Аѳанасія Ивановича. Въ противоположность этому счастливая жизнь старичковъ до пропажи кошки заключалась въ полномъ довольствѣ, во взаимной любви, въ добромъ отношеніи ихъ къ людямъ. Довольство старосвѣтскихъ помѣщиковъ вытекаетъ изъ обилія всякихъ благъ, которыя давала имъ благословенная Богомъ земля, изъ удобствъ ихъ помѣстительнаго домика, каждая комната котораго приспособлена къ вкусамъ и потребностямъ обитателей. Взаимная любовь сквозитъ не только изъ такихъ крупныхъ событій, какъ заботы старушки передъ смертью объ Аѳанасіи Ивановичѣ и духовная смерть послѣдняго послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, но и изъ постояннаго общенія этихъ старичковъ, взаимнаго подшучиванія и мелкихъ одолженій. Доброе отношеніе къ людямъ видно изъ общенія съ крѣпостными и привѣтливости къ гостямъ. Но кромѣ положительныхъ чертъ, старосвѣтскіе помѣщики имѣли и отрицательныя. Къ нимъ прежде всего принадлежитъ необразованность и неразвитость, что ясно вытекаетъ

изъ ничтожества интересовъ старичковъ, ни одно желаніе которыхъ не перелетало за частоколъ окружающаго ихъ сада, изъ ихъ взаимныхъ разговоровъ и бесѣдъ съ гостями, изъ односторонне выражавшихся ежедневныхъ заботъ, касавшихся почти исключительно насыщенія и приготовленія пищи и лакомствъ. Маленькое отвлеченіе въ сторону (существованіе крѣпостного права и натуральнаго хозяйства, когда все необходимые предметы изготовлялись дома же) позволяетъ объяснить такую изолированную жизнь, совсѣмъ не дававшую никакой пищи уму. Второй отрицательной чертой старосвѣтскихъ помѣщиковъ является умственная лѣность, которую можно наблюдать на ничтожныхъ занятіяхъ этихъ людей.

Послѣ этого, когда мы будемъ искать причину рокового вліянія пропажи кошки на дальнѣйшую жизнь старичковъ въ личности старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ясно станетъ, что эта причина лежитъ въ ихъ неразвитости и необразованности.

Анализируя эту повѣсть, нужно каждую черту старосвѣтскихъ помѣщиковъ разсмотрѣть отдѣльно, стараясь, чтобы выводъ самъ собою вытекалъ изъ описанія соотвѣтствующихъ картинъ. Положительными чертами жизни старичковъ являются довольство, взаимная любовь и доброта, отрицательными—неразвитость и нравственно-умственная лѣность. Учителю слѣдуетъ позаботиться, чтобы ученики возможно полнѣе въ устномъ разсказѣ описали тотъ кругъ картинъ, который относится къ каждой изъ указанныхъ чертъ, для чего имъ нужно давать соотвѣтствующіе вопросы, помогая учащимся выдѣлить изъ повѣсти тѣ событія, которыя относятся къ каждой чертѣ. Составивъ себѣ этотъ планъ, учитель приступаетъ, напримѣръ, къ выясненію ученикамъ довольства старосвѣтскихъ помѣщиковъ. А извѣстно, что довольство ихъ можно наблюдать на обиліи всякихъ благъ, которыя даровала имъ благословенная Богомъ земля,

на удобствахъ ихъ помѣстительнаго домика, каждая комната котораго приспособлена къ вкусамъ и потребностямъ обитателей. Поэтому учитель проситъ учениковъ описать въ устномъ разсказѣ хозяйство старосвѣтскихъ помѣщиковъ: лѣсное, полевое и садовое, устройство комнатъ въ ихъ удобномъ жилищѣ и проч. Изъ этого описанія самъ собою вытекаетъ указанный выводъ довольства. Также слѣдуетъ поступать въ остальныхъ случаяхъ, предупредивъ учениковъ о цѣли группированія описываемыхъ ими картинъ, что это дѣлается для опредѣленія свойствъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Тогда они будутъ вдумываться въ содержаніе, обобщая отдѣльныя картины, и легко дадутъ требуемые выводы.

Въ этомъ и будетъ заключаться подготовительная работа къ составленію характеристики. Теперь остается только изложить письменно характеристику старосвѣтскихъ помѣщиковъ по вытекающему изъ предыдущаго резбора плану: довольство, взаимная любовь и доброта старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ихъ неразвитость и нравственно-умственная лѣность, причина несчастной ихъ жизни, послѣдовавшей за пропажей кошки. Планъ полезно записать въ тетради вслѣдъ за анализомъ статьи, чтобы онъ находился въ непосредственной связи съ самимъ матеріаломъ.

Такимъ образомъ, составленію каждой характеристики обязательно долженъ предшествовать предварительный разборъ того литературнаго сочиненія, изъ котораго берется матеріалъ для данной работы. Этотъ разборъ, начинаясь первоначально простѣйшимъ видомъ приведенныхъ примѣровъ, въ дальнѣйшемъ курсѣ, на третьей ступени, постепенно усложняется и разрастается до критики въ полномъ смыслѣ слова.

Письменныя работы третьей ступени обученія могутъ имѣть разныя варіаціи. Можно самому учителю предварительно разобрать въ классѣ необходимый для темы мате-

ріалъ можно вмѣсто этого рекомендовать чтеніе соотвѣтствующей критической статьи, можно даже предоставить ученику самостоятельно разобраться въ избранномъ матеріалѣ. Однако это уже высшій родъ самостоятельныхъ сочиненій, когда учащимися восприняты принципы художественной критики и остается лишь пріобрѣсти навыки примѣненія ихъ къ литературнымъ произведеніямъ. Такія работы предполагаютъ извѣстную начитанность. Представляя вѣнецъ школьныхъ занятій, они должны имѣть подготовительную ступень, какой можетъ служить, напримѣръ, слѣдующая работа: учитель разбираетъ указаннымъ выше способомъ Татьяну Пушкина, или ученики сами читаютъ соотвѣтствующую критику, и затѣмъ задаетъ послѣ этого сравненіе Татьяны Пушкина съ Еленой Тургенева, т. е. предлагаетъ описать сходныя черты этихъ литературныхъ типовъ. При этомъ на предварительномъ разборѣ устанавливается, что Татьяна представляетъ собой такой литературный типъ, въ которомъ отражена картина пробужденія общественнаго самосознанія въ 20-хъ годахъ XIX вѣка; проявленіе самосознанія замѣчаемъ въ мечтахъ Татьяны, въ чтеніи книгъ изъ библіотеки Онѣгина, въ стремленіи уяснить себѣ тѣ вопросы, которые его интересовали; мѣшали широкому проявленію ея богато одаренной натуры—недостатки воспитанія, недостатокъ образованія и неуваженіе къ личности женщины. Послѣ этого ученикамъ остается лишь продумать въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ типъ Елены и разобрать, чѣмъ она похожа на Татьяну и чѣмъ выгодно отличается отъ нея. Благодаря классному разбору Татьяны, эта работа будетъ легче, чѣмъ совершенно самостоятельная характеристика того и другого типа.

Изъ изложеннаго ясно, что характеристики заключаютъ въ себѣ и повѣствовательный и описательный элементы, и даже разсужденіе, имѣющее мѣсто какъ въ предварительномъ разборѣ, такъ и въ самомъ сочиненіи, гдѣ оно со-

стоитъ чаще всего въ опредѣленіи причинной связи событій. Поэтому для высшихъ видовъ характеристики требуется уже предварительное знакомство съ разсужденіями.

ГЛАВА VI.

Разсужденіе.

Разсужденія, представляющія собою рядъ умозаключеній, раздѣляются курсами словесности на слѣдующіе виды:

1. Опредѣленіе понятій. Въ этомъ случаѣ авторъ относитъ какое либо видовое понятіе къ его ближайшему роду (дубъ есть дерево) и указываетъ признаки, отличающіе данное видовое понятіе отъ другихъ видовыхъ понятій того же рода. Напримѣръ, описаніе „краснолѣсья“ у Аксакова.

2. Раздѣленіе родовыхъ понятій на его виды. Эти разсужденія обратны предыдущему; сюда относится классификація, если раздѣленіе проведено отъ высшихъ ступеней до низшихъ. Примѣры есть въ „Запискахъ ружейнаго охотника“ Аксакова.

3. Сопоставленіе предметовъ или явленій другъ съ другомъ съ цѣлью установить ихъ сходство или различіе. Напримѣръ, Карамзинъ приводитъ различіе и устанавливаетъ сходство между непостоянствомъ и привычкой, Жуковскій—между твердостью и упрямствомъ, Упинскій сопоставляетъ поле и школу, Бѣлинскій—геній и талантъ.

4. Указаніе причины и слѣдствія явленій. Напримѣръ, глава изъ учебника исторіи: причины паденія крѣпостного права, слѣдствія татарскаго ига; причина несчастія старосвѣтскихъ помѣщиковъ, слѣдствіе воспитанія Обломова и проч.

5. Опроверженіе или подтвержденіе той или иной мысли путемъ приведенія доказательствъ. Напримѣръ, о счастливѣйшемъ времени жизни, соч. Карамзина, статья изъ хрестоматіи: польза лѣсовъ, значеніе рѣкъ и морей и проч.

Но чаще всего встрѣчаются разсужденіе общаго характера, куда входятъ тѣ или другіе перечисленные элементы. Напримѣръ, критика.

Разсматривая перечисленные виды разсужденій, находимъ, что чаще всего приходится пользоваться третьимъ, четвертымъ и пятымъ изъ нихъ, употребляя ихъ или въ чистомъ видѣ, или въ различнаго рода соединеніяхъ, составляя при этомъ разсужденія общаго характера. Первымъ и вторымъ видомъ учащимся почти не приходится пользоваться, а потому изученіе разсужденій можетъ ограничиться лишь названными сначала видами, какъ наиболѣе употребительными.

Цѣль этого изученія познакомить учащихся съ формами логическаго развитія мысли. Средствомъ ознакомленія является какъ изученіе образцовъ, такъ и составленіе соотвѣтствующихъ сочиненій.

Чтеніе образцовъ нѣтъ надобности откладывать непремѣнно на конецъ курса второй степени обученія. Подобнаго рода работы можно и слѣдуетъ начинать еще съ первой степени. Тамъ они будутъ сначала заключаться въ сопоставленіи однородныхъ предметовъ, съ цѣлью отыскать ихъ сходство или различіе. К. Д. Ушинскій уже во второй годъ обученія совѣтуетъ задавать ученикамъ послѣ чтенія соотвѣтствующихъ статей вопросы для устнаго или письменнаго сравненія однородныхъ предметовъ, напримѣръ, своего класса съ тѣмъ, о которомъ читали въ книгѣ, огорода съ садомъ, утки съ курицей и пр. А въ концѣ того же года обученія предлагаетъ дѣтямъ для чтенія очень интересную статью того же рода: Поле и школа.

Поле и школа.

„Люди пашутъ поле, зерномъ посыпаютъ: дѣти ходятъ въ школу Слово Божье слушать. Зернышко ложится въ мягкую землицу: Слово Божье входитъ въ души молодыя. Дождемъ землю смочитъ, солнышкомъ пригрѣетъ: умнымъ словомъ, лаской душу согрѣваетъ. Подъ землей въ потемкахъ не улежатъ зерна: не загинетъ въ сердцѣ доброе ученье. Выглянутъ посѣвы яриной зеленой: скажется ученье умными рѣчами. Поле обольется жатвой золотистой: взойдетъ Божье Слово добрыми дѣлами. Господи, пошли намъ въ пору дождь и ведро! Отче, возрасти въ насъ сѣмена благія!“

На основаніи этой статьи во второй годъ обученія дѣти конечно могутъ дать лишь устное сравненіе поля и школы. Но этимъ сравненіемъ, проведеннымъ подробно въ соотвѣтствіи съ развитіемъ статьи, воспитывается система мышленія; обработка поля сопоставляется съ вліяніемъ на дѣтей Слова Божія, дождь для поля—умное слово и ласка въ школѣ, первые всходы зерна—первые признаки добраго ученья, ростъ ярины зеленой—умныя рѣчи дѣтей, золотистая жатва—добрыя дѣла учащихся.

Въ дальнѣйшемъ курсѣ разсматриваемый видъ разсужденія встрѣчается въ описательныхъ статьяхъ на второй ступени обученія при изученіи теоріи описаній. Напримѣръ, въ описательной статьѣ, помѣщенной въ хрестоматіи Галахова, „Верблюдъ“, проводится параллельное сравненіе между избалованностью лошади и неприхотливостью верблюда по-отношенію къ пищѣ, питью и уходу за ними, чѣмъ данное описаніе и сближается съ разсужденіемъ. Вотъ это описаніе.

Верблюдъ.

„Верблюдъ—драгоцѣнное животное въ степи. Ни лошадь, никакое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь все-таки избалованное

животное, требуетъ ухода, а если и можетъ обойтись безъ овса, то всегда нуждается въ чистой и вкусной водѣ, въ сочной травѣ; она не станетъ ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А гдѣ прикажете взять и ту и другую, когда каравану приходится на длинныхъ переходахъ, иногда нѣсколько дней сряду, тянуться по бѣдной и безплодной степи, на которой только и растетъ ковыль или горькая полынь, или осока и другія, противныя для лошади, травы? откуда взять чистую воду, когда и горькая вода—рѣдкость въ степи? Совсѣмъ другое дѣло верблюдъ. Верблюдъ переносчивъ: онъ пьетъ и горькую, и застоялую, и перепорченную воду; онъ можетъ день, два, три дня пробыть безъ поила и такъ же усердно несетъ свою ношу, какъ будто никогда не былъ знакомъ съ водой. Обыкновенно же поятъ верблюда водой лѣтомъ—одинъ разъ въ сутки, а осенью и зимою—одинъ разъ въ продолженіе двухъ и трехъ сутокъ, если нѣтъ хорошаго водопоя. За лошадью много ухода: и безъ того ужъ усталому работнику надо тратить силы, чтобъ ее распрячь или развьючить, потомъ ее нужно выводить, потомъ напоить, стреножить, цѣлую ночь пасти, глядѣть за нею съ осторожностію, чтобъ она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы къ чужому табуну; на утро ее надо снова напоить, и снова, при большихъ трудахъ, навьючить, когда работнику нужно высоко надъ собою, на рукахъ, поднимать тяжелые вьюки, чтобъ взвалить ихъ ей на спину; потомъ нужно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюками въ продолженіе цѣлой дороги.

Съ верблюдомъ хлопотъ меньше. Съ окончаніемъ перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную къ колышку, продѣтому у животнаго сквозь ноздри—и верблюдъ становится на колѣни; работникъ безъ труда сбрасываетъ съ него тюки и пускаетъ верблюда на волю. Ни стреножить, ни пасти верблюда не нужно: онъ самъ

найдетъ себѣ пищу, самъ себя упасетъ и не отойдетъ далеко отъ стоянки. Верблюдъ скоро наѣдается и потомъ всю ночь лежитъ, не вставая съ мѣста; только немногіе, какъ исключеніе изъ общаго правила, или бродятъ ночью поблизости лагеря, или стоятъ на одномъ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ. Къ утру верблюдъ, по слову „чокъ“, опять падаетъ на колѣни. Киргизъ, безъ чувствительной траты силъ и безъ особенныхъ хлопотъ, наложитъ ему ношу и кое-какъ перепутаетъ ее веревками, не опасаясь, что онѣ развяжутся по дорогѣ отъ движенія животнаго, и что чужой товаръ можетъ свалиться съ горбатаго „корабля пустыни“. Только зимою съ верблюдомъ немного больше хлопотъ, именно потому, что онъ никогда ни на снѣгъ, ни на ледяную землю не ложится. Для этого нужно сгрести съ назначеннаго для ночлега верблюдовъ мѣста снѣгъ и вскопать промерзлую землю особеннымъ орудіемъ, называемымъ к е п т о н ь: это родъ круглаго топора и вмѣстѣ заступа, надѣтаго на длинноватую палку въ нарочно сдѣланное для того отверстіе. Мѣсто для ночлега верблюдовъ выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было отъ непогоды, напримѣръ: легъ, или увалы между холмовъ, или заросшее кустарникомъ пространство. Если поблизости оттуда растетъ камышъ, то сгребаютъ снѣгъ, и землю не вскапываютъ, но только покрываютъ ее камышемъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ, всѣ вмѣстѣ. На этомъ-то животномъ, прозванномъ к о р а б л е м ъ п у с т ы н и, и совершается въ степи караванная торговля“.

Наконецъ, этотъ видъ статей усложняется; у Жуковскаго и Карамзина, гдѣ сопоставляется непостоянно и привычка, твердость и упрямство, юность и старость, онъ касается уже отвлеченныхъ предметовъ, доступныхъ болѣе старшему возрасту конца второй ступени обученія.

Въ этомъ возрастѣ изученіе названныхъ статей можетъ служить основаніемъ уже не только для усвоенія способа

сравнивать однородные предметы, но и для объясненія теоріи простѣйшихъ умозаключеній. Возьмемъ, напримѣръ, статью Карамзина „Непостоянство и привычка“, замѣнивъ устарѣлыя слова современными.

Непостоянство и привычка.

„Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противоположныя склонности! одна влечетъ сердце наше къ новымъ предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ старымъ; одну называютъ непостоянствомъ, а другую привычкою. Мы скучаемъ однообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однако мы, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Счастливъ тотъ, въ комъ эти двѣ склонности равносильны! Но въ комъ одна другую превыситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ, или холоднымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша все то же да то же, грубѣетъ въ чувствахъ и, наконецъ, засыпаетъ душою. Такимъ образомъ эти двѣ крайности сближаются, потому что та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія“.

Сначала производится разборъ статьи и составляется планъ.

Планъ статьи: Непостоянство и привычка.

1. Различіе между непостоянствомъ и привычкой.
2. Причины того и другого.
3. Вредъ отъ преобладанія непостоянства.
4 Вредъ отъ преобладанія привычки.
5. Заключеніе: сходство между непостоянствомъ и привычкою.

Изучая этотъ планъ, видимъ, что отдѣльныя части его можно объединить въ двѣ группы: вначалѣ (первая и вторая) говорится о различіи между непостоянствомъ и привычкою и о причинахъ этого различія; затѣмъ (третья и четвертая) устанавливается вліяніе на человѣка этихъ противоположныхъ склонностей; пятая часть — заключеніе. Произведя такое объединеніе и изложивъ кратко содержаніе статьи, получимъ слѣдующее разсужденіе:

1. Непостоянство и привычка вытекаютъ изъ противоположныхъ склонностей человѣка: чрезмѣрнаго влеченія къ новому или привязанности къ старому.

2. Чрезмѣрное влеченіе къ новому или чрезмѣрная привязанность къ старому вредны для человѣка.

3. Слѣдовательно, рѣзкія формы непостоянства и привычки оказываютъ на человѣка вредное вліяніе, что сближаетъ между собою эти противоположныя крайности.

Такимъ образомъ мы получили умозаключеніе, состоящее изъ двухъ данныхъ сужденій и вывода. Послѣ этого можно взять какой-нибудь примѣръ простѣйшаго умозаключенія и объяснить на немъ теорію его построенія, а другими примѣрами провѣрить ее.

Примѣръ силлогизма.

(Заключеніе отъ общаго къ частному).

1. Для всякаго животнаго (первый членъ) нужны воздухъ, пища и питье (второй членъ).

2. Лошадь (третій членъ)—животное (первый членъ).

3. Слѣдовательно, для лошади (третій членъ)—нужны воздухъ, пища и питье (второй членъ).

Схема этого силлогизма.

Первая мысль (большая посылка) А—В.

Вторая мысль (малая посылка) С—А.

Третья мысль (заключеніе) С—В.

Перестановку членовъ можно произвести на томъ же примѣрѣ и тѣмъ будетъ показано, что приведенная схема есть только сущность, а отнюдь не неизмѣнная форма силлогизма. Разсматривать всѣ силлогистическія фигуры конечно не представляется возможнымъ. Но полезно разсмотрѣть хотя бы одинъ-два неправильно составленныхъ силлогизма, какъ напримѣръ, извѣстный силлогизмъ: „Кай критянинъ сказалъ, что всѣ критяне лгутъ, но если всѣ критяне лгутъ, то значитъ и онъ лжетъ, потому что онъ критянинъ; въ такомъ случаѣ критяне говорятъ правду: если же это такъ, то значитъ и Кай говоритъ правду, т. е. всѣ критяне лгутъ“ и т. д. Ошибка этого силлогизма заключается въ неправильно указанномъ объемѣ понятія—всѣ.

Объясненіемъ теорія силлогизма мы входимъ въ область логики. Это нужно признать совершенно правильнымъ по отношенію къ тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ нѣтъ спеціальнаго, хотя бы и краткаго курса этого предмета. Вполнѣ возможно, а съ другой стороны и желательно познакомить учениковъ на примѣрахъ съ методами разсужденія, объяснивъ при этомъ ихъ взаимное различіе: съ дедуктивнымъ методомъ (заключеніе отъ общаго къ частному), индуктивнымъ (заключеніе отъ частнаго къ общему), съ аналогіей и гипотезой, разобравъ ихъ хотя бы только сущность и не вдаваясь въ подробности. Однако не будемъ входить въ разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ примѣровъ, потому что это, не имѣя непосредственнаго отношенія къ стилистикѣ, завлечетъ очень далеко въ область объяснительнаго чтенія.

Какъ разборъ указанныхъ выше статей, такъ и теорія умозаключеній имѣютъ въ виду содѣйствовать воспитанію логическаго мышленія и сознательнаго къ нему отношенія. Серьезную помощь въ этомъ отношеніи оказываютъ самостоятельныя работы по составленію соотвѣтствующихъ сочиненій. Разобранныя статьи могутъ служить образцами для такихъ работъ. Первоначальною темою разсужденій слѣдуетъ

избрать сравненіе двухъ предметовъ. Однако при этомъ необходимо заботиться, чтобы избранныя для сравненія предметы были доступны непосредственному наблюденію учащихся. Работы этого рода могутъ производиться параллельно съ изученіемъ описаній и характеристикъ, начинаясь въ простѣйшихъ формахъ еще на первой ступени обученія. Сравниваемые между собою предметы первоначально должны быть изъ числа разобранныхъ на объяснительномъ чтеніи; напримѣръ, прочитывается и разбирается описаніе кошки, послѣ чего ученикамъ задается сравненіе кошки съ собакой; прочитывается описаніе утки и задается сравненіе утки съ курицей, затѣмъ коровы съ лошадью и т. п. Одинъ изъ сравниваемыхъ предметовъ первоначально долженъ быть разобранъ на объяснительномъ чтеніи, для того чтобы ученики сознательно могли отыскивать соотвѣтствующіе или противопожные признаки въ другомъ предметѣ и чтобы не дѣлать работу очень трудной для нихъ. Усложняясь постепенно, работы этого рода могутъ разростаться и въ объемѣ, и въ содержаніи. Такъ, можно задать ученикамъ сравненіе поля съ лѣсомъ, города съ деревней, сада со школой и проч. Послѣднее сравненіе будетъ несомнѣнно труднѣе предыдущихъ.

Разсмотримъ порядокъ подготовительныхъ къ этому сочиненію работъ. Для образца учитель можетъ прочитать ученикамъ хотя бы помѣщенную выше статью Ушинскаго, чтобы они намѣтили сравниваемые въ ней предметы. Затѣмъ общими усиліями класса составляется планъ, въ которомъ для сближенія сада и школы могутъ быть взяты слѣдующія стороны:

1. Различныя породы деревьевъ—различныя свойства учениковъ.
2. Приготовительныя работы въ саду—приготовительное домашнее воспитаніе.
3. Поливка, подрѣзка и прочія работы садовника по вы-

ращиванію молодыхъ деревьевъ—уроки и бесѣды учителя для развитія учениковъ.

4. Урожай въ саду—полученіе знаній въ школѣ.

Для возбужденія наибольшей активности учениковъ можно держаться такой системы въ составленіи плана: послѣдовательно разсматривать признаки сада и производимыя въ немъ работы, указывая соотвѣтсвіе всему этому въ школѣ. Тогда ученикамъ останется лишь нѣсколько развить уже выработанное разсужденіе и изложить его письменно. Другія работы могутъ быть болѣе самостоятельными: составленіе плана слѣдуетъ предоставить самимъ ученикамъ, сдѣлавъ, однако, предварительную повѣрку его передъ изложеніемъ. Когда подобнаго рода письменныя работы будутъ сопутствовать характеристикамъ, то темы ихъ могутъ быть еще болѣе сложными, напримѣръ: сравненіе Хоря и Калиныча, Обломова и Штольца, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Плюшкина и Коробочки, Манилова и Собакевича, Татьяны Пушкина и Елены Тургенева. Но объ этого рода сравненіяхъ было сказано уже въ отдѣлѣ характеристики.

Разростаясь шире, разсматриваемыя разсужденія могутъ коснуться взаимнаго сопоставленія небольшихъ сочиненій, напримѣръ, басенъ. Такъ, на основаніи извѣстнаго круга басенъ Крылова можно составить характеристику лисицы, волка, обезьяны... разныя черты которыхъ изображены въ образахъ различныхъ басенъ; можно составить разсужденіе на тему: трудъ въ басняхъ Крылова, взгляды Крылова на воспитаніе, отношеніе его къ наукѣ и т. п. При этомъ ученикамъ нужно лишь указать относящіяся къ темѣ басни, да еще, пожалуй, провѣрить, правильно ли они понимаютъ ихъ содержаніе, дѣлая тотъ или иной выводъ, относящійся къ извѣстной чертѣ изображаемаго лица.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ сочиненія составляютъ развитіе третьяго вида разсужденій. Но полезно также упражнять учащихся въ разсужденіяхъ пятаго и четвертаго вида.

Образцомъ для ознакомленія съ пятымъ видомъ разсужденія можно избрать, напримѣръ, хотя бы статью изъ хрестоматіи „Польза лѣсовъ“.

Польза лѣсовъ.

„Глазу нашему было бы непріятно повсюду встрѣчать лишь поля да пашни: однообразіе всегда утомительно. Въ дѣйствительности, вперемежку съ полями, встрѣчаются кромѣ того зеленые лѣса, которые вводятъ разнообразіе въ природу и тѣмъ самымъ служатъ ей украшеніемъ. Лѣса не только украшаютъ природу, но и приносятъ ей пользу: они втягиваютъ въ себя пары изъ воздуха, даютъ почвѣ возможность долѣе сохранять свою влажность; имъ обязаны своимъ происхожденіемъ дожди и источники.

Лѣса приносятъ громадную пользу и всѣмъ живымъ существамъ. Какъ бы могъ обойтись безъ нихъ, напримѣръ, человѣкъ? Въ лѣсахъ находятся дубъ, ель, сосна, береза, которые даютъ ему и строевой матеріалъ, и топливо, благодаря которому ни по чемъ ему и зимніе холода. На постройки болѣе всего употребляютъ смолистое сосновое дерево; высокіе дубы и ели берутъ въ лѣсахъ для корабельныхъ мачтъ: они такъ и называются корабельнымъ лѣсомъ. Для дровъ лучше всего береза: она хорошо горитъ и много даетъ жару; за нею слѣдуетъ сосна; ель цѣнится меньше, потому что сгораетъ слишкомъ скоро. Бѣдному народу березовая лучина служитъ для освѣщенія хаты въ долгіе зимніе вечера.

Польза лѣсовъ простирается и на животныхъ. Тысячи птицъ, насѣкомыхъ, червей и четвероногихъ находятъ въ нихъ себѣ убѣжище. Здѣсь вьютъ гнѣзда и дроздъ, и зябликъ, и коноплянка; здѣсь роетъ свою нору и лисица; здѣсь живутъ олени и серны, потому что въ лѣсахъ легче всего они могутъ избѣжать преслѣдованія человѣка; да и пищу достать удобнѣе: почва, даже въ самые сильные жары, долго остается влажною и производитъ всевозможныя травы.

Такъ какъ лѣса приносятъ громадную пользу и людямъ и животнымъ, то необходимо заботиться объ ихъ сохраненіи. Если станутъ только вырубать лѣса, не подсаживая новыхъ деревьевъ, то они все болѣе и болѣе будутъ рѣдѣть и могутъ, наконецъ, совсѣмъ исчезнутъ. Для сбереженія лѣсовъ необходимо, во-1-хъ, вырубать ихъ съ расчетомъ, дѣля лѣса на извѣстное число участковъ и вырубая ихъ по одному въ годъ, такъ, чтобы при окончаніи послѣдняго участка первый могъ бы достаточно вырасти; во-2-хъ, необходимо подсаживать новыя деревья".

Мысль, высказанная въ заглавіи этой статьи, доказывается съ трехъ сторонъ: 1) лѣса полезны для людей, какъ красота природы, 2) какъ топливо и 3) лѣса полезны для животныхъ, какъ убѣжище; отсюда дѣлается заключеніе о необходимости заботъ о сохраненіи лѣса. Построеніе этого разсужденія очень простое, планъ составить легко; подобныя статьи нерѣдко встрѣчаются въ хрестоматіяхъ, предназначенныхъ для первой ступени обученія, а потому откладывать эти работы непремѣнно на конецъ второй ступени обученія нѣтъ особыхъ основаній. Единственнымъ препятствіемъ болѣе раннему задаванію подобныхъ работъ является недостатокъ развитія учениковъ, съ чѣмъ и приходится считаться при выборѣ темы. Такая тема, какъ польза рѣкъ и морей, свойственна болѣе старшему возрасту, соотвѣтствующему двумъ старшимъ годамъ обученія на второй ступени; польза пара, польза электричества, значеніе огня въ жизни людей—темы третьей ступени обученія.

Разнообразя сочиненія разсматриваемаго вида разсужденій, можно давать ученикамъ параллельно съ изученіемъ характеристикъ такія темы, какъ напримѣръ, доказать разборомъ соотвѣтствующихъ примѣровъ доброту старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ничтожество интересовъ Акакія Акакіевича и т. п. На помощь этимъ сочиненіямъ приходитъ критика или въ лицѣ разборовъ самого учителя, или черезъ чтеніе кри-

тическихъ статей. Въ хрестоматіяхъ, предназначенныхъ даже для второй ступени обученія, встрѣчаются иногда критическія статьи. Но эти работы по преимуществу относятся уже къ занятіямъ третьей ступени обученія, когда возрастъ учениковъ не служитъ препятствіемъ болѣе глубокому знакомству съ критикой. Однако нельзя отрицать возможности ихъ исполненія и на второй ступени, особенно, если принять во вниманіе, что въ 15—16 лѣтнемъ возрастѣ уже проявляются критическія наклонности.

Четвертый видъ разсужденій, приближаясь къ пятому, въ простѣйшихъ формахъ исчерпывается послѣднимъ, а въ болѣе сложныхъ формахъ возможенъ лишь въ научныхъ трудахъ, гдѣ также преимущественно употребляются первый и второй виды разсужденій. Поэтому достаточно будетъ, если учащіеся познакомятся съ ними лишь на чтеніи и разборѣ соотвѣтствующихъ статей.

Такимъ образомъ, разсужденіе не должно представлять какого либо совершенно особаго вида ученическихъ сочиненій. Какъ элементъ, оно входитъ и въ описаніе, и въ характеристику, и въ повѣствованіе. Сопоставляя предметы, мы должны ихъ описывать—тогда разсужденіе соединяется съ описаніемъ или съ характеристикой; излагая событія, мы должны указать ихъ причину или слѣдствіе—тогда разсужденіе соединяется съ повѣствованіемъ. Чистыхъ разсужденій, представляющихъ непрерывный рядъ умозаключеній, послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другого, писать почти не приходится. Преимущественнымъ элементомъ обычныхъ разсужденій, которыя чаще всего сливаются съ сочиненіями общаго характера, являются тѣ же описанія, характеристики и повѣствованія, дающія матеріалъ для умозаключеній. Поэтому ошибочно было бы задавать ученикамъ разсужденія на отвлеченныя темы, какъ напримѣръ: страхъ и надежда, плачъ и смѣхъ и т. п., или на пословицы: „назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ“, „на ворѣ и

шапка горитъ“ и проч. Эти темы не даютъ учащимся доступныхъ для изученія предметовъ, почему у нихъ не можетъ явиться и соотвѣтствующей системы умозаключеній; „плачъ и смѣхъ“—по силамъ лишь спеціалисту—взрослому человѣку, если это не есть простой рефератъ, а пословицы больше годны для разсказа, чѣмъ для разсужденія. Такимъ образомъ, ученическія сочиненія въ формѣ разсужденій не должны представлять собою что нибудь особое; за рѣдкими исключеніями, какъ указанные выше примѣры, они должны принимать видъ сочиненій общаго характера.

Составленіе разсужденій не требуетъ знанія какихъ нибудь особыхъ сложныхъ формъ изложенія, какъ это было въ повѣствованіяхъ, описаніяхъ и характеристикахъ. Все изученіе формы доступныхъ ученикамъ разсужденій ограничивается ознакомленіемъ съ методомъ сравненія и доказательствъ (примѣры: садъ и школа, польза лѣсовъ), что возможно на любой ступени обученія. Лишь изученіе теоріи умозаключеній, въ указанномъ выше размѣрѣ, желательное и весьма полезное для старшаго возраста, доступно не ранѣе, какъ послѣднему году второй ступени.

Итакъ, преимущественное мѣсто разсужденія, какъ элемента, въ сочиненіяхъ общаго характера, какія практикуются и на первой ступени обученія въ концѣ курса, и на второй ступени послѣ изученія повѣствованій и описаній, и на той же ступени послѣ изученія характеристикъ, и наконецъ на третьей ступени.

О сочиненіяхъ общаго характера въ концѣ первой ступени и послѣ изученія повѣствованій и описаній на второй ступени уже говорено выше. Остается сказать нѣсколько словъ объ общихъ сочиненіяхъ конца второй ступени, послѣ изученія характеристикъ, и объ общихъ же сочиненіяхъ третьей ступени.

Изученіе основныхъ формъ литературы (повѣствованіе, описаніе, характеристика и разсужденіе) необходимо для человѣка, чтобы дать ему возможность умѣло и сознательно соединять ихъ въ обычныхъ сочиненіяхъ общаго характера. Путемъ анализа мы знаемъ эти формы, путемъ анализа изучаютъ ихъ ученики въ подробностяхъ, чтобы напрактиковаться въ составленіи разнообразныхъ сочиненій, относящихся къ различнымъ видоизмѣненіямъ основныхъ формъ, и этимъ самымъ получить возможность сознательнаго ихъ сочетанія, какъ хорошо извѣстныхъ и понятныхъ. Только послѣ изученія всѣхъ основныхъ формъ письменнаго изложенія мыслей открывается широкій просторъ свободнаго выбора темы. Съ этого времени все вниманіе посвящается почти исключительно содержанію сочиненія, такъ какъ форма уже затрудненій не представляетъ. По знакомымъ и ровнымъ путямъ легко выливается мысль человѣка, сосредотачивающаго уже почти все свое вниманіе только на взаимоотношеніи отдѣльныхъ картинъ и сужденій.

Такимъ образомъ самостоятельныя сочиненія третьяго концентра пріобрѣтаютъ особое значеніе для развитія учениковъ. Въ концѣ первой ступени обученія, въ первомъ концентрѣ письменныхъ работъ по изложенію мыслей, мы приписали имъ, кромѣ практическаго значенія еще и то, что въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ дѣти раскрываютъ собственный міръ, свои интересы, склонности, понятія, сознательно относятся къ нимъ, а это необходимое условіе саморазвитія и самообразованія. На второй ступени обученія, во второмъ концентрѣ занятій, послѣ изученія повѣствованій и описаній, опять таки кромѣ практическаго значенія самостоятельнымъ сочиненіямъ слѣдуетъ отвести серьезную роль въ проявленіи сознательнаго отношенія пишущаго къ самому себѣ и къ внѣшнему міру, потому что ученикъ, углубляясь въ самого себя, черпаетъ изъ собствен-

наго міра матеріалъ для сочиненія, задумывается надъ разными сторонами окружающей жизни, ставить въ связь различные факты, находитъ между ними взаимное отношеніе, опредѣляетъ причину явленій и т. п. Въ концѣ второй ступени обученія, въ третьемъ концентрѣ, самостоятельнымъ сочиненіямъ, свободно избраннымъ учениками, кромѣ всего изложеннаго, нужно присоединить еще и то значеніе, что, какъ во время ихъ составленія, такъ главнымъ образомъ и во время приготовленія къ нимъ, ученикъ будетъ серьезно занятъ изученіемъ того вопроса, который его въ данный моментъ болѣе всего интересуетъ и занимаетъ. Но главнымъ образомъ самостоятельныя сочиненія пріобрѣтутъ послѣднюю роль—импульса серьезныхъ самостоятельныхъ занятій—на третьей ступени обученія, въ послѣдніе годы учебныхъ занятій въ школахъ средняго курса, когда этимъ занятіямъ можетъ быть посвящено больше времени и вниманія.

Самостоятельныя сочиненія общаго характера на второй ступени обученія въ силу послѣдовательности курса могутъ практиковаться лишь во вторую половину послѣдняго года. Поэтому на второй ступени едва ли можно дать больше двухъ-трехъ такихъ сочиненій, принимая во вниманіе необходимость предварительнаго изученія матеріала и усиленныхъ занятій учениковъ по подготовкѣ къ выпускнымъ экзаменамъ. Самостоятельныя сочиненія общаго характера въ концѣ второй ступени обученія являются въ сущности говоря рефератами. Напримѣръ, избирается тема: вліяніе климата страны на образъ жизни ея обитателей, подразумѣвая подъ этимъ вліяніе климата на устройство жилищъ, на одежду, питаніе, занятія и удовольствія. Для того, чтобы ученики могли справиться съ этой интересной темой, нужно указать имъ соотвѣтствующія книги, гдѣ въ доступной формѣ были бы изображены съ указанныхъ точекъ зрѣнія жизнь крайняго сѣвера, средней полосы и юга. Роль учителя въ этомъ сочиненіи сводится къ помощи при изу-

ченіи матеріала. И главный трудъ учениковъ будетъ заключаться именно въ этомъ изученіи. Темами общихъ сочиненій послѣдняго рода могутъ быть, напримѣръ, такія: „Значеніе Волги для Россіи“ (историческое, географическое и хозяйственное), „Значеніе рѣкъ и морей для человѣчества“, „Роль физическихъ силъ въ техникѣ“, „Значеніе огня для человѣчества“, „Историческія и хозяйственныя причины прикрѣпленія крестьянъ въ Россіи“, „Развитіе и паденіе Боярской Думы“ и проч., въ зависимости отъ развитія учениковъ и проявленія ими интереса къ той или другой области знанія, при чемъ различные ученики могутъ писать на разныя темы. Необходимымъ условіемъ такого рода сочиненій является предварительное изученіе матеріала самостоятельно или при помощи учителя. Нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ такихъ сочиненій является простой рефератъ той или другой книги.

Главное мѣсто этимъ занятіямъ, какъ уже было сказано, принадлежитъ, однако, третьей ступени обученія, гдѣ описываемыя работы можно поставить гораздо шире. Тамъ, кромѣ составленія рефератовъ возможны и товарищескія бесѣды по поводу разработанной темы, съ цѣлью болѣе полнаго ея выясненія. Впрочемъ, подобныя бесѣды возможны и на второй ступени обученія, какъ средство исправленія сочиненій, о чемъ будетъ сказано въ соотвѣтствующей главѣ.

Изложеннымъ, въ сущности говоря, исчерпываются главныя занятія по изученію литературныхъ образцовъ и составленію сочиненій на основаніи этого изученія. Къ концу второй ступени обученія ученики должны уже получить серьезные навыки въ области стилистики, и на третьей ступени въ такомъ случаѣ стилистика будетъ уже не цѣлью, а средствомъ при разработкѣ разнаго рода темъ, избираемыхъ учениками или назначаемыхъ учителемъ. Слѣдовательно, учебныя занятія по составленію сочиненій должны быть закончены на втрой ступени.

Въ дѣйствительности въ нашихъ школахъ нѣтъ такой преемственности, чтобы указанное дѣленіе соотвѣтствовало извѣстнымъ типамъ учебныхъ заведеній; нѣтъ еще полной связи между начальной школой, высшимъ начальнымъ училищемъ и старшими классами гимназіи. Поэтому, говоря о ступеняхъ обученія, нужно подразумѣвать подъ этимъ не типъ учебнаго завиденія, а опредѣленный кругъ занятій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ училищѣ соединяются двѣ или три ступени, какъ, напримѣръ, въ гимназіи съ приготовительнымъ классомъ, тамъ часть работъ второй ступени, а именно третій концентръ—изученіе характеристикъ и разсужденій—переносятъ въ старшіе классы, для того, чтобы связать эти занятія съ курсомъ литературы и логики.

Чтобы закончить совершенно изложеніе учебныхъ занятій по составленію сочиненій, остается разсмотрѣть роль лирическаго элемента, болѣе подробно описать характеръ самостоятельныхъ работъ и указать способы исправленія письменныхъ упражненій въ кругу разсматриваемыхъ занятій учащихся.

ГЛАВА VIII.

Лирическій элементъ.

Чрезвычайно мало въ литературѣ чисто-лирическихъ произведеній; этотъ элементъ, въ большинствѣ случаевъ, входитъ въ сочиненіе лишь какъ составная часть. Чистый видъ лирики—пѣсня, элегія... Какъ элементъ, она входитъ и въ описаніе, и въ разсказъ, романъ, повѣсть и т. д. Вообще говоря, къ области лирики можно отнести всѣ тѣ поэтическія произведенія, въ которыхъ самымъ главнымъ элементомъ является выраженіе личныхъ чувствъ самого поэта, его душевныхъ настроеній. Понятно, что свободное выраженіе личныхъ чувствъ поэта и его душевныхъ настроеній

не можетъ имѣть какой либо опредѣленной, обязательной формы, какъ это мы наблюдали въ повѣствованіи, описаніи, характеристикѣ и разсужденіи. Поэтому нельзя научить составленію лирическихъ сочиненій, но можно и должно изучать лирику, чтобы лучше и полнѣе понимать поэзію, чтобы воспитывать эстетическое чувство, а поэзія главный факторъ его развитія. Если человѣкъ понимаетъ лирическое произведеніе, если онъ въ состояніи пережить тѣ чувства и настроенія, которыя захватили автора и вылились въ его сочиненіи, то значитъ ему свойственно увлеченіе, значитъ онъ самъ можетъ испытать радость, грусть, сердечную привязанность... И когда такой человѣкъ будетъ писать сочиненіе, пѣсню, разсказъ на прочувствованную имъ и захватившую его тему, то чувство выльется само собой. Однако чувство неразрывно съ мыслью, а мысль можетъ въ своемъ развитіи итти по двумъ основнымъ путямъ: повѣствовательному или описательному. Въ соотвѣтствіи съ этимъ лирическія сочиненія раздѣляются на два основныхъ вида: повѣствовательныя и описательныя. Для примѣра можно указать хотя бы на „Пророка“ Лермонтова и „Ниву“ Майкова.

Изученіе лирики производится такъ же, какъ и вообще всякаго художественнаго сочиненія. Оно имѣетъ цѣлью воспринятіе того чувства и настроенія, которыми сочиненіе проникнуто. Маленькое стихотвореніе, какъ, напр., „Горныя вершины“ Лермонтова (а лирическимъ произведеніямъ болѣе свойственна стихотворная форма), понятно и безъ особаго изученія; здѣсь настроеніе грусти не только непосредственно сообщается читателю, но послѣдній сразу же сознательно можетъ и опредѣлить его, назвавъ соотвѣтствующимъ именемъ. Въ этомъ случаѣ на долю разбора стихотворенія остается лишь сопоставленіе полнаго покоя природы съ надеждой на покой человѣка, чтобы не только сознательно воспринять чувство и настроеніе, но и понять его развитіе.

Въ болѣе сложныхъ лирическихъ сочиненіяхъ иногда требуется анализъ для сознательнаго усвоенія чувства и настроенія. Путемъ анализа сочиненіе разлагается на части, причемъ практикуются обычные пріемы разложенія на части повѣствованій или описаній, смотря по тому, что соотвѣтствуетъ данному произведенію; затѣмъ выясняется каждая часть, какъ въ отдѣльныхъ составляющихъ ея мысляхъ, такъ и въ цѣломъ образѣ; потомъ сопоставляются между собою разъясненныя уже части и опредѣляется чувство и настроеніе автора, отразившееся на всемъ его сочиненіи. Для примѣра возьмемъ стихотвореніе Майкова „Нива“.

Нива.

I. По нивѣ прохожу я узкою межой,
поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
и колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклонясь,
какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать! О, какъ прилечь отрадно
мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья предо мной
бесѣду важную ведутъ между собой.
II. Имъ внемля, вижу я на всемъ полей просторѣ
и жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
вотъ на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда,
вездѣ скрипятъ воза; средь шумнаго народа
на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
нагнувши головы, плечами напирая
и длинной бичевой по влагѣ ударяя...

III. О, Боже! Ты даешь для родины моей
тепло и урожай, дары святые неба,—
но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

Это стихотвореніе распадается на три части; въ первой авторъ рисуетъ ниву во время урожая, наблюдая ее непосредственно; во второй—рядъ картинъ, начинающихся жнитвой и кончающихся барками хлѣба, представляя послѣднее въ своемъ воображеніи; въ третьей части обращаетъ моленіе къ Богу о духовномъ хлѣбѣ.

Для расчлененія этого стихотворенія на части могутъ быть заданы слѣдующіе вопросы: Все ли описанное въ стихотвореніи авторъ видитъ предъ собою? Какія картины рисуетъ онъ въ своемъ воображеніи? О чемъ говоритъ авторъ въ концѣ стихотворенія, изобразивъ полную картину урожая? На сколько же частей можно разложить прочитанное стихотвореніе? О чемъ говорится въ первой части? Во второй? Въ третьей?

Послѣ разложенія на части, послѣдовательно изучается каждая изъ нихъ выясненіемъ отдѣльныхъ чертъ нарисованной картины. Всѣ объясненія однако должны быть направлены къ болѣе ясному изображенію главной мысли. Поэтому, опредѣливъ сначала главную мысль каждой части и ихъ взаимоотношеніе, учителю нужно еще до разбора рѣшить, какія слова и выраженія ему придется объяснить преимущественно и на какихъ остановится лишь мимоходомъ. Главная мысль первой части—обильный урожай. Поэтому весь разборъ ея долженъ дать ученику сознательное и полное представленіе именно этой картины. Внимательно вчитавшись въ отрывокъ, видимъ, что авторъ вызываетъ въ читателѣ живое представленіе изображенной картины посредствомъ описанія воспринятыхъ имъ образовъ: эпитеты—рожь „густая“, пчелы „тревожныя“, рожь „высокая“; метафоры—„мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной

и колютъ мнѣ лицо"..., „иду я наклонясь, какъ бдуто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день", „заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой". Но это не всѣ образы отрывка, въ немъ имѣются еще слѣдующіе эпитеты: „узкая" межа, „цѣпкая" лебеда. Перечисленные сначала образы—главные, потому что именно они рисуютъ картину обильнаго урожая, а указанные потомъ—второстепенные, такъ какъ они изображаютъ лишь фонъ ея. Поэтому объясненія учителя должны сосредоточиться на выясненіи образовъ первой группы, а о вторыхъ достаточно лишь упомянуть мимоходомъ, касаясь ихъ постольку, поскольку этого требуетъ сама главная мысль.

Учитель спрашиваетъ: Въ какой годъ бываетъ густая рожь? Почему автору трудно разбирать ее руками? Чѣмъ еще замедляются его движенія? Что происходитъ съ колосьями вслѣдствіе движеній человѣка? Почему они мелькаютъ, а не просто качаются? Отчего жужжатъ? Почему приходится наклоняться ему во время ходьбы по узкой межѣ? Почему онъ вынужденъ отбиваться отъ мелькающихъ колосьевъ, а не просто отстранять ихъ руками? Чѣмъ колосья напоминаютъ пчелъ? Какъ измѣняется картина, когда человѣкъ ложится въ тѣнь высокой ржи? Почему рожь кажется ему уже не густою, а высокою? Почему колосья кажутся полными заботы? Почему кажется, что они ведутъ между собою важную бесѣду? Какое впечатлѣніе произвела нива на автора?

Изъ отвѣтовъ на эти вопросы выяснится въ подробностяхъ слѣдующее. Въ урожайный годъ такъ много выросло ржи, что колосья ея, склоняясь въ сторону узкой межи, какъ бы слились въ плотную массу, и человѣку нужно не мало труда, чтобы раздвинувъ ихъ, проложить себѣ дорогу, тѣмъ болѣе, что ему мѣшаетъ и цѣпкая лебеда, задерживая

его движенія. Многочисленные колосья разбрасываются въ разныя стороны, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, задѣваютъ своими остями лицо человѣка и наносятъ ему непріятные уколы; вслѣдствіе этого безпрестанно приходится быстрыми движеніями рукъ отстранять надоѣдливыя колосья, точно отбиваться отъ встревоженныхъ пчелъ, которыхъ колосья напоминаютъ своимъ жужжаніемъ, происходящимъ отъ взаимнаго трепія остей, безпрестаннымъ мельканіемъ и уколами въ лицо. Но стоитъ только прилечь въ тѣнь около ржи, какъ картина мѣняется. Человѣка охватываетъ пріятная прохлада отъ сохранившейся еще въ тѣни влаги. Рожь ему кажется уже не густой, а высокой; склонившейся книзу, какъ будто полные заботы, колосья, слегка качаясь, мѣрными движеніями производятъ отъ взаимнаго соприкосновенія легкій, но внушительный шумъ, точно ведутъ между собою важную бесѣду. Вся эта картина обильнаго урожая наполнила автора восторгомъ и отрадной.

Такимъ образомъ будутъ разъяснены эпитеты и метафоры первой части. Если сравнить изложенное съ соотвѣтствующими мѣстами стихотворенія, то можно легко замѣтить, какими подробностями дополнило приведенное объясненіе описанную картину, ничего при этомъ не прибавляя, а лишь разъясняя сказанное авторомъ.

Главная мысль второй части—благопріятный сборъ обильнаго урожая. Съ этой точки зрѣнія должны быть разъяснены ея художественные образы: метафора—„жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы“, эпитеты: „тяжелые“ снопы, „проворные“ цѣпы; олицетворенія: „стучатъ проворные цѣпы“, „вездѣ скрипятъ воза“, „кули валятся“ и проч. Но опять таки объясненія не могутъ отвлекаться въ сторону, а должны клониться лишь къ болѣе ясному изображенію второй части: благопріятнаго сбора обильнаго урожая. При этомъ нѣтъ надобности избѣгать терминологіи, на разборѣ же, мимоходомъ, сообщивъ уче-

никамъ, какія выражанія называются эпитекими, метафорами и проч. Когда эти понятія достаточно усвоены, то ученикамъ можно уже предложить самостоятельно разобраться на томъ же стихотвореніи въ разъясненіи того или другого эпитета, метафоры и т. п.

Уже изъ самаго способа описанія благопріятнаго сбора урожая, изъ живости приведенныхъ образовъ ясно, что восторженно-отрадное чувство автора не покинуло его во второй части стихотворенія. И когда онъ въ третьей части мысленно перенесся отъ матеріальнаго хлѣба къ духовному—свѣту и знанію, то сила его восторга и отрады смѣнилась не менѣе сильной мольбою о помощи родинѣ.

Въ заключеніе приведеннаго разбора полезно спросить у учениковъ, въ какихъ мѣстахъ стихотворенія съ особенной силой отразилось восторженно-отрадное чувство автора.

Подобные логико-стилистическіе разборы лирическихъ сочиненій должны во все время обученія итти руко объ руку съ сочиненіями учащихся, воспитывая въ нихъ способность думать и выражаться образами, согрѣтыми чувствомъ автора. Однако необходимо предупредить учащихся, чтобы они въ своихъ сочиненіяхъ не старались выдумывать эпитеты, метафоры, сравненія... потому что описанія не прочувствованныя, не тѣ, которыя являются сами собой, всегда будутъ вымученными, мертвыми, между тѣмъ какъ прелесть заключается въ противоположныхъ качествахъ; пусть учащіеся лишь правдиво излогаютъ то, что уже есть у каждаго изъ нихъ въ умѣ, сердцѣ и воображеніи. Учителю же необходимо воспитывать и умъ, и сердце, и воображеніе, чтобы ученикамъ было что изложить въ своихъ сочиненіяхъ. И не достаточно для этого брать только лирику. Нужно воспользоваться прекраснымъ матеріаломъ всей нашей литературы, чтобы въ правильно поставленномъ курсѣ объяснительнаго чтенія и литературы вліять на развитіе ума, сердца и воображенія учащихся. Эти занятія рас-

ширятъ кругъ изучаемыхъ произведеній литературы, которыя будутъ служить уже не только цѣлямъ стилистики, какъ то подробно развито во всемъ предыдущемъ изложеніи, но и обширнымъ цѣлямъ образованія. Такимъ образомъ, между сочиненіями учащихся и литературой, кромѣ той логико-стилистической связи, разсмотрѣнію которой посвящено предыдущее изложеніе, существуетъ еще и внутренняя связъ мысли, чувства и воображенія. Развитіе этихъ способностей человѣка отразится и на его сочиненіяхъ.

ГЛАВА VIII.

Самостоятельныя работы съ литературнымъ содержаніемъ.

Подъ именемъ самостоятельныхъ работъ въ курсѣ школьныхъ сочиненій обычно подразумѣваютъ тѣ, которыя черпаютъ свой матеріалъ не изъ литературы, а прямо изъ жизни, путемъ непосредственнаго наблюденія и изученія. Но такое пониманіе самостоятельныхъ работъ едва ли можно считать правильнымъ. Всякая ученическая работа должна быть самостоятельной, независимо отъ содержанія, и все искуство преподаванія состоитъ въ томъ, чтобы дать ученику извѣстные элементы, изъ которыхъ онъ творитъ свое цѣлое, или научить его найти такіе элементы самостоятельно, путемъ изученія литературы и жизни.

Остановимся прежде всего на тѣхъ работахъ, матеріалъ которыхъ черпается изъ литературы, и посмотримъ, какимъ образомъ эти работы могутъ быть сдѣланы самостоятельными, и какое мѣсто занимаетъ въ нихъ элементъ синтеза, творчества.

Самостоятельныя работы, матеріалъ которыхъ черпается изъ литературы, заключается какъ въ изученіи образцовъ,

такъ и въ письменномъ изложеніи знаній, какія являются у ученика результатомъ этого изученія.

Цѣлью изученія образца является пріобрѣтеніе знаній, касающихся его содержанія и формы, т. е. знанія идей и нѣкоторыхъ правилъ стилистики, по преимуществу однако не теоріи стиля, а практической стороны, путемъ непосредственнаго воспріятія навыковъ письма. Для сообщенія такого рода знаній учитель долженъ ставить рядъ строго продуманныхъ вопросовъ, ученики же сами будуть изучать образецъ и давать опредѣленные отвѣты, сопоставленіе и объединеніе которыхъ выяснитъ имъ, что основной идеей образца является такая то и что эта идея развита при помощи сопоставленія такихъ то литературныхъ фактовъ, путемъ соединенія опредѣленныхъ элементовъ стиля или путемъ развитія однаго какого либо элемента. Такія понятія вызовутъ активную, самостоятельную работу учениковъ, потому что путемъ сопоставленія самостоятельно полученныхъ данныхъ вырабатывается соотвѣтствующій выводъ. Въ занятіяхъ ученика происходитъ переработка литературныхъ элементовъ въ новую литературную форму: составленіе плана, развитіе его въ пересказъ и т. п. Отсюда видно, что въ этой работѣ участвуетъ и элементъ творчества.

Творчество создаетъ новыя формы, новыя мысли. Но для процесса творчества, развивающаго духовныя силы человѣка, важна не абсолютная новизна того и другого, а новизна относительная, поскольку она можетъ быть таковой для самого автора, результатомъ работы котораго получается новая для него форма или новая мысль. Для развитія человѣка и роста его духовныхъ силъ важенъ не только результатъ работы, но и самый процессъ ея, можетъ быть даже не столько результатъ, сколько процессъ, а именно это обстоятельство и имѣется въ переработкѣ литературныхъ элементовъ въ новую литературную форму. И лишь только потому, что литературные элементы опредѣленны, въ результатѣ

получается опредѣленная литературная форма, одинаковая въ работахъ разныхъ учащихся; но по отношенію къ каждому изъ нихъ и форма и процессъ работы индивидуальны, такъ какъ каждый ученикъ самостоятельно производитъ свою работу, затрагивающую его духовныя силы. Нельзя однако говорить безъ ограниченія о творчествѣ въ этихъ работахъ. Несомнѣнно, въ тѣхъ работахъ, гдѣ ученикъ создаетъ совершенно новое для него сочиненіе путемъ непосредственнаго изученія жизни, — творчество шире. Въ такихъ работахъ элементы могутъ видоизмѣняться вслѣдствіе болѣе глубокаго изученія жизни или требованій темы, а въ самостоятельныхъ работахъ съ литературнымъ содержаніемъ элементы опредѣленны. Поэтому въ послѣднемъ случаѣ и приходится говорить не о творчествѣ вообще, а лишь объ элементѣ творчества, присутствующемъ въ процессѣ психологической работы. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство придаетъ самостоятельнымъ работамъ съ литературнымъ содержаніемъ особую цѣну въ смыслѣ ихъ общеобразовательнаго значенія, независимо отъ роли этихъ работъ въ курсѣ стилистики и независимо отъ значенія воспитательнаго вліянія литературы, которая даетъ для нихъ богатый матеріалъ. Все это позволяетъ ввести элементъ творчества въ методологію курса школьныхъ сочиненій, какъ могущественное средство переработки и претворенія отдѣльныхъ знаній въ систему или вообще въ самостоятельно создаваемое цѣлое.

Разсмотримъ все это на примѣрѣ. Допустимъ, что для изученія и литературной переработки мы взяли басню Крылова „Щука и котъ“. Цѣль изученія — показать ученикамъ, что повѣствованіе есть такое литературное сочиненіе, въ которомъ излагается рядъ событій, объединенныхъ данною темою, въ хронологическомъ порядкѣ. Цѣль литературной переработки — составленіе плана и развитіе его въ пересказъ. Первое достигается постановкою опредѣленныхъ вопросовъ

учителя, раздѣленіемъ басни на части, соотвѣтственно чередующимся событіямъ, и изученіемъ причинно-хронологической связи между этими событіями. Вопросами учителя и вообще руководительствомъ его вызывается самодѣятельность учащихся, въ сознаніи которыхъ путемъ творческой переработки отдѣльныхъ знаній возникаетъ цѣльное представленіе о сущности повѣствовательнаго сочиненія. Второе достигается изложеніемъ основныхъ мыслей каждаго событія, причемъ ученики также самостоятельно опредѣляютъ каждую изъ нихъ и сжато излагаютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, а затѣмъ развиваютъ ихъ въ пересказъ. Первоначально получается слѣдующій планъ.

1. Однажды щука просила кота взять ее съ собой на ловлю мышей.
2. Котъ отговаривалъ ее отъ этой охоты.
3. Однако щука настояла на своемъ.
4. Они засѣли въ амбарѣ.
5. Котъ натѣшился, наѣлся и пошелъ провѣдать щуку.
6. У щуки крысы отъѣли хвостъ и она была чуть жива.
7. Котъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

Въ этой работѣ при указанныхъ выше условіяхъ руководительства со стороны учителя возникаетъ самодѣятельность учащихся и происходитъ переработка одной литературной формы въ другую, съ сохраненіемъ содержанія мысли: басня перерабатывается въ планъ путемъ опредѣленія и изложенія основныхъ событій разсказа. Элементъ творчества можетъ присутствовать въ этой самостоятельной работѣ несомнѣнно, такъ какъ результатомъ работы является законченный планъ, новая литературная форма. Ученикъ создаетъ планъ. И то обстоятельство, что разные ученики создадутъ планы, похожіе одинъ на другой, не умаляетъ цѣнности психологической работы каждаго изъ нихъ. Одинаковые же планы получатся потому, что работа мысли подчинена опредѣленнымъ логическимъ законамъ, и если

для работы извлекаются изъ образца одинаковые элементы, то естественно должны получиться и однородные результаты.

Если въ методѣ описанныхъ работъ изученія образца и составленія плана можно видѣть присутствіе элемента творчества, то въ изложеніи образца этотъ элементъ становится еще болѣе замѣтнымъ. Въ этой послѣдней работѣ дѣти создаютъ новую разновидность литературной формы, отличающуюся отъ образца сжатостью изложенія, а отъ плана большимъ изяществомъ рѣчи, что достигается введеніемъ въ него промежуточныхъ мыслей, союзовъ, мѣстоименій, синонимовъ и проч. Все вниманіе ученика при развитіи плана въ краткій пересказъ обращено именно на эту сторону. При соединеніи отдѣльныхъ мыслей онъ подыскиваетъ болѣе удачныя выраженія, ставитъ союзы, замѣняетъ имена мѣстоименіями, избѣгаетъ повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, отдѣлываетъ фразу, придаетъ ей грамматическую правильность, слѣдитъ за разстановкою знаковъ препинанія. Во всемъ этомъ имѣется на лицо самодѣятельность, а вмѣстѣ съ нею и творчество, такъ какъ результатомъ работы является новая разновидность литературной формы.

Было бы ошибочно думать, что такой пересказъ—безмысленная перефразировка, произвольное передѣлываніе болѣе совершеннаго образца такъ называемыми своими словами. Эта работа—записываніе опредѣленной группы своихъ мыслей, своихъ впечатлѣній, полученныхъ при изученіи образца, но въ опредѣленномъ порядкѣ. При такой постановкѣ дѣла является непонятнымъ предъявляемое иногда къ ученикамъ требованіе излагать „своими словами“, такъ какъ каждое слово воспринятой и продуманной мысли будетъ ихъ словомъ, независимо отъ того, имѣется ли оно въ образцѣ или нѣтъ.

На вопросѣ о присутствіи творческаго элемента въ описанныхъ группахъ самостоятельныхъ работъ съ литератур-

нымъ содержаніемъ приходится останавливаться потому, что неправильно поставленный пересказъ въ курсѣ школьныхъ сочиненій нерѣдко вызываетъ среди преподавателей отрицательное отношеніе къ пересказу вообще, и такія работы нерѣдко считаются схоластическими, вредными. Между тѣмъ правильно поставленное изученіе образца, составленіе плана, развитіе его въ пересказъ, наконецъ составленіе пересказа безъ предшествующихъ ему работъ по составленію плана,—все это чрезвычайно полезно не только для развитія стиля, не только потому, что основаніемъ такихъ работъ является литература, одинъ изъ главныхъ факторовъ воспитательнаго воздѣйствія и умственнаго развитія, а и какъ упражненія общеобразовательныя, заключающія въ самихъ себѣ общеобразовательную силу, благодаря творческому элементу въ самостоятельной работѣ учащихся.

Въ дальнѣйшемъ курсѣ школьныхъ сочиненій предлагаются работы болѣе сложныя. Онѣ состоятъ въ группировкѣ ряда литературныхъ событій вокругъ избранной темы. Напримѣръ, тема—„Какъ Бирюкъ поймалъ и отпустилъ зора“. По существу эта работа является извлеченіемъ, но не механическимъ, такъ какъ требуется передать событія, разсѣянныя въ цѣломъ разсказѣ Тургенева, а не въ одной какой-либо его части. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта работа не есть и простой пересказъ, такъ какъ въ „Бирюкѣ“ высказанъ цѣлый рядъ и иныхъ мыслей, группирующихся около другихъ темъ. Слѣдовательно, предлагаемое упражненіе не есть уже только разновидность основной литературной формы. Здѣсь происходитъ сложная логическая работа, состоящая въ выдѣленіи и объединеніи ряда событій, причинъ и слѣдствій и переработкѣ всего этого въ цѣльную картину. Элементъ творчества присутствуетъ въ этой работѣ въ болѣе замѣтной степени, чѣмъ въ простомъ пересказѣ. Тоже самое можно сказать и про всѣ самостоятельныя работы этого типа, какъ напр. „Разсказъ Левко про панночку“ и т. п.

Переходимъ теперь къ описательнымъ сочиненіямъ и посмотримъ, имѣетъ ли мѣсто творческій элементъ въ этой группѣ работъ. Здѣсь придется говорить лишь о тѣхъ работахъ описательнаго характера, которыя связаны непосредственно съ литературнымъ матеріаломъ; иныя группы подобныхъ работъ разсматриваются ниже.

Съ литературнымъ матеріаломъ связаны слѣдующія группы такихъ упражненій: изученіе образцовъ и составленіе плановъ, а также составленіе плановъ самостоятельныхъ описаній, по образцу данныхъ. Первые два вида занятій аналогичны подобнымъ же въ разобранной уже группѣ повѣствованій. Третій видъ отличается отъ нихъ въ сторону большей независимости отъ литературнаго матеріала. А потому все сказанное о методѣ повѣствовательныхъ работъ относится и къ настоящимъ группамъ, т. е. элементъ творчества можетъ имѣть мѣсто и въ этомъ случаѣ при правильномъ руководительствѣ со стороны учителя, когда вызывается самодѣятельность учениковъ и создается возможность самостоятельнаго полученія новыхъ разновидностей литературной формы, каковой является планъ по отношенію къ изучаемому образцу и самостоятельно составленный планъ проэктируемаго описанія по отношенію къ выведенному плану даннаго образца.

Такъ какъ пересказы описательныхъ сочиненій или совершенно недопустимы, или допустимы только въ очень рѣдкихъ случаяхъ (наприм., описать комнаты старосвѣтскихъ помѣщиковъ, жилище Плюшкина и т. п.), то говорить объ этихъ работахъ почти не приходится. Что же касается до указанныхъ исключеній, то они по существу не являются пересказомъ описательныхъ сочиненій, а изложеніемъ тѣхъ картинъ и образовъ, которые возникаютъ у читателя подъ вліяніемъ изученія соотвѣтствующаго литературнаго матеріала, а потому они могутъ быть подведены подъ разсмотрѣнную уже группу извлеченій, и все сказан-

ное объ элементѣ творчества въ ученическихъ работахъ этой группы относится и сюда, хотя такія работы все же будутъ простѣйшимъ видомъ извлеченій, такъ какъ описаніе тѣхъ или другихъ предметовъ болѣе рѣзко выдѣляется въ литературномъ образцѣ, чѣмъ другая какая-либо тема.

Теперь слѣдуетъ остановиться на характеристикахъ и разсужденіяхъ. При этомъ необходимо помнить, что подъ характеристиками въ курсѣ школьныхъ сочиненій на второй степени обученія необходимо подразумѣвать преимущественно характеристики литературныя, а подъ разсужденіями такія сочиненія общаго характера, гдѣ этотъ элементъ имѣетъ замѣтное мѣсто. Характеристики съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій едва ли доступны второй ступени обученія, а разсужденія въ чистомъ видѣ едва ли цѣлесообразны.

Не будемъ останавливаться на изученіи образцовъ, потому что этотъ вопросъ уже разсмотрѣнъ въ группѣ повѣствованій. Перейдемъ прямо къ литературнымъ характеристикамъ и рефератамъ, гдѣ замѣтное участіе принимаетъ элементъ разсужденія.

Литературныя характеристики представляютъ собою сочиненія сложнаго типа. Въ нихъ входятъ, какъ элементъ, и повѣствованіе, и описаніе, и разсужденіе. Литературная работа учениковъ надъ сочиненіями этого рода состоитъ въ умѣломъ пользованіи всѣми литературными формами, причемъ вниманіе должно сосредоточиться не на соединеніи формъ, а на развитіи даннаго литературнаго типа путемъ описанія его характерныхъ чертъ и критической оцѣнки литературныхъ фактовъ съ цѣлью установить ихъ отношеніе къ описываемой чертѣ даннаго типа. Слѣдовательно, работа должна быть безусловно самостоятельной. Творческой элементъ выступаетъ въ ней въ еще болѣе сильной степени, чѣмъ въ предыдущихъ работахъ. Результатомъ этой работы является новое сочиненіе, во многомъ

отличающееся отъ изучаемаго: оно будетъ значительно короче послѣдняго, съ иной группировкой матеріала и съ болѣе выраженнымъ элементомъ разсужденія, такъ какъ ученику приходится сопоставлять и обобщать литературные факты.

Возьмемъ для примѣра хотя бы разсмотрѣнную уже характеристику старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Ученику нужно описать довольство, взаимную любовь и доброе отношеніе этихъ старичковъ къ людямъ, а также ихъ неразвитость и умственную лѣность. Для этой цѣли ему придется сопоставить цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ. Для описанія довольства придется говорить объ обиліи всякихъ благъ, которыя давала старосвѣтскимъ помѣщикамъ благословенная Богомъ земля; объ удобствахъ ихъ помѣстительнаго домика, каждая комната котораго приспособлена ко вкусамъ и потребностямъ обитателей. Соотвѣтствующіе литературные факты переплетены въ повѣсти вмѣстѣ съ другими, рисующими иныя стороны старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Такъ, обиліе плодовъ земныхъ поставлено въ связь съ повседневными заботами Пульхеріи Ивановны, которая занималась соленіемъ, вареніемъ и прочими хозяйственными дѣлами, а также съ наклонностью старичковъ плотно покушать; послѣднее въ свою очередь становится въ связь съ заботами Пульхеріи Ивановны объ Афанасіи Ивановичѣ и съ своеобразнымъ способомъ лѣчить всякіе недуги; и кислымъ молочкомъ, и киселикомъ, и настойкой на золототысячникѣ и проч., а все это входитъ уже въ область взаимной любви старичковъ и ихъ добраго отношенія къ людямъ. Когда ученикъ будетъ описывать взаимную любовь старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ему придется вновь коснуться того же литературнаго матеріала, но подойти къ нему съ другой стороны и поставить эти литературные факты въ связь съ другими, болѣе важными для этой цѣли моментами: постоянное общеніе этихъ старичковъ, подшучиваніе одного надъ другимъ и многочислен-

ныя мелкія одолженія, наконецъ заботы старушки передъ смертью объ Афанасіи Ивановичѣ и духовная смерть его послѣ смерти Пульхеріи Ивановны. Доброе отношеніе къ людямъ ученикъ увидитъ изъ отношенія старичковъ къ крѣпостнымъ и привѣтливости ихъ къ гостямъ. А въ привѣтливость къ гостямъ вкраплены у Гоголя и шутки Афанасія Ивановича, напримѣръ, намѣреніе его итти на войну. Наконецъ, когда ученикъ будетъ выяснять неразвитость и умственную лѣность старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ему опять придется говорить о занятіяхъ, и о разговорахъ, и о другихъ сторонахъ жизни этихъ старичковъ, но подходить къ этимъ литературнымъ фактамъ опять нужно уже съ другой стороны, необходимо будетъ давать имъ новую оцѣнку. Значитъ, во всей этой работѣ ученику постоянно придется создавать новое соотношеніе фактовъ, и въ концѣ-концовъ получится новое литературное сочиненіе съ ярко выраженнымъ критическимъ элементомъ. Ясно, что творческій элементъ въ этой работѣ имѣетъ видное мѣсто, гораздо большее, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ типѣ самостоятельнаго сочиненія съ литературнымъ содержаніемъ.

Къ разсмотрѣнному виду ученическихъ сочиненій будутъ относиться и болѣе сложныя литературныя характеристики, когда ученикъ долженъ совершенно самостоятельно разъяснить тотъ или иной литературный типъ, или дать сравнительную характеристику двухъ типовъ, или наконецъ составить рефератъ на основаніи нѣсколькихъ статей литературнаго или научнаго характера. И чѣмъ больше критической мысли внесетъ онъ въ свою работу, тѣмъ сильнѣе отразятся на ея результатахъ высшія формы творчества.

Для примѣра возьмемъ рефератъ на тему: вліяніе климата страны на образъ жизни ея обитателей. Ученику придется прочитать и внимательно взвѣсить все, что сказано въ указанныхъ ему книгахъ о жилищѣ, одеждѣ, питаніи, о

занятіяхъ и удовольствіяхъ людей, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ, въ средней полосѣ и на югѣ, и все это сопоставить между собою и разъяснить въ связи съ особенностями климата той или другой мѣстности. Работа можетъ быть вполнѣ самостоятельной и элементъ творчества въ такомъ случаѣ несомнѣненъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли основные виды ученическихъ работъ съ литературнымъ содержаніемъ. Въ нашу задачу входило разъясненіе вопроса, имѣетъ ли мѣсто творческій элементъ въ такого рода ученическихъ сочиненіяхъ. На основаніи всего предыдущаго можно утверждать, что этотъ элементъ въ названныхъ работахъ имѣетъ мѣсто, причемъ онъ становится болѣе замѣтнымъ и уже совершенно безспорнымъ въ сочиненіяхъ болѣе сложнаго типа, когда ученику приходится выбирать, сопоставлять и обобщать литературные факты и давать ихъ критическую оцѣнку. А потому нужно признать за всѣми перечисленными работами не только стилистическое, а и общеобразовательное значеніе, помимо образовательнаго значенія самой литературы, дающей матеріалъ для такого рода занятій.

Образовательная цѣнность этихъ работъ повышается съ усложненіемъ литературнаго матеріала и съ расширеніемъ темы; она выростаетъ до громадныхъ размѣровъ въ литературныхъ характеристикахъ и рефератахъ. Но къ этимъ послѣднимъ работамъ необходимо подходить постепенно, иначе онѣ будутъ для учениковъ трудными и скучными и тѣмъ самымъ потеряютъ свою общеобразовательную цѣну. Для постепеннаго же развитія литературной подготовки придется продѣлать съ учениками всю ту систему логико-стилистическихъ упражненій, которыя начинаются изученіемъ плана простѣйшихъ повѣствованій, записываніемъ его въ опредѣленномъ видѣ, продолжаются краткимъ извлеченіемъ на данную тему и т. п. многочисленными видоизмѣненіями этихъ основныхъ формъ.

Говоря объ элементѣ творчества въ ученическихъ работахъ съ литературнымъ содержаніемъ, приходилось касаться двухъ типовъ этихъ работъ: во-первыхъ, гдѣ создавались литературныя формы, новыя по отношенію къ данному образцу, но съ тѣмъ же содержаніемъ (составленіе плана, краткій пересказъ, извлеченіе на данную тему) и во-вторыхъ, новыя по отношенію къ даннымъ образцамъ и съ видоизмѣненнымъ содержаніемъ (литературная характеристика, рефераты). Какъ уже было сказано, новизну этихъ формъ нужно понимать не въ абсолютномъ смыслѣ, а лишь по отношенію къ психологическимъ переживаніямъ ученика. Въ самомъ дѣлѣ, ученику дается басня, а онъ составляетъ планъ, или изъ плана развиваетъ пересказъ и т. п. Творческія переживанія его будутъ аналогичны переживаніямъ другого, третьяго и т. д., но для каждаго изъ нихъ они будутъ своими, и результаты работъ будутъ для нихъ новыми.

Въ послѣдніе годы въ противовѣсъ механическому пересказыванію литературныхъ образцовъ въ педагогической средѣ создалось теченіе, отодвигающее ученическія работы съ литературнымъ содержаніемъ на задній планъ, а на мѣсто ихъ выдвигающее работы съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій надъ непосредственной жизнью. Оправдывается это тѣмъ соображеніемъ, что будто бы только эти послѣднія работы можно назвать общеобразовательными въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ только онѣ будто бы содѣйствуютъ развитію дѣтскаго творчества. Едва ли можно согласиться съ такимъ положеніемъ; но его можно понять, какъ протестъ противъ механической перефразировки стараго времени.

Вопросъ о мѣстѣ тѣхъ и другихъ работъ — вопросъ серьезный и отъ разрѣшенія его должно зависѣть количество работъ того и другого типа. Какихъ же работъ нужно давать ученикамъ больше: съ литературнымъ содержаніемъ или съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій.

Для разныхъ ступеней обученія этотъ вопросъ рѣшается, повидимому, различно. На первой ступени, въ начальной школѣ, письменныя работы даже трудно разграничить по категоріямъ, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ другъ съ другомъ самую тѣсную связь: ариѳметика идетъ тамъ первоначально на ряду съ чтеніемъ и письмомъ, простѣйшія сочиненія—на ряду съ объяснительнымъ чтеніемъ, съ записываніемъ своихъ наблюденій надъ жизнью и надъ классными опытами.

На второй и третьей ступеняхъ вопросъ этотъ возможенъ уже въ болѣе рѣзкой постановкѣ, такъ какъ здѣсь учебные предметы рѣзко обособляются другъ отъ друга, и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ жизни, какъ матеріала для ученическихъ сочиненій, приходится понимать уже ограниченный кругъ такихъ наблюденій, преимущественно бытового характера, или то, что съ нимъ такъ или иначе соприкасается. Поэтому для правильнаго разрѣшенія вопроса о количествѣ тѣхъ и другихъ работъ необходимо принять во вниманіе не только творческій процессъ психологическихъ переживаній ученика во время самостоятельныхъ сочиненій, а и содержаніе темы, способной вліять на развитіе духовнаго міра учащихся и на развитіе научной мысли.

Самостоятельныя работы съ литературнымъ содержаніемъ черпаютъ свой матеріалъ по преимуществу изъ художественной литературы, но могутъ опираться также и вообще на науку, какъ напримѣръ рефераты. Поэтому для разрѣшенія поставленнаго вопроса необходимо учесть значеніе литературы и науки въ жизни человѣка и въ особенности въ жизни молодого поколѣнія. Значеніе это громадно, можно сказать даже неизмѣримо. При помощи науки и литературы человѣкъ получаетъ свое общее развитіе, развитіе ума и чувствованій. Наибольшую же силу наука и литература окажетъ на учащихся въ томъ случаѣ, если они не только будутъ изучать то и другое, но и самостоятельно будутъ работать въ области научныхъ и литературныхъ знаній. Путь

къ этому уже намѣчается постановкою такъ называемыхъ практическихъ работъ. Поэтому въ курсѣ школьныхъ сочиненій естественно видѣть преобладаніе самостоятельныхъ работъ съ литературнымъ содержаніемъ или опирающихся на тѣ или иныя отрасли научныхъ знаній, соприкасающихся съ основнымъ курсомъ языка, тѣмъ болѣе что и сами по себѣ эти работы имѣютъ общеобразовательную цѣну.

ГЛАВА IX.

Самостоятельныя работы съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій.

Если въ самостоятельныхъ работахъ съ литературнымъ содержаніемъ возможенъ элементъ творчества, то въ самостоятельныхъ работахъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій можетъ имѣть мѣсто, такъ сказать, творчество въ высшемъ смыслѣ. Подъ этимъ подразумѣвается индивидуальная работа надъ элементами и образованіе изъ нихъ своего цѣлаго. Въ самостоятельныхъ работахъ съ литературнымъ содержаніемъ такіе элементы если и не даны прямо, то все же подсказаны литературнымъ матеріаломъ, и все вниманіе ученика должно быть направлено въ первой стадіи работы на то, чтобы точно выяснить и опредѣлить эти элементы, послѣ чего создается самостоятельное сочиненіе. Въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій ученикъ создаетъ не только самое сочиненіе, но и элементы, путемъ непосредственнаго изученія тѣхъ или иныхъ явленій жизни и своихъ впечатлѣній. Въ этомъ случаѣ личныя склонности и другія отличительныя черты ученика ничѣмъ постороннимъ не ограничены и въ результатѣ такого изученія получается оригинальная работа, самый же процессъ ея будетъ способствовать свободному развитію присущихъ тому или другому лицу оригиналь-

ныхъ особенностей. Слѣдовательно, самостоятельныя работы съ содержаніемъ изъ личныхъ нублюденій имѣютъ въ области индивидуальнаго творчества большее значеніе, чѣмъ самостоятельныя работы съ литературнымъ содержаніемъ. Поэтому въ курсѣ школьныхъ сочиненій имъ должно быть отведено видное и почетное мѣсто.

Однако не слѣдуетъ думать, что въ психологическомъ процессѣ этой работы всѣ ученики становятся творцами въ высшемъ смыслѣ этого слова. Въ дѣйствительности, творчество удѣлъ исключительныхъ натуръ, одаренныхъ художественнымъ талантомъ или строго выраженной логичностью сужденія. Обычно же, средніе люди лишь совмѣщаютъ въ себѣ нѣкоторыя степени того и другого качества, или ихъ совокупность. Поэтому, говоря о творчествѣ въ процессѣ самостоятельныхъ работъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, нужно переносить вниманіе не на результаты ихъ, а на возможность психологическихъ переживаній ученика, развивающихъ его духовныя силы и создающихъ возможности оригинальнаго творчества въ пору самостоятельнаго труда. Творческая оригинальность можетъ быть ничтожной по сравненію съ результатами работъ великихъ художниковъ и мыслителей, но въ сокровищницѣ общемировой работы она будетъ имѣть нѣкоторое мѣсто, такъ какъ великіе результаты получаются изъ массы едва замѣтныхъ явленій, постоянно измѣняющихся и перерабатывающихся подъ вліяніемъ общечеловѣческихъ усилій, и великіе люди—лишь оригинальные выразители тѣхъ идей, которые созданы самой жизнью, всѣмъ человѣчествомъ. А потому какъ ни ничтожна творческая самодѣятельность ученика по сравненію съ работой великихъ людей, она все же имѣетъ опредѣленное мѣсто въ жизни всего человѣчества. И тѣмъ самымъ работа учителя, помогающаго ученикамъ трудиться надъ развитіемъ духовныхъ силъ, пріобрѣтаетъ особый смыслъ и значеніе.

Съ понятіемъ творчества обычно соединяется понятіе художественности, искусства. Но нельзя не видѣть существованія творчества и иного порядка, творчества научнаго, когда человѣкъ мыслитъ не образами и картинами, а логическимъ развитіемъ явленій жизни, путемъ выясненія ихъ закономѣрности, причинъ и послѣдствій. И такъ какъ въ соотвѣтствіи съ этимъ людей можно раздѣлить на двѣ группы: художниковъ и ученыхъ, или съ чертами того и другого рода, или ихъ совокупностью, то было бы педагогической ошибкой требовать отъ учащихся непремѣнной художественности въ ихъ самостоятельныхъ работахъ.

Отсюда вытекаетъ необходимость двоякаго рода темъ для самостоятельныхъ сочиненій съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій: во-первыхъ, для сочиненій описательныхъ (пространственныхъ или во времени), гдѣ могло бы получить свое развитіе художественное творчество, и, во-вторыхъ, для сочиненій научнаго типа, гдѣ могло бы получить свое развитіе творчество научное, гдѣ нашло бы свое мѣсто логическое развитіе явленій жизни, путемъ выясненія ихъ закономѣрности, причинъ и послѣдствій.

Развитію художественнаго творчества можно способствовать главнымъ образомъ эстетическимъ воспитаніемъ. Однимъ изъ главныхъ факторовъ этого воспитанія является поэзія; на ряду съ ней, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, общедоступны картинныя галлереи, статуи, архитектура, музыка. Но самымъ могучимъ факторомъ эстетическаго воспитанія навсегда останется природа, съ ея чудными картинами и красотами, то увлекающими, то возбуждающими, то успокаивающими, примиряющими. Море, горы, степь, лѣса... Все это дало намъ не одного великаго поэта. Кольцовъ можетъ сильнѣе увлечь того человѣка, который видѣлъ и полюбилъ безпредѣльное пространство степи; Тургеневъ— кто привыкъ сливать свои настроенія съ перемѣнами въ природѣ. Поэтому, желая пробудить художественныя возмож-

ности, нужно человѣка ставить ближе къ природѣ. Многія дѣти не видали восхода солнца, немногія ночевали въ лѣсу. А между тѣмъ въ это время зарождается путемъ контраста понятіе о красотѣ, хочется не только пережить свои чувствованія, но и подѣлиться съ другими. Педагоги должны воспользоваться такимъ психологическимъ моментомъ и дать этой потребности свободный и разумный выходъ.

Отсюда вытекаютъ темы, соотвѣтственно временамъ года, безъ точно формулированнаго названія, лучше съ самостоятельно придуманнымъ, въ соотвѣтствіи съ матеріаломъ, темы не навязанныя, а какъ бы мимоходомъ названныя, еще лучше дневники личныхъ впечатлѣній, отнюдь не обязательные и даже не рекомендуемые, а лишь какъ бы случайно указанные въ примѣрахъ изъ жизни того или другого поэта или обыкновеннаго человѣка. Къ такимъ работамъ нужно относиться бережно, чтобы не спугнуть настроенія, чтобы не навязать работы, непріятной для чувства, и чтобы тѣмъ самымъ не поселить отвращенія къ литературному изложенію своихъ впечатлѣній.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ давать такихъ работъ чрезмѣрное количество, потому что онѣ разсчитаны на проявленіе авторскаго чувства, а человѣкъ не всегда имѣетъ потребность дѣлиться имъ съ другими. Кромѣ того, эти работы основаны на непосредственномъ наблюденіи разныхъ явленій, а кругъ такихъ наблюденій въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни ограниченъ, и слѣдуетъ бояться, чтобы въ своихъ самостоятельныхъ работахъ изъ личныхъ наблюденій ученикъ не повторялся и чтобы тѣмъ самымъ работы не потеряли личнаго интереса.

На ряду съ развитіемъ художественнаго творчества необходимо способствовать развитію и научнаго творчества. Этимъ будетъ сохранена возможность всесторонняго развитія духовныхъ силъ человѣка и подрастающее поколѣніе получитъ всестороннюю подготовку къ жизни. Необходимо

поэтому ввести ученика въ пониманіе научныхъ методовъ изслѣдованія, Конечно, это задача всего школьнаго курса, но въ примѣненіи къ бытовой жизни она входитъ въ курсъ самостоятельныхъ сочиненій.

Для достиженія постановленной задачи нельзя ограничиваться наблюденіемъ только художественной стороны жизни. Необходимо изучать причинную связь явленій, разлагать ихъ на составныя части, ставить въ связь съ другими, находить однородныя черты, опредѣлять естественные законы, поскольку даетъ на то матеріала научная подготовка учениковъ. Въ области быта людей возможно изучать связь между условіями жизни данной мѣстности и приспособленіемъ къ нимъ человѣка, закономѣрность разныхъ ступеней того или иного вида промысловыхъ занятій и т. п. Все это достигается непосредственнымъ наблюденіемъ жизни и выясненіемъ закономѣрности въ ея теченіи.

Отсюда вытекаютъ темы научнаго типа, гдѣ съ указанныхъ точекъ зрѣнія ученикъ можетъ подойти къ тому или иному бытовому явленію или явленію природы.

Само собой понятно, что успѣшность занятій ученика въ области его самостоятельныхъ сочиненій будетъ находиться въ ближайшей связи съ его стилистической подготовкой. Въ зависимости отъ нея возможно давать самостоятельныя работы большей или меньшей трудности. А потому въ дальнѣйшемъ изложеніи метода самостоятельныхъ сочиненій придется эти работы ставить въ связь съ другими занятіями стилистическаго характера.

Не будемъ вновь останавливаться на описаніи самостоятельныхъ работъ учащихся на второй ступени обученія, соотвѣтствующей начальной школѣ, такъ какъ онѣ въ дальнѣйшемъ интересуютъ насъ главнымъ образомъ лишь какъ подготовительныя упражненія къ опредѣленному цѣльному курсу. Съ другой стороны, вопросъ о постановкѣ самостоя-

тельныхъ сочиненій на третьей ступени обученія, въ старшихъ классахъ средней школы, входитъ въ кругъ настоящей главы тоже какъ связь между работами второй ступени и послѣдующими занятіями.

Но само собой разумѣется, самостоятельныя работы съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій должны имѣть мѣсто на протяженіи всего курса единой школы, начиная съ первой ступени обученія, потому что эти работы имѣютъ особое значеніе въ гармоничномъ развитіи духовныхъ силъ человѣка; къ тому же, ученику необходимо постоянно примѣнять свои стилистическіе навыки и знанія къ самостоятельной работѣ по изложенію своихъ наблюденій надъ непосредственной жизнью.

Эти самостоятельныя работы могутъ быть такъ формулированы, что въ нихъ будетъ выдѣляться или одинъ какой-либо литературный видъ сочиненія, или ихъ совокупность. Могутъ быть работы съ преимущественнымъ элементомъ повѣствовательнымъ, описательнымъ, характеристики и разсужденія, или сочиненія общаго характера съ соединеніемъ этихъ элементовъ.

Раньше другихъ слѣдуетъ поставить повѣствовательныя сочиненія, затѣмъ—описательныя и общаго характера въ составѣ двухъ этихъ элементовъ, наконецъ характеристики и сочиненія болѣе сложнаго типа, съ преобладаніемъ въ нихъ элемента разсужденія. Такой планъ соотвѣтствуетъ системѣ чисто стилистическихъ упражненій, изложенной выше.

Курсъ перваго класса второй ступени обученія нельзя начинать самостоятельными работами изъ личныхъ наблюденій, такъ какъ составленіе такихъ сочиненій предполагаетъ извѣстную стилистическую подготовку. Поэтому курсъ перваго класса естественно начать изученіемъ образцовъ, составленіемъ плановъ, развитіемъ плана въ пересказъ, не-

посредственнымъ составленіемъ пересказовъ, извлеченіями на данную тему и другими видоизмѣненіями этихъ основныхъ упражненій. На ряду съ такими работами, а главнымъ образомъ послѣ нихъ, слѣдуетъ задавать ученикамъ и самостоятельныя сочиненія изъ личныхъ наблюденій. Когда ученики поймутъ сущность разсказа, когда они узнаютъ, что сочиненія этого рода должны заключать въ себѣ изложеніе ряда событій, объединенныхъ данною темою, въ хронологическомъ порядкѣ, съ причинной связью, когда ее можно установить между изображаемыми событіями,— тогда настанетъ время самостоятельнымъ сочиненіямъ изъ личныхъ наблюденій. Само собой разумѣется, что изложенныя стилистическія знанія не должны быть теоретическими, а связанными съ цѣлымъ рядомъ практическихъ упражненій, превращающихъ эти знанія въ опредѣленные стилистическіе навыки. Во всякомъ случаѣ самостоятельныя работы изъ личныхъ наблюденій возможны уже въ первомъ полугодіи перваго класса, тѣмъ болѣе что въ систему подготовительныхъ работъ начальной школы входятъ подобныя занятія, хотя они и не могутъ имѣть тамъ значительнаго объема.

Подготовительныя занятія къ самостоятельнымъ сочиненіямъ изъ личныхъ наблюденій должны вытекать изъ основного значенія этихъ работъ, способствующихъ развитію художественнаго и научнаго творчества; кромѣ того, мы видѣли, что путемъ самостоятельныхъ сочиненій и предварительнымъ изученіемъ темы можно ввести учениковъ въ пониманіе научнаго метода изслѣдованія, а также поставить ихъ ближе къ природѣ, красотѣ, къ искуству, къ воздѣйствію всего этого на ихъ духовный міръ,—а потому вся подготовительная работа такихъ сочиненій должна быть основана на значеніи самостоятельныхъ работъ въ развитіи духовныхъ силъ человѣка.

Темы для подобныхъ работъ слѣдуетъ выбирать изъ

личной жизни учащихся, или изъ жизни, непосредственно примыкающей къ ней. Въ началѣ лучше всего брать темы изъ личной жизни, потому что у дѣтей связано съ нею больше воспоминаній и, слѣдовательно, такія сочиненія будутъ имѣть болѣе богатое содержаніе.

Основнымъ видомъ подобныхъ работъ является изложеніе какихъ-либо случаевъ изъ личной жизни, напримѣръ: какъ я однажды поймалъ окуня, какъ я хожу удить рыбу, какъ мой дядя застрѣлилъ утку, какъ мы катались на озерѣ, какъ маскировались на святкахъ, какъ дѣлали гору, какъ лѣпили бабу, какъ построили въ лѣсу землянку, какъ нашли гнѣздо малиновки, какъ выкормили галченка, какъ приручили голубя, какъ ѣздили въ ночное, какъ однажды встрѣчали восходъ солнца, какъ играли въ солдаты, какъ катались на конькахъ по первому льду, какъ собирали земляннику, какъ заблудились съ лѣсу, какъ ходили за грибами, какъ я поступилъ въ школу, какъ провелъ первые учебные дни, какъ мы играемъ въ большую перемѣну, какъ я встрѣчалъ дѣдушку, какъ я хожу въ гости къ бабушкѣ, какъ намъ устроили елку, какъ святили пасхи, какъ прошла страстная недѣля, какъ началась христовская утреня, какъ наша семья провела пасхальную недѣлю, какъ я поступилъ въ пѣвчіе, какъ у насъ происходятъ спѣвки, какъ мы устроили спектакль, какъ въ саду выросли яблоки, какъ крестьяне засѣяли рожь, какъ рубашка въ полѣ выросла, какъ мнѣ сшили пиджакъ, какъ строятъ дома, какъ дѣлаютъ кирпичи, какъ обрабатываютъ желѣзо, какъ приготовляютъ полотна, какъ дѣлаютъ бумагу, какъ дѣлаютъ пушки, какъ дѣлаютъ ножи, вилки, косы, топоры, какъ выдѣлываютъ кожу, какъ добываютъ глину, какъ приготовляютъ чугунъ, какъ обрабатываютъ фарфоръ, стекло и т. п.

Этотъ перечень можно было бы продолжить и дальше, но главная цѣль заключается не въ полнотѣ, а въ формулировкѣ и характерѣ темъ изъ личныхъ наблюденій. Основ-

ная черта ихъ—непосредственное наблюденіе явленій, сначала простыхъ, затѣмъ болѣе сложныхъ, имѣющихъ закономѣрную зависимость.

Названныя темы взяты или изъ личной жизни ученика, или изъ жизни, съ ней соприкасающейся. Формулировка темъ предполагаетъ изложеніе послѣдовательнаго ряда событій, объединенныхъ данною мыслью, т. е. повѣствовательную форму. Начинаются эти сочиненія съ описанія простѣйшихъ явленій и затѣмъ усложняются какъ въ количествѣ событій, входящихъ въ данную тему, такъ и въ способѣ ихъ изученія.

Нѣкоторыя изъ названныхъ темъ открываютъ возможность художественнаго изображенія различныхъ картинъ и явленій жизни, а потому у учениковъ, мыслящихъ образами, можетъ получиться работа художественнаго типа, если на лицо имѣются и другія необходимыя условія: интересъ, увлеченіе, новое переживаніе тѣхъ художественныхъ впечатлѣній, которыя были получены въ свое время, и потребность подѣлиться этими впечатлѣніями съ другими людьми.

Къ числу такихъ работъ принадлежатъ, напримѣръ: какъ я поймалъ окуня, какъ мы нашли гнѣздо малиновки, какъ встрѣчали однажды восходъ солнца, какъ ночевали въ лѣсу и т. п. Правда, на тѣ же самыя темы могутъ быть написаны и сочиненія иного типа, гдѣ главное мѣсто займетъ не изображеніе картины, не лирическій элементъ, а преемственность событій и послѣдовательное развитіе явленій. Такія сочиненія дадутъ не тѣ ученики, которые мыслятъ образами, а тѣ, которые на главное мѣсто выдвинутъ логическое сопоставленіе фактовъ.

Впрочемъ сочиненія послѣдняго типа могутъ быть получены и отъ учащихся первой категоріи, если того требуетъ матеріалъ и формулировка темы, напримѣръ: какъ приготовляютъ чугунъ, какъ обрабатываютъ фарфоръ, стекло и т. д.

Хотя здѣсь и возможенъ полетъ фантазіи, хотя и здѣсь художникъ-юноша можетъ увлечься эффектной картиной, какъ, напримѣръ, огненная лава, вытекающая изъ доменной печи во время выработки чугуна, но все же полетъ фантазіи въ этомъ случаѣ ограниченъ закономѣрностью послѣдовательныхъ явленій, требующихъ описанія.

Художественныя сочиненія получаются сами собой, и нельзя ученика заставить или научить писать художественно. Съ искусствомъ можно и слѣдуетъ знакомить, искусство можно изучать, понимать, но искусству нельзя научить. Художественная натура создается подъ вліяніемъ цѣлаго ряда условій, художественныя возможности могутъ быть развиты, на развитіе ихъ можно вліять, но едва ли художественную натуру можно создать произвольно. У человѣка, съ выраженной логичностью сужденія, могутъ получить наибольшее развитіе именно эти послѣднія стороны, и было бы ошибочно требовать отъ такого лица непремѣнно художественной работы.

Какъ уже сказано было, художественному развитію способствуетъ природа, поэзія, живопись, скульптура, архитектура, музыка, пѣніе и вообще искусство. Поэтому природа и искусство должны входить въ общій планъ воспитанія, и подготовка художественныхъ сочиненій должна быть основана на этомъ планѣ. Наиболѣе близкимъ моментомъ въ подготовкѣ самостоятельныхъ работъ художественнаго типа является изученіе художественныхъ образцовъ литературы, чтобы выяснить, какъ художественный образъ отражается писателями-художниками при помощи слова. Въ кругъ этого изученія должны входить художественныя стороны языка. Необходимо выяснить имъ путемъ сравнительнаго изученія особенностей прозы и поэзіи, путемъ изученія ближайшихъ, видимыхъ явленій, вызвавшихъ художественное увлеченіе писателя и непроизвольное появленіе того или другого образа. Для этого изучаемый матеріалъ необходимо ставить

въ связь съ настроеніемъ и другими біографическими данными писателя. Въ частности, по отношенію къ языку, необходимо разъяснить ученикамъ художественныя красоты метафоры, эпитета, олицетворенія, сравненія и другихъ особенностей образной рѣчи.

Хотя передъ учителемъ сидятъ разные ученики, болѣе воспріимчивые къ пониманію художественной рѣчи и менѣе воспріимчивые, у которыхъ вниманіе сильнѣе сосредотачивается на закономѣрности явленій, а не на красотѣ картинъ, но извѣстный минимумъ художественнаго пониманія доступенъ каждому человѣку, и потому разъясненіе художественности языка полезно для всѣхъ. Не слѣдуетъ только насиловать человѣческую натуру въ моментахъ личнаго оригинальнаго творчества.

Кромѣ выясненія художественныхъ сторонъ языка, подготовка самостоятельныхъ сочиненій должна состоять въ изученіи темы, причемъ центръ тяжести этихъ занятій долженъ падать на самостоятельную работу учениковъ при непремѣнномъ, однако, руководительствѣ со стороны учителя. Такое изученіе должно состоять въ перечисленіи послѣдовательнаго ряда событій, объединенныхъ данною темою, и въ опредѣленіи ихъ причинной зависимости. Учитель задаетъ, когда нужно, лишь обычные вопросы: Какъ началось описываемое явленіе? Что было дальше? Почему это произошло? Что вслѣдствіе этого случилось? Дѣти обыкновенно спрашиваютъ: нужно ли писать о томъ, о другомъ, о третьемъ. На этотъ вопросъ необходимо задать имъ другой: поможетъ ли это ясности сочиненія, или помѣшаетъ? Такимъ образомъ, направляемыя учителемъ, дѣти разскажутъ содержаніе своихъ работъ; одни подробнѣе остановятся на описательной сторонѣ, другія сильнѣе выдвинутъ элементъ разсужденія въ изложеніи чередующихся событій.

При большомъ числѣ учащихся нѣтъ возможности прослушать устный разсказъ каждаго, да это было бы и скучно

для класса; но за то необходимо прочитать ученикамъ на одномъ изъ слѣдующихъ уроковъ нѣсколько просмотрѣнныхъ сочиненій какъ изъ числа тѣхъ, которыя были прослушаны въ предварительномъ разсказѣ учениковъ, такъ и изъ числа тѣхъ, которыя прослушаны не были. Что касается устныхъ разсказовъ, предшествующихъ изложенію, то въ началѣ слѣдуетъ заботиться, чтобы они были полнѣе, потому что именно на этой ступени курса у учениковъ и возникаютъ сомнѣнія: что писать нужно и чего не надобно. Въ дальнѣйшемъ эти предварительные разсказы могутъ быть все болѣе и болѣе краткими. Наконецъ достаточно будетъ лишь нѣсколько словъ, чтобы ученики объяснили, какъ они понимаютъ тему.

Если работа предполагаетъ новое изученіе вопроса, напримѣръ: какъ обрабатываютъ фарфоръ и т. п., то ученику должна быть открыта полная къ тому возможность, путемъ устройства спеціальной экскурсіи на заводъ, или какъ нибудь иначе; затѣмъ должна быть произведена провѣрка его впечатлѣній въ соотвѣтствующей бесѣдѣ, съ разъясненіемъ непонятаго, если то будетъ нужно. Вотъ нѣсколько примѣровъ, поясняющихъ сказанное.

Для первыхъ работъ слѣдуетъ брать наиболѣе простыя темы и предъявлять къ нимъ минимальныя требованія: сохранена ли послѣдовательность событій разсказа, нѣтъ ли въ немъ тѣхъ или иныхъ погрѣшностей противъ слога или грамматики, нѣтъ ли чего либо лишняго для развитія темы. Допустимъ, что ученикъ для одного изъ первыхъ своихъ сочиненій избираетъ тему: какъ мы нашли въ саду гнѣздо малиновки. Учитель долженъ спросить: зачѣмъ дѣти пошли въ садъ, почему подумали, что вблизи есть гнѣздо малиновки, какъ стали искать, въ какомъ мѣстѣ было гнѣздо, что въ немъ находилось, какъ дѣти поступили съ своей находкой. Послѣ этого учитель спрашиваетъ о порядкѣ разсказа: какія событія излагаются въ немъ сначала и ка-

кія потомъ. На основаніи предыдущихъ разборовъ литературныхъ образцовъ дѣти скажутъ, что излагаются сначала тѣ событія, которыя раньше случились, а затѣмъ остальныя въ послѣдовательномъ порядкѣ. Тогда учитель можетъ дать дѣтямъ письменную работу, безъ записыванія въ тетради плана ея, такъ какъ это дѣло можетъ отвлечь ихъ отъ сочиненія, планъ котораго уже составленъ устно. И дѣти напишутъ приблизительно слѣдующее.

Какъ мы нашли въ саду гдѣздо малиновки.

„Пошли мы въ садъ собирать ягоды. Наклонились къ кусту крыжовника и вдругъ изъ него вылетѣла малиновка. Мы подумали, что здѣсь есть гнѣздышко и стали осторожно раздвигать вѣтви. Въ срединѣ куста мы дѣйствительно нашли его. Въ гнѣздѣ лежало пять маленькихъ птенчиковъ, съ пискомъ поднимавшихъ свои головки. Мы осторожно сдвинули вѣтви крыжовника и отошли подальше, чтобы не тревожить больше маленькихъ птичекъ. Послѣ этого мы нѣсколько разъ наблюдали, какъ мать прилетала кормить своихъ дѣтокъ“.

Разсмотрѣвъ такую работу съ указанныхъ точекъ зрѣнія, можно перейти къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Допустимъ, что для одного изъ слѣдующихъ самостоятельныхъ сочиненій ученикъ избираетъ тему: какъ мой дядя застрѣлилъ на охотѣ утку. Если ограничиться только названіемъ темы и предположить, что предварительной бесѣды не нужно, потому что ученики уже умѣютъ излагать простыя событія, то все сочиненіе можетъ быть написано нѣсколькими фразами, примѣрно такъ.

Какъ мой дядя застрѣлилъ на охотѣ утку.

„Поѣхалъ я съ дядей на охоту. Взяли мы съ собой деревянныя чучела утокъ. Засѣли въ шалашѣ на берегу озера,

а чучела пустили на воду. Наконецъ, прилетѣли утки. Дядя выстрѣлилъ и одна изъ утокъ была убита, а остальныя улетѣли".

Ясно, что приведенный примѣръ ученической работы на этой ступени обученія уже никого не удовлетворитъ. Необходимо сдѣлать его наиболѣе интереснымъ и содержательнымъ. Для этого нужно вызвать работу мысли и чувства. Въ подготовительной бесѣдѣ слѣдуетъ спросить у одного изъ учениковъ, которые избрали настоящую тему для своего сочиненія: когда произошелъ описываемый случай, сколько лѣтъ въ это время было мальчику, гдѣ произошло событіе—на рѣкѣ или на озерѣ; какъ случилось, что дядя взялъ его съ собою на охоту; давно ли хотѣлось мальчику поѣхать съ дядею, какъ поѣхали—на лодкѣ или на лошади, что взяли съ собою, кто дѣлалъ шалашъ, какъ бросали чучела на воду, какъ дожидались утокъ, какая была въ это время погода, взошло ли солнце, поразилъ ли мальчика восходъ солнца, чѣмъ именно, какъ пробуждалась природа, какъ вѣтеръ сталъ рябить воду, какъ прилетѣли утки, какъ дядя приготовился стрѣлять, сколько добычи достали охотники, какъ возвращались домой.

Нѣтъ надобности, чтобы эти вопроосы предложены были ученику въ послѣдовательномъ порядкѣ, соотвѣтственно времени чередующихся событій, даже не слѣдуетъ этого дѣлать, такъ какъ у разсказчика могутъ быть, и несомнѣнно будутъ, другія ассоціаціи, и мальчикъ станетъ передавать прежде тѣ событія, которыя произвели на него наибольшее впечатлѣніе. Весьма вѣроятно, что далеко не всѣ приведенные здѣсь вопросы придется предложить разсказчику, потому что многое онъ разскажетъ самъ; можетъ быть вмѣсто указанныхъ нужно будетъ поставить другіе вопросы въ соотвѣтствіи съ разсказомъ мальчика, но такъ или иначе, а необходимо помнить, что вопросы учителя имѣютъ своей цѣлью единственную задачу вызвать работу мысли и чув-

ства путемъ воспоминанія и новаго переживанія интересующихъ ученика событій изъ его личной жизни.

Но и этой бесѣдой нельзя ограничиться. Необходимо выяснить, какое событіе въ изложенномъ перечнѣ занимаетъ главное мѣсто и какъ вліяли на него всѣ остальныя: дѣлали ли они его особенно интереснымъ и чѣмъ именно, помогали ли успѣху или мѣшали ему, усиливали ли увлеченіе мальчика и т. п. Словомъ, слѣдуетъ внести въ сочиненіе первую попытку подчинить главному моменту разсказа всѣ остальные, чтобы точно опредѣлить мѣсто ихъ въ сочиненіи, развивающемъ указанную въ заглавіи тему. Такой темой является: какъ мой дядя застрѣлилъ на охотѣ утку. У ученика придется спросить: зачѣмъ брали съ собою деревянныя чучела, зачѣмъ строили шалашъ; какъ коротали время, когда дожидались прилета утокъ; какъ вліяла на ихъ настроеніе окружающая природа и т. п. Этой связью съ главнымъ событіемъ и будетъ установлено единство темы.

Когда предварительный разсказъ ученика въ достаточной мѣрѣ исчерпаетъ его матеріалъ, и объясненія учителя будутъ закончены, слѣдуетъ попросить другого передать, какъ произошло то же событіе въ его жизни, и этотъ мальчикъ уже болѣе самостоятельно разскажетъ, какъ онъ со своимъ дядей поѣхалъ на утиную охоту и какъ протекала она. Его тоже нужно спросить, какъ повліяли на главное событіе всѣ остальныя, для чего, конечно, придется говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Третій мальчикъ можетъ разсказать о событіяхъ изъ своей жизни уже на другую тему, избранную имъ для своего сочиненія и тоже подчинить главному событію остальныя.

Дѣти любятъ такіе разсказы, любятъ сами разсказывать о своей жизни, своихъ впечатлѣніяхъ, любятъ, когда ихъ слушаютъ; и дѣтскіе разсказы разнообразятъ школьную жизнь, дѣлаютъ ее интимнѣе, а учитель лучше узнаетъ своихъ учениковъ.

Дальше необходимо привести въ болѣе строгій порядокъ тѣ событія, которыя ученики будутъ излагать въ своихъ сочиненіяхъ. Этотъ порядокъ долженъ послѣ всего предыдущаго подчиняться въ сущности уже только одному требованію: что было раньше и что потомъ. Для разъясненія его опять таки слѣдуетъ вспомнить, въ какомъ порядкѣ излагаются событія въ тѣхъ образцахъ, которые были предварительно разсмотрѣны съ этой точки зрѣнія.

Дѣти быстро намѣтятъ, каждый для себя, общій планъ своего сочиненія въ соотвѣтствіи съ постепеннымъ развитіемъ дѣйствія. При этомъ можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ сами пожелаютъ записать въ тетради составленный ими планъ, но такіе случаи рѣдки. Чаще всего дѣти прямо приступаютъ къ изложенію разсказа. И они правы, такъ какъ предварительное изученіе образцовъ, составленіе плановъ, развитіе плана въ пересказъ и прочія стилистическія работы имѣли цѣлью дать ученику опредѣленные навыки и знанія.. Когда же эти навыки и знанія уже въ достаточной мѣрѣ усвоены, нѣтъ надобности постоянно продѣлывать всѣ эти подготовительныя работы, а слѣдуетъ прямо приступить къ выполненію прямой задачи.

Во время классной работы, а описываемыя работы должны быть по преимуществу классными, дѣти часто обращаются къ учителю съ вопросами: слѣдуетъ ли писать о томъ-то, какъ пишется то или другое слово. Первый вопросъ разрѣшается со стороны учителя другимъ вопросомъ: а не помѣшаетъ ли это событіе развитію главной мысли? или поможетъ? второй—простымъ объясненіемъ, но лучше безъ грамматическихъ изысканій, такъ какъ они отвлекаютъ вниманіе отъ развитія темы.

Дальше въ подобныя работы слѣдуетъ вводить и еще одинъ элементъ: отраженіе въ нихъ основного настроенія автора. Это настроеніе можетъ быть различнымъ: одному описываемый случай нравится, какъ положительное явленіе,

другой видитъ въ немъ отрицательныя черты; одинъ смотритъ на него, какъ на обычное происшествіе, другой какъ на особенное. Выясненію темы съ этой стороны поможетъ точное опредѣленіе основной точки зрѣнія ученика и дополнительныя указанія учителя, когда это потребуется.

Очень часто дѣти даютъ чисто внѣшнее описаніе, духовный міръ ихъ на сочиненіи не отражается. И это не потому, что бѣдны ихъ внутреннія переживанія, а оттого, что они не умѣютъ взяться за работу. Поэтому нужно объяснить дѣтямъ, что интереснѣе та работа, гдѣ кромѣ изложенія событій разсказано, какія чувства переживалъ авторъ во время этихъ событій, какъ они отражались въ его душѣ. Въ такомъ случаѣ сочиненіе одного ученика не будетъ походить на такое же сочиненіе другого, а самая работа сдѣлаетъ сознательнымъ отношеніе ученика къ своимъ собственнымъ переживаніямъ, что является уже началомъ самоизученія.

Громадное значеніе такія работы имѣютъ и въ другомъ отношеніи. Научившись замѣчать явленія жизни и опредѣлять къ нимъ свое отношеніе, дѣти будутъ внимательнѣе относиться къ тому, что вокругъ нихъ совершается, и увидятъ то, что въ другомъ случаѣ осталось бы незамѣченнымъ; то или другое явленіе природы станетъ для нихъ не однороднымъ цѣлымъ, которое воспринимается какъ то сразу, безъ разсужденія, а тѣмъ живымъ и текучимъ явленіемъ, которое растетъ, развивается, измѣняется. Лучше поймутъ дѣти и красоту жизни, красоту природы, если на то обращено ихъ вниманіе.

Наконецъ неизмѣримо значеніе такихъ сочиненій въ области развитія духовныхъ силъ человѣка. Если ребенокъ или юноша вновь будетъ переживать то прекрасное, что создалось въ его душѣ подъ вліяніемъ красоты природы, красоты человѣческихъ отношеній, а такія темы по преп-

муществу и слѣдуетъ избрать для самостоятельныхъ работъ учащихся, то лучшія стороны человѣческой души получатъ возможность заговорить языкомъ поэзіи, дадутъ знать о себѣ, и человѣкъ почувствуетъ ихъ присутствіе,— и священный огонь сохранитъ его въ тяжелое время, дастъ непроизвольный критерій въ отношеніяхъ къ людямъ и къ жизни.

Такія переживанія создаютъ нравственную личность, потому что красота не можетъ быть иной, и открываютъ неистощимый источникъ творческихъ силъ души.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ пишетъ о восходѣ солнца, о лѣсѣ, о водѣ, о царственномъ величіи степи, горнаго хребта, если онъ способенъ сознать это величіе и почувствовать красоту—онъ поэтъ. Не каждый, конечно, можетъ дать художественное сочиненіе, но многіе могутъ понимать и чувствовать художественные образы. А въ задачи школы и входитъ развитіе этихъ чувствованій и пониманія.

Въ другихъ сочиненіяхъ того же типа слѣдуетъ остановиться на выясненіи закономѣрности явленій и тѣмъ самымъ способствовать развитію логическаго мышленія. Не нужно соединять эту задачу съ развитіемъ художественнаго творчества, ведя подготовительныя работы совмѣстно. Наоборотъ, эти задачи лучше раздѣлить, чтобы сильнѣе подчеркнуть ту и другую сторону развитія.

Для примѣра работъ второго типа возьмемъ тему: какъ строятъ деревянные дома. Передъ этой работой ученикъ опять таки долженъ изложить свои впечатлѣнія. Несомнѣнно, что мальчикъ неоднократно видѣлъ, какъ строятъ дома, но можетъ быть не обращалъ вниманія, что послѣ чего происходитъ. Поэтому необходимо, чтобы ученикъ въ своихъ воспоминаніяхъ послѣдовательно перебралъ соотвѣтствующіе событія въ порядкѣ ихъ появленія и опредѣлилъ закономѣрную связь этихъ событій.

Учитель помогаетъ ему вопросами: что было раньше,

что было потомъ, зачѣмъ такъ дѣлали? Этими основными вопросами и исчерпывается помощь учителя, но само собой разумѣется, что такіе вопросы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принимаютъ конкретную форму. Напримѣръ, говоря о томъ, что деревянный срубъ сложенъ изъ бревенъ, ученикъ можетъ пропустить описаніе предварительной обработки бревна. Въ такомъ случаѣ необходимо остановить его вниманіе на этой обработкѣ и выяснить, опять же по преимуществу вопросами учителя, что прежде чѣмъ сложить срубъ деревяннаго дома, бревна равняютъ (зачѣмъ?), счищаютъ кору (зачѣмъ?), выбираютъ на верхней части желобокъ (зачѣмъ?), на концахъ вырубаютъ полукруглыя углубленія (зачѣмъ?), въ желобкахъ и углубленіяхъ бревна прокладываются паклей (зачѣмъ?) и т. п. Такимъ образомъ ученикъ послѣдовательно разскажетъ, какъ строятъ деревянные дома.

Значеніе подобныхъ работъ опредѣляется уже не только тѣмъ, что ученикъ начнетъ замѣчать повседневную жизнь; при этомъ у него самъ собою будетъ напрашиваться вопросъ—зачѣмъ?—если эти явленія направляются человѣкомъ, или создаются имъ.

Вопросъ—почему?—появляется нѣсколько позже, когда дѣти хотятъ знать не только самое явленіе, не только послѣдовательную смѣну событій и ихъ цѣлесообразность, но и причину. А потому въ методологію курса самостоятельныхъ сочиненій слѣдуетъ ввести этотъ вопросъ не раньше второго класса, соединивъ его съ описаніемъ жизни на основахъ пространственной связи явленій; но главнымъ образомъ этотъ вопросъ слѣдуетъ пріурочить къ сочиненіямъ общаго типа, съ наиболѣе рѣзко выраженнымъ элементомъ разсужденія, что имѣетъ мѣсто уже въ старшихъ классахъ второй ступени обученія.

Такимъ образомъ, самостоятельныя сочиненія даннаго типа представляютъ собою введеніе въ методъ изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, если ученикъ ставитъ въ разныхъ случаяхъ жизни, при наблюденіи разныхъ явленій вопросъ—зачѣмъ?—онъ приводитъ эти явленія въ связь съ другими, послѣдующими, и тѣмъ самымъ вырабатываетъ свое міровоззрѣніе. А когда онъ впослѣдствіи поставитъ еще и вопросъ—почему?—связывая разныя явленія съ предыдущими или одновременными, онъ будетъ вырабатывать въ себѣ и критическое отношеніе къ ихъ закономѣрности.

Подобныя сочиненія даютъ толчекъ и къ пріобрѣтенію новыхъ знаній. Если ученикъ побываетъ на какомъ либо заводѣ и прослѣдитъ постепенность производства, ему захочется побывать и на другомъ, и на третьемъ заводѣ, познакомиться и съ тѣмъ, и съ другимъ новымъ для него производствомъ, усвоить преемственное водоизмѣненіе формъ. Это изученіе расширяетъ умственный горизонтъ, захватываетъ вниманіе и поднимаетъ общій интересъ къ знанію.

Въ большомъ городѣ, гдѣ сосредоточены фабрики и заводы, въ рукахъ учителя, такимъ образомъ, имѣется могучее средство воспитанія и обученія, но нельзя сказать, что тѣхъ же средствъ лишены другія мѣста, не говоря уже о промышленныхъ районахъ. Повсюду встрѣчаются то кирпичные, то лѣсопильные, то гончарные заводы, то кустарное производство тканей, домашнихъ вещей, разныхъ другихъ подѣлокъ, то заготовка лѣса, машинная обработка зерна и т. п. Все это и вообще многое, что насъ окружаетъ, возможно изучать со стороны закономѣрнаго развитія. И начиная съ болѣе яркихъ примѣровъ, можно довести ученика до сознательнаго отношенія къ повседневной жизни, съ изученіемъ ея одновременно и въ другихъ отношеніяхъ, что достигается конечно всѣмъ учебнымъ планомъ общеобразовательной школы.

Что касается до чередованія самостоятелъныхъ работъ изъ личныхъ наблюденій съ изученіемъ образцовъ, стилистическими упражненіями и самостоятельными работами

съ литературнымъ содержаніемъ, то установить какой либо опредѣленный планъ всѣхъ этихъ занятій и невозможно, и нежелательно. Можно сказать только одно, что самостоятельныя работы изъ личныхъ наблюденій слѣдуетъ начинать лишь послѣ пріобрѣтенія извѣстнаго запаса навыковъ письменнаго изложенія мыслей, что и достигается изученіемъ образцовъ и стилистическими упражненіями. При этомъ необходимо оговориться, что самостоятельныхъ работъ изъ личныхъ наблюденій не должно быть много, чтобы не пріучить учащихся относиться къ нимъ поверхностно, чтобы ученикъ не повторялся въ этихъ работахъ и чтобы не пропалъ къ нимъ у него интересъ. Нежелательно устанавливать опредѣленный планъ въ чередованіи этихъ работъ еще и потому, что количество и характеръ тѣхъ и другихъ упражненій должны быть индивидуальны и въ отношеніи ученика и въ отношеніи учителя.

Въ концѣ концовъ, если ученикъ при переходѣ во второй классъ общеобразовательной школы сумѣетъ кратко передать несложный разсказъ литературнаго содержанія, сдѣлать изъ него извлеченіе на данную тему и изложить свои наблюденія надъ доступнымъ ему явленіемъ въ повѣствовательной формѣ,—задача перваго года обученія въ области курса школьныхъ сочиненій будетъ выполненной.

Во второй годъ обученія слѣдуетъ отъ времени до времени практиковать тѣ же стилистическія и самостоятельныя сочиненія съ литературнымъ содержаніемъ, что и въ первый годъ. Въ качествѣ новаго вида работъ необходимо присоединить къ нимъ изученіе описаній, составленіе плановъ литературныхъ образцовъ и самостоятельныя сочиненія описательнаго характера съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій, а также сочиненія общаго вида съ описательнымъ и повѣствовательнымъ элементами. Главное мѣсто, конечно,

должны занять эти послѣднія занятія; работы же прежняго типа необходимы здѣсь не только какъ практическое повтореніе стилистическихъ знаній и укрѣпленіе навыковъ составленія повѣствовательныхъ сочиненій, но и какъ коррективъ къ слишкомъ большому числу самостоятельныхъ работъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій, такъ какъ самостоятельныя описанія, само собой разумѣется, могутъ быть даны только на темы изъ личныхъ наблюденій.

Отдѣлъ описаній, естественно, начинается изученіемъ образцовъ, составленіемъ плановъ литературныхъ описаній и заканчивается самостоятельными сочиненіями. Пересказамъ здѣсь нѣтъ мѣста, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда они по существу являются извлеченіями на заданную тему, какъ напримѣръ: комнаты старосвѣтскихъ помѣщиковъ, жилище Плюшкина и т. п.

Пересказы описательныхъ сочиненій несомнѣнно вредны для развитія стиля, такъ какъ фантазія ученика слишкомъ ограничена рамками образца, и онъ не можетъ подыскать достаточнаго числа словъ для выраженія своихъ мыслей. Общеобразовательнаго же значенія пересказы описаній не имѣютъ. Слѣдовательно, изученіе образцовъ и составленіе плановъ описательныхъ сочиненій необходимо лишь для ознакомленія учащихся съ этимъ литературнымъ видомъ. Дѣти узнаютъ, что въ описаніи необходимо излагать признаки предмета, расположенные въ опредѣленномъ порядкѣ, познакомятся съ главнѣйшими видами ихъ группировокъ и отношеніемъ къ основной темѣ.

Какъ и самостоятельныя работы повѣствовательнаго характера, описанія могутъ примыкать къ двумъ литературнымъ видамъ: поэтическому и прозаическому. Темами такихъ работъ являются окружающіе предметы и явленія, причемъ въ послѣднемъ случаѣ выборъ признаковъ долженъ объединяться преимущественно пространственной связью, а не временемъ.

Назовемъ нѣсколько темъ для ученическихъ сочиненій: береза, елка, сосна, горохъ, подсолнечникъ, картофель, столъ, стулъ, шкапъ, комната, домъ, церковь, хвойный лѣсъ, лиственный лѣсъ, лѣсная тропа, лѣсная опушка, поле, лугъ, гора, горная цѣпь, степь, рѣка, озеро, море, источникъ, фонтанъ, горный ручей, острова, садъ, городъ, паркъ, усадьба, деревня, зимнее утро, знойный полдень, лѣтній вечеръ, восходъ солнца, закатъ, вѣтреный день, солнечный день, дождь, холодъ, морозъ, слякоть, осень, зима, весна, лѣто, будень, праздникъ, масленица, пасха, рождество, маскарады, катанье съ горъ, катанье на конькахъ, уженье рыбы, крестьянскія полевыя работы, работы на огородѣ, въ саду, въ лѣсу, на лугу, сѣнокосъ, посѣвъ, отдыхъ рабочаго, отдыхъ школьника, трудовой день, праздность, лѣсныя заготовки, промысловая охота, кустарное производство обуви, производство масла, гончарное производство, стеклянное, мануфактурное, сталелитейное, лѣсопильный заводъ, типографія, бумажная фабрика, паровая мельница, рабочая комната ремесленника, кузница, слесарня, рыбныя тони, кирпичный заводъ, ливень, снѣжная буря, гроза, лѣсной пожаръ, засуха, половодье, разливъ, звѣздное небо, сельская ярмарка, гостиный дворъ, рынокъ, морское побережье, купанье, плаваніе, игра въ мячъ, въ лапту, въ крокетъ, въ городки и т. п.

Къ этимъ темамъ примыкаютъ сочиненія общаго характера, съ описательнымъ и повѣствовательнымъ элементами, типа путешествій, напримѣръ: прогулка въ лѣсъ за грибами, за ягодами, поѣздка за городъ, на рыбную ловлю, домой на праздники, поѣздка въ деревню, въ усадьбу, въ губернскій городъ, въ столицу, поѣздка учиться, на заработки и т. п.

Тотъ и другой перечень можно было бы продолжить, но дѣло не въ количествѣ, а въ характерѣ темъ и ихъ формулировкѣ. Сравнивая перечень описательныхъ работъ съ предыдущимъ, въ группѣ повѣствовательныхъ сочиненій,

видимъ, что предметъ описательнаго и повѣствовательнаго сочиненій можетъ быть одинъ и тотъ же, разница лишь въ развитіи темы и литературной формѣ. Напримѣръ, описанію производство обуви соотвѣтствуетъ повѣствованіе: какъ производятъ обувь. Или: добываніе глины и какъ добываютъ глину, обработка фарфора—какъ обрабатываютъ фарфоръ, катанье на конькахъ—какъ мы катались на конькахъ и т. п. Такихъ однородныхъ темъ имѣется много и въ томъ и въ другомъ перечнѣ описательныхъ и повѣствовательныхъ работъ.

Разсматривая содержаніе темы и въ томъ и въ другомъ случаѣ, мы должны притти къ заключенію, что эти сочиненія различны и по формѣ и по содержанію: въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто по преимуществу пространственная связь по мѣсту, во-второмъ — по времени; въ первомъ случаѣ, главное мѣсто занимаютъ признаки описываемыхъ предметовъ, во-второмъ — преемственная смѣна событій. Поэтому, въ первомъ случаѣ производство обуви, напримѣръ, можетъ быть изучено полнѣе, во второмъ—ограниченнѣе, такъ какъ въ описаніе входятъ не только послѣдовательныя стадіи производства, а изображеніе его условій: мѣсто, время и способы работы, бытъ рабочаго, поскольку онъ связанъ съ трудомъ и т. п.; въ повѣствованіе же входитъ только изложеніе послѣдовательно чередующихся явленій и указаніе ихъ закономѣрности. Отсюда видно, что для развитія наблюдательности, для пріобрѣтенія большого количества знаній и проч., описаніе имѣетъ большее значеніе, чѣмъ повѣствованіе. Съ другой стороны, описательное сочиненіе труднѣе повѣствовательнаго, а поэтому описанія должны имѣть мѣсто въ школьномъ курсѣ послѣ повѣствованій, когда ученики расширятъ предѣлы своего наблюденія.

Однородность нѣкоторыхъ темъ для описаній и повѣствованій даетъ возможность разработать интересующій учениковъ матеріалъ или раньше, или позже, въ зависимости отъ

того, когда на него возможно будетъ обратить вниманіе. Глубина разработки будетъ зависѣть отъ возраста, а литературная форма сочиненія отъ стилистической подготовки. Такимъ образомъ, во второмъ классѣ могутъ быть затронуты тѣ стороны жизни и явленія, которыя не вошли въ кругъ классныхъ наблюденій перваго года второй ступени обученія.

Прежде чѣмъ приступать къ непосредственной подготовкѣ самостоятельнаго описанія, необходимо разъяснить ученикамъ формулировку темы и тѣмъ самымъ опредѣлить литературную форму предстоящей работы. Слѣдуетъ выяснить, что редактированіе темы имѣетъ первостепенное значеніе и что заглавіемъ опредѣляется содержаніе работы. Такое знаніе ученики пріобрѣтаютъ, конечно, не сразу, и умѣнье развивать тему по справедливости считается только однимъ изъ результатовъ школьнаго обученія. Оно достигается главнымъ образомъ работой самого ученика: точнымъ выборомъ соотвѣтствующихъ событій, признаковъ, правильнымъ сопоставленіемъ ихъ и наконецъ чувствомъ мѣры. При этомъ ученики дѣлаютъ постоянныя ошибки: нужно или нѣтъ писать о томъ, о другомъ, о третьемъ: иногда слишкомъ долго останавливаются на одномъ и не обращаютъ вниманія на другое. Во всѣхъ этихъ случаяхъ помощь учителя особенно важна, потому что она помогаетъ учащимся выработать не только правильные навыки составленія сочиненій, а и знакомить ихъ съ методами изученія жизни.

Преимущественное значеніе въ пріобрѣтеніи навыковъ правильнаго развитія темы имѣетъ совмѣстное съ учителемъ изученіе матеріала и цѣлесообразная группировка его въ сочиненіи, т. е. то, что называется составленіемъ плана. Отнюдь нельзя предлагать учащимся готовый планъ самостоятельной работы. Въ такомъ случаѣ уже не было бы изученія матеріала, а только подбираніе разныхъ свѣдѣній къ данной темѣ по навязанному шаблону. Подобныя сочиненія

никакого образовательнаго значенія не имѣютъ, скучны и вредны.

Когда установлена литературная форма предстоящей работы, необходимо приступить къ изученію матеріала, даже и въ томъ случаѣ, если предметъ сочиненія настолько извѣстенъ и простъ, что ученики затрудняются, что о немъ можно писать, какъ напримѣръ: классный столъ.

Способъ изученія темы расширяется по сравненію съ повѣствованіемъ. Тамъ приходилось объединять относящіяся къ темѣ событія послѣдовательностью ихъ изложенія и закономѣрностью явленій,—здѣсь необходимо сгруппировать признаки изучаемаго предмета или по мѣсту, или по логическому соотношенію частей, или, наконецъ, прибавить къ нимъ и признакъ времени, какъ-то имѣется, напримѣръ, въ художественномъ описаніи Гоголя-Днѣпръ.

Допустимъ, что ученики описываютъ яблоню. Сначала они должны разсмотрѣть это дерево въ цѣломъ, а затѣмъ ея отдѣльныя части, и при томъ выбрать тѣ признаки, которые создадутъ представленіе, что данный предметъ дѣйствительно яблоня, а не дерево вообще. Поэтому придется разсмотрѣть отличительныя черты ея величины, формы, расположеніе вѣтвей, особенности ствола, листья, цвѣты, плоды и пользу дерева. На основаніи личныхъ наблюденій ученики устанавливаютъ, что яблони достигаютъ въ среднемъ полуторыхъ—двухъ саженъ высоты, форма ихъ чаще всего неправильная, сучья безпорядочно идутъ въ разныя стороны и придаютъ дереву некрасивый видъ; стволъ обыкновенно покрытъ наростами и лишаями, потому что нѣжная кора яблони очень чувствительна къ перемѣнамъ погоды; на аршинъ отъ земли его покрываютъ глиной или другимъ подходящимъ составомъ, чтобы спасти дерево отъ гусеницъ, которыя такъ сильно уничтожаютъ плоды, и обмазанныя яблони пріобрѣтаютъ еще болѣе некрасивый видъ; листья средней величины, форма ихъ овальная, цвѣты появляются

въ концѣ мая и на короткое время украшаютъ дерево, разнообразя зеленую листву своимъ розовато-бѣлымъ отливомъ; яблоки поспѣваютъ въ августѣ; зеленоватыя, желтыя, красныя—они чрезвычайно заманчивы для дѣтей, какъ лакомство; яблоня полезное дерево и потому яблоновый садъ можетъ принести значительный доходъ владѣльцу.

Такимъ изученіемъ сочиненіе будетъ въ достаточной степени подготовлено, и дѣтямъ въ сущности придется записать въ тетради изложенное.

При этомъ полезно практиковать предварительную запись самостоятельно выработаннаго плана, потому что иначе сочиненіе можетъ пріобрѣсти безпорядочный видъ. Вообще запись плана имѣетъ въ описательныхъ сочиненіяхъ больше значенія, чѣмъ въ повѣствовательныхъ, потому что тамъ руководящей нитью служитъ послѣдовательность событій, а здѣсь ея нѣтъ. И потому на записываніе плана въ описаніяхъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на помощь ученику излагать въ порядкѣ свои наблюденія. Однако, само собой разумѣется, въ дальнѣйшихъ работахъ письменный планъ можетъ и отсутствовать, если онъ будетъ достаточно ясенъ учащимся и тѣмъ самымъ не поможетъ изложенію, а отвлечетъ отъ него вниманіе.

Чтобы сильнѣе подчеркнуть необходимость выбора опредѣленныхъ признаковъ, характеризующихъ яблоню, полезно спросить учащихся: слѣдуетъ ли писать въ сочиненіи, какъ сажаютъ яблони, какіе инструменты употребляются для этого и т. п. Дѣти отвѣтятъ, съ улыбкою, что этого писать не слѣдуетъ, и тѣмъ самымъ будетъ установлена категорія признаковъ, необходимыхъ для описанія именно яблони, а не дерева вообще.

Описанія болѣе сложныя, какъ напримѣръ лѣсопильный заводъ, требуютъ болѣе глубокаго изученія. Для этого ученикамъ необходимо прослѣдить не только послѣдовательность работы, но условія и способы ея: смѣны рабочихъ

заработокъ, машинныя и ручныя работы, предметъ производства и т. п.

Допустимъ, что ученики уже раньше осматривали лѣсопильный заводъ, и учителю остается лишь провести бесѣду, объединяющую ихъ впечатлѣнія. На вопросы его дѣти отвѣтятъ приблизительно слѣдующее.

Лѣсопильный заводъ.

„Лѣсопильный заводъ, который находится вблизи нашего города, расположенъ на небольшой рѣчкѣ, берега которой покрыты сосновымъ лѣсомъ. Зимою этотъ лѣсъ вырубается участками, а весною деревья сплавляютъ къ заводу, гдѣ устраивается для нихъ особый затонъ; при помощи желѣзныхъ цѣпей бревна поднимаютъ по деревянному спуску въ верхній этажъ заводскаго зданія и тамъ распиливаютъ большими пилами на байдачныя доски и тесъ. Затѣмъ то и другое поступаетъ въ другое отдѣленіе, гдѣ по особой мѣркѣ круглыми пилами отпиливаютъ концы и края, послѣ чего приготовленный такимъ образомъ матеріалъ складываютъ на берегу рѣки, а въ половодье сплавляютъ для продажи. Лѣсопильный заводъ работаетъ паровою силой, для чего въ нижнемъ помѣщеніи поставлена паровая машина, маховое колесо которой при помощи передаточныхъ ремней сообщаетъ двигательную силу нѣсколькимъ пиламъ, находящимся въ верхнемъ помѣщеніи. Рабочіе заняты на заводѣ цѣлый день двумя смѣнами. За ночную работу платится дороже, но вообще заработокъ незначителенъ: достигаетъ лишь 15—16 рублей въ мѣсяцъ“.

Въ зависимости отъ возраста, на томъ же сочиненіи можно остановиться и подробнѣе, но вообще говоря, не слѣдуетъ загромождать изученіе вопроса частностями; лучше дать ученикамъ болѣе узкую тему, какъ напримѣръ: распиливаніе бревенъ на лѣсопильномъ заводѣ, бытъ рабочаго и

т. п., и тѣмъ самымъ открыть возможность взрослому юношѣ детальнѣе разсмотрѣть ту или другую сторону дѣла.

Послѣ изученія матеріала необходимо составить планъ сочиненія, или нѣсколько возможныхъ плановъ, т. е. опредѣлить порядокъ записыванія своихъ наблюденій, а когда вся работа будетъ закончена, прочитать нѣсколько сочиненій въ классѣ и подвергнуть ихъ совмѣстному обсужденію; все ли сказано, не пропущено ли что либо существенное, хорошо ли изложено и т. п.

Подготовка художественныхъ описаній,—какъ напримѣръ: закатъ солнца, лунная ночь и т. п.,—производится тѣмъ же способомъ, какъ и подготовка художественныхъ разсказовъ. Разница лишь въ томъ, что вниманіе ученика учитель сосредотачиваетъ не на самомъ событіи или его теченіи, а на вліяніи его въ окружающей средѣ: на человѣка, птицъ, животныхъ и вообще на природу. Нужно однако помнить, что художественныя описанія рѣдки даже у лучшихъ писателей, а потому слѣдуетъ очень осторожно предлагать учащимся этотъ видъ литературной работы, какъ наиболѣе трудный и разсчитанный лишь на художественную натуру. Лучше дать выходъ художественному настроенію въ сочиненіяхъ смѣшаннаго типа, гдѣ описательный элементъ приходитъ въ постоянное соприкосновеніе съ повѣствовательнымъ, какъ напримѣръ: поѣздка на озеро, охота съ острогою, прогулка по лѣсной опушкѣ и т. п. Съ другой стороны, повѣствовательная форма, въ ея чистомъ видѣ, не вполнѣ удовлетворяетъ художественную натуру, потому что тамъ приходится подчинять свои чувства и настроенія послѣдовательности событій, а потому смѣшанная форма и съ этой точки зрѣнія является наиболѣе подходящей, такъ какъ даетъ больше простора индивидуальности ученика.

Выше было сказано, что коррективомъ къ описательнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ матеріалъ черпается по преимуществу изъ личныхъ наблюденій, должны служить само-

стоятельныя работы съ литературнымъ содержаніемъ. Они позволяютъ ближе держать школьныя сочиненія къ курсу литературы и тѣмъ самымъ даютъ возможность оказывать болѣе широкое воздѣйствіе на общее развитіе класса.

Сказаннымъ исчерпываются самостоятельныя работы второго класса. Остается лишь привести нѣсколько примѣровъ изученія темы для самостоятельныхъ описаній и показать въ самомъ расположеніи вопросовъ, которые должны руководить ученикомъ въ изученіи матеріала, какъ этимъ изученіемъ достигается единство описанія. Само собой разумѣется, что вопросы, предлагаемые въ помѣщенныхъ ниже работахъ, носятъ лишь примѣрный характеръ и должны видоизмѣняться въ соотвѣтствіи съ особенностями изучаемаго предмета, избраннаго для описанія, а также и въ зависимости отъ развитія учениковъ. Послѣднее особенно касается наиболѣе трудной стороны описанія, а именно: выбора такихъ признаковъ, которые подчиняютъ все сочиненіе опредѣленному единству темы, напримѣръ: красота лѣсного озера, а не лѣсное озеро, убогая утварь сельскаго храма, а не сельскій храмъ и т. п. Вотъ эти примѣры,

Ель.

Къ хвойнымъ или лиственнымъ породамъ принадлежитъ это дерево? Какъ расположены его вѣтви? Чѣмъ отличаются хвои ели по сравненію съ хвоями сосны, пихты, лиственницы? Какъ цвѣтетъ? Какого вида молодыя шишки? Какой видъ принимаютъ онѣ по мѣрѣ созрѣванія? Какого цвѣта кора? Какъ мѣняется окраска дерева по временамъ года? Какой видъ представляетъ собою ель зимою, когда на вѣтвяхъ ея лежатъ хлопья снѣга? Какія отличительныя черты хвойнаго лѣса?

На какой почвѣ растетъ ель? Въ какихъ поясахъ? Что дѣлаютъ изъ этого дерева?

Подсолнечникъ.

Почему такъ называется это растеніе? Въ какой полосѣ разводится? Какъ цвѣтетъ? Какого рода цвѣты? Какъ расположены пестиковые и тычинковые цвѣты? Какова окраска и форма тѣхъ и другихъ? Когда созрѣваютъ плоды? Что собою они представляютъ?

Что вырабатывается изъ сѣмянъ подсолнечника? Не служатъ ли они лакомствомъ?

Стулъ.

Какое назначеніе стула? Какого вида бываютъ стулья? Изъ какихъ частей состоитъ стулъ? Какой формы отдѣльныя части: спинка, сидѣнье, ножки?

Какъ дѣлаютъ стулья на фабрикѣ и въ мастерской кустаря?

Комната: столовая, кабинетъ и т. п.

Какое назначеніе этой комнаты? Какое убранство? Какъ разставлена мебель? Какъ она приспособлена къ назначенію комнаты? Какіе слѣды своего назначенія еще имѣетъ эта комната? Что помѣщается въ ней на стѣнахъ, на полу, на потолкѣ? Какъ расположены окна? Какой видъ открывается изъ нихъ?

Церковь.

Во имя кого построена эта церковь? Какой ближайшій поводъ ея построенія? Когда больше всего посѣщается она молящимися? Какъ размѣщаются въ ней богомольцы? Какой

отпечатокъ носитъ на себѣ убранство этого храма: богатство, бѣдность, красота? Въ какомъ соотвѣтствіи съ этимъ отпечаткомъ находятся отдѣльныя части храма: иконостасъ, стѣны, живопись, хоругви, главный корпусъ, притворъ и проч.? Есть ли соотвѣтствіе между внутреннимъ убранствомъ и внѣшностью храма? Какъ совершается богослуженіе? Какъ поютъ пѣвчіе? Какъ мѣняется обычная картина храма въ большіе лѣтніе праздники?

Лѣсная опушка.

Чѣмъ привлекаетъ васъ лѣсная опушка? Какія породы лѣса тамъ имѣются? Чѣмъ отличается она отъ внутренности лѣса? Какъ населена лѣсная опушка пернатыми? Когда больше всего раздается въ ней пѣніе птичекъ? Въ какое время лѣтняго дня пріятнѣе отдохнуть подъ ея тѣнью? Какія мысли возникали у васъ, когда мы смотрѣли во время этого отдыха на поля и луга, примыкающіе къ лѣсной опушкѣ?

Гора.

Какое мѣсто занимаетъ эта гора среди другихъ горъ той же мѣстности? Какой она формы? Какъ высока? Чѣмъ покрыта? Какіе виды открываются съ нея на окрестности? Нѣтъ ли мѣстныхъ преданій про эту гору? Не связано ли съ нею какихъ либо историческихъ событій?

Какое значеніе имѣетъ она для населенія? Нѣтъ ли въ ней минеральныхъ богатствъ?

Озеро.

Чѣмъ славится ваше озеро? Какое значеніе имѣетъ оно для мѣстности? Не служитъ ли источникомъ богатства въ какомъ либо отношеніи: торговомъ, промышленномъ? Почему

именно оно важно въ торговомъ или промышленномъ отношеніи? Какіе промыслы развились на его берегахъ? Не привлекаетъ ли это озеро вниманія своей красотою? Какія мѣста на немъ особенно красивы? Нѣтъ ли острововъ? Чѣмъ они покрыты? Чѣмъ привлекаютъ васъ къ себѣ лѣсъ и вода? Какой видъ имѣетъ это озеро въ тихую погоду и во время бури?

Городъ.

Къ разряду какихъ городовъ принадлежитъ этотъ городъ? Сколько въ немъ жителей? Чѣмъ они по преимуществу занимаются? Почему именно преобладающимъ занятіемъ является вами указанное (торговля, тотъ или иной видъ промышленности)? Какъ отразилось преобладающее занятіе жителей на внѣшности города? Каковы постройки? Чѣмъ отличаются общественныя зданія? Нѣтъ ли зданій, говорящихъ о художественномъ вкусѣ жителей? Какъ отражается общій фонъ жизни на городскомъ благоустройствѣ? Каковы улицы, мостовыя, освѣщеніе? Какіе пути сообщенія? Какъ устроены мѣста для прогулокъ?

Какія еще развлеченія имѣются въ этомъ городѣ? Чѣмъ этотъ городъ отличается отъ другихъ извѣстныхъ вамъ городовъ, или чѣмъ похожъ на нихъ?

Лѣтній вечеръ.

Какая разница въ вашемъ самочувствіи во время лѣтняго вечера, по сравненію съ другими частями дня? Какъ измѣнилась природа? Какъ измѣнились занятія людей? Что особенно привлекательнаго въ вечерней прохладѣ? Въ солнечномъ закатѣ? Въ наступающей тишинѣ?

Мои будни.

За какой работой обыкновенно проводите вы свои будни? Сразу ли вы приступаете къ работѣ? Кто въ ней участвуетъ?

Въ чемъ заключаются ея подробности? Нравится ли она вамъ? Чѣмъ вы больше всего въ этой работѣ интересуетесь? Почему? Чѣмъ разнообразятся ваши будни? Какъ вы встрѣчаете праздники? Охотно ли опять принимаетесь за обычное дѣло?

Вѣтренный день.

Въ какое время дня началъ дуть вѣтеръ? Какія перемѣны произошли подъ его вліяніемъ (въ саду, въ полѣ, въ лѣсу, на улицахъ, на рѣкѣ...)? Нравится ли вамъ все это, или нѣтъ? Почему? Когда опять сдѣлалось тихо? Какъ наблюдали вы постепенное наступленіе тишины?

Маскарады.

Маскировались ли вы сами? Какъ вы готовились къ нимъ? Какъ составлялась компанія маскирующихся? Какъ дѣлали маскарадные костюмы? Какъ наряжались? Куда вы ѣздили подъ масками? Какъ васъ принимали? Какъ веселились? Какой маскарадъ былъ самымъ веселымъ? Какъ еще маскируются? Во всѣхъ ли мѣстахъ одинаково маскируются? Какая особенность деревенскихъ маскарадовъ?

Къ какому времени относится начало такихъ развлеченій Съ какими языческими праздниками маскарады связаны?

Катанье на конькахъ.

На какомъ каткѣ вы катаетесь? Кто сдѣлалъ этотъ катокъ? Какъ онъ устроенъ? Какія на немъ украшенія? Не бываетъ ли музыки? Какія особенности его въ праздники?

Любите ли вы кататься на конькахъ? Какія фигуры вы умѣете выдѣлывать? Какъ вы научились? Когда вы начали учиться? Какъ вы катались вначалѣ? Гдѣ вы учились? Гдѣ еще катаются въ вашихъ мѣстахъ?

Крестьянскія полевыя работы.

Раздѣлите крестьянскія полевыя работы по временамъ года. Какъ начинаютъ весною приготовлять почву для посѣва яровыхъ хлѣбовъ? Когда и какъ сѣютъ? Какъ удобряютъ паровое поле подъ озимое? Когда начинается сѣнокосъ? Въ чемъ онъ состоитъ? Почему именно сѣнокосъ особенно нравится дѣтямъ? Какія для нихъ наступаютъ въ это время развлеченія (когда подвозятъ къ сѣннику кучи сѣна, когда купаютъ лошадей, водятъ ихъ на водопой и проч.)? Какія лѣтнія работы по преимуществу являются „страдными“? Какъ протекаетъ жнитво? Какъ подготовляется почва къ озимому посѣву? Какъ протекаетъ самый посѣвъ? Какъ убираютъ съ полей овесъ, гречиху, горохъ и картофель?

Кустарное производство обуви.

Много ли сапожниковъ въ вашемъ городѣ? Какъ вліяетъ на ихъ число фабричное производство обуви? Какъ эта обувь проникаетъ въ вашъ городъ? Какіе сорта обуви дѣлаютъ ваши сапожники? Кто имъ заказываетъ? Изъ какого товара они дѣлаютъ обувь? Какъ приготовляется этотъ товаръ? Въ какой послѣдовательности сапожникъ дѣлаетъ свое дѣло? Какая роль въ этомъ ремеслѣ „мальчиковъ“? Есть ли въ немъ раздѣленіе труда? Почему фабричная обувь дешевле?

Лѣсопильный заводъ.

Почему въ вашей мѣстности находится именно лѣсопильный заводъ? Какъ онъ построенъ? Какія въ немъ поставлены машины? Какъ онѣ приводятся въ дѣйствіе? Какія стадіи обработки проходитъ дерево, поступающее на лѣсопильный заводъ? Какими машинами его передаютъ на заводъ? Какими пилятъ? Какими равняютъ байдакъ и тесъ?

Куда дѣваютъ горбыли? Куда поступаютъ обрѣзки? Куда идутъ опилки?

Сколько рабочихъ на этомъ заводѣ? На какія группы они раздѣляются по своей работѣ? Какъ великъ ихъ заработокъ? Каковы ихъ потребности?

Сельская ярмарка.

Когда происходитъ эта ярмарка? Чѣмъ торгуютъ? Гдѣ? Кто покупаетъ? Почему эта ярмарка необходима? Уменьшается или увеличивается количество привозимыхъ товаровъ? Почему? Какое значеніе имѣла эта ярмарка въ прежнее время?

Какъ празднуютъ ярмарочные дни? Чѣмъ отличаются они отъ обычнаго праздника въ этой мѣстности? Какія хорошія стороны этого праздника? Какія дурныя?

Поѣздка въ ночное на рыбную ловлю.

Съ кѣмъ вы ѣздили? Какъ готовились? Что взяли съ собою? Какъ ловили рыбу съ вечера? Какъ разставляли переметы на ночь? Гдѣ ночевали? Кто съ вами еще ночевалъ? Какъ разводили костеръ? Какъ готовили уху? Хотѣлось ли вамъ спать? Какъ коротали ночное время? Какъ измѣнилась природа раннимъ утромъ? Какъ взошло солнце? Какъ вы заснули и когда проснулись? Какъ осматривали переметы и что поймали? Долго ли еще ловили рыбу? Какъ возвратились домой?

Поѣздка въ губернскій городъ.

Почему вы предприняли эту поѣздку? Какъ къ ней готовились? Съ кѣмъ ѣхали? Что вы ожидали встрѣтить въ этомъ городѣ? Что о немъ раньше знали? Отъ кого слышали? Какія происшествія приключились съ вами въ пути?

На какія дорожныя картины вы обратили вниманіе? Какъ это повліяло на ваше ожиданіе? Какъ въѣхали? Что увидѣли? Какъ измѣнилось первое впечатлѣніе въ дальнѣйшіе дни? Соотвѣтствовала ли дѣйствительность вашимъ ожиданіямъ?

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ изученіи избранныхъ темъ мы обращали вниманіе не на всѣ стороны предмета, а лишь на наиболѣе главныя, и подчиняли нашъ выборъ основной мысли, положенной въ описаніе. Такъ, въ описаніи ели первоначально выдвинута картина этого дерева, а потомъ ея главныя свойства, но опущена спеціально ботаническая часть. Въ описаніи подсолнечника, наоборотъ, ботаническая часть замѣтно входитъ въ первую часть описанія, потому что она имѣетъ очень много связи съ внѣшнимъ видомъ этого растенія. Однако какъ то, такъ и другое, такъ сказать, нейтральныя описанія: въ нихъ нѣтъ безусловнаго подчиненія всѣхъ признаковъ одной мысли; на ряду съ этимъ приведены и наиболѣе важныя другія свѣдѣнія о тѣхъ же предметахъ. Къ такимъ нейтральнымъ работамъ принадлежатъ и описанія: стулъ, гора, озеро, маскарады, катанье на конькахъ, лѣсопильный заводъ.

Въ остальныхъ описаніяхъ замѣтно уже болѣе сильное подчиненіе признаковъ основной мысли. Такъ, въ описаніи комнаты изображаемые признаки находятся въ соотвѣтствіи съ ея назначеніемъ, что бы дать картину именно этой комнаты (столовая, кабинетъ и т. п.), а не комнаты вообще; въ описаніи церкви признаки объединены назначеніемъ храма и молитвеннымъ настроеніемъ молящихся; въ описаніи лѣсной опушки—художественной стороной предмета; въ описаніи города—соотношеніемъ между городской жизнью и его торговымъ или промышленнымъ значеніемъ; въ лѣтнемъ вечерѣ — особенностями переживаній человѣка по сравненію съ другимъ временемъ дня; въ моихъ будняхъ—рабочимъ настроеніемъ; въ вѣтреномъ

днѣ—перемѣнами явленій природы; въ крестьянскихъ полевыхъ работахъ—послѣдовательной смѣной этихъ работъ: въ кустарномъ производствѣ обуви—сравнительной характеристикой дѣла по отношенію къ фабричному труду; въ сельской ярмаркѣ—ея торговымъ значеніемъ и оцѣнкою, какъ праздника.

Въ сочиненіяхъ общаго характера, помѣщенныхъ среди тѣхъ же примѣровъ, тоже можно видѣть единство темы: въ поѣздкѣ на рыбную ловлю—интересъ къ занятію и картинамъ природы; въ поѣздкѣ въ губернскій городъ—разницу между дѣйствительностью и ожиданіемъ.

Какъ уже сказано было, единство темы наиболѣе трудная часть работы, а потому на эту сторону необходимо обратить особое вниманіе. Достичь желательныхъ результатовъ можно лишь точнымъ выясненіемъ, какая главная мысль положена въ ту или другую работу и на какихъ сторонахъ предмета слѣдуетъ особенно остановится въ соотвѣтствіи съ этой мыслью, а также—что именно не слѣдуетъ включать въ изученіе. Но такъ называемыя нейтральныя описанія должны дать развитіе разныхъ сторонъ предмета.

Къ самостоятельнымъ сочиненіямъ общаго характера, съ описательнымъ и повѣствовательнымъ элементами, примыкаютъ описанія по картинамъ.

Значенія этихъ работъ отрицать нельзя, но главное мѣсто ихъ не на второй ступени обученія, а въ начальной школѣ, такъ какъ они представляютъ собою болѣе элементарный видъ упражненій, чѣмъ описаніе непосредственной жизни.

Въ описаніяхъ по картинкамъ ученику уже даны элементы, притомъ лишь до извѣстной степени отражающіе жизнь, и ихъ нужно объединить преимущественно пространственной связью; придумываніе же разсказа къ картинкамъ въ большинствѣ случаевъ развиваетъ не фантазію, а фантазированіе, почему этотъ видъ упражненій можно практиковать лишь съ большой осторожностью, устранивъ изъ

нихъ все неопредѣленное и случайное. На долю собственно описанія въ такихъ работахъ приходится мало матеріала, потому что только художественно выполненная картина могла бы дать его, а обыкновенное классное пособіе, предназначенное для этой цѣли, естественно страдаетъ многими недостатками выполненія, къ тому же, описаніе по картинкамъ представляетъ и меньше интереса для ученика второй ступени обученія, чѣмъ самостоятельная работа съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій надъ непосредственной жизнью. Если на второй ступени обученія и желательно изучить картины, то уже никакъ не жалкія копіи или плохія произведенія печатнаго станка, а подлинныя творенія великихъ художниковъ или гравюры въ художественномъ выполненіи.

Самостоятельныя описанія, какъ они представлены въ предыдущемъ изложеніи, должны имѣть мѣсто не только въ курсѣ второго класса общеобразовательной школы. Въ болѣе сложномъ видѣ, при описаніи такихъ предметовъ или явленій жизни, какіе доступны болѣе старшему возрасту, эти работы желательны и даже необходимы такъ же и въ старшихъ классахъ той же ступени обученія.

Въ третьемъ классѣ, какъ объ этомъ уже было сказано выше, описанію можетъ быть приданъ видъ характеристики. Простѣйшимъ занятіемъ въ этой группѣ является описаніе животнаго съ цѣлью установить соотвѣтствіе между его внѣшними признаками и внутренними качествами.

Подготовительныя работы къ такимъ сочиненіямъ опять таки слѣдуетъ начать съ изученія образцовъ; напримѣръ, можно взять описаніе—характеристику голубя, кошки, верблюда и т. п., хотя бы изъ сочиненій Аксакова, гдѣ можно найти подходящій матеріалъ. Легко замѣтить, что различныя проявленія чувствъ голубя указываютъ на его кро-

тость, мягкость и робость; движенія лебедя обнаруживаютъ его силу и красоту; способность верблюда пить горькую, застоялую, испорченную воду, два-три дня пробыть совершенно безъ пойла и также усердно нести свою ношу—на его выносливость.

Послѣ такого изученія образцовъ можно приступить къ самостоятельному составленію описаній — характеристикъ. Для этого ученику слѣдуетъ производить наблюденія надъ жизнью того или другого животнаго, изучать его привычки, проявленіе чувствъ, и отсюда сдѣлать заключеніе о качествахъ животнаго; наконецъ нужно привести въ порядокъ всѣ эти наблюденія и изложить въ видѣ цѣлаго сочиненія.

Допустимъ, что ученикъ для своего наблюденія пожелалъ бы избрать кошку. Частью самостоятельно, частью при помощи учителя, онъ изучаетъ и описываетъ эластичныя движенія кошки, способность ея неслышно подкрадываться къ добычѣ и выжидать удобнаго времени для окончательнаго прыжка. Въ своемъ сочиненіи ученикъ долженъ сопоставить со всѣмъ этимъ устройство туловища кошки и ея конечностей; съ самоотверженной защитой котятъ отъ опасности—материнскій инстинктъ, съ привязанностью кошки къ дому—силу привычки. Такимъ образомъ, ученикомъ будетъ составлена характеристика, гдѣ внѣшнія проявленія животнаго будетъ приведены въ связь съ его внутренними качествами.

Въ описаніи—характеристикѣ собаки ученикъ отмѣтитъ привязанность ея къ хозяину, на основаніи разныхъ случаевъ защиты его отъ опасности, сторожевую службу и проч. Въ характеристикѣ лошади — умъ этого животнаго, умѣющаго безошибочно найти дорогу домой и т. п.

Подобнымъ же образомъ могутъ быть изучены и описаны кроликъ, кенарейка, курица, муха, паукъ, рыба и другіе животные представители окружающаго міра.

Вотъ приблизительный видъ одной изъ такихъ работъ.

Мими.

„Движенія Мими мягки и сильны, особенно когда она подкрадывается къ добычѣ и разомъ бросается на свою жертву. Намъ приходилось наблюдать, какъ сильно напряжены ея мускулы во время такого прыжка. Даже трудно было узнать ту самую кошечку, съ которой мы любимъ играть въ своей комнатѣ. А какъ измѣняется наша любимица, когда у нея бываютъ котятки. Она защищаетъ ихъ отъ опасности, не допускаетъ къ нимъ Бобика и даже оцарапала Колѣ руку, когда тотъ попытался взять одного изъ нихъ. Мими, какъ и другія кошки, очень привязана къ дому. И когда мы переѣхали на другую квартиру, то она долго не появлялась у насъ. Оказывается, Мими была въ старомъ домѣ".

Слѣдуетъ сказать, что подобныя работы интересуютъ дѣтей, тѣмъ болѣе что для постановки правильнаго наблюденія имъ необходимо тѣснѣе сблизиться съ животными, устроить акваріумъ, террaріумъ, инсектаріумъ, чаще бывать на птичникѣ, на скотномъ дворѣ и т. п. Все это не только является лучшей формой самодѣятельности, но и даетъ ей богатое содержаніе, а также объединяетъ различныя части школьнаго курса, что само по себѣ очень важно, такъ какъ при этомъ условіи школа перестаетъ быть калейдоскопомъ работы и знаній.

Въ дальнѣйшемъ можно приступить къ описанію—характеристикѣ дѣтскихъ занятій и игръ, но не ограничиваться чисто внѣшней картиной, а связывать то и другое съ настроеніемъ и индивидуальностью участниковъ. Матеріаломъ могутъ служить наблюденія надъ жизнью тѣхъ же животныхъ, когда дѣти приходятъ съ ними въ наиболѣе близкое соприкосновеніе, будетъ ли это животное на волѣ или въ неволѣ. Въ этихъ работахъ главное вниманіе, однако, слѣдуетъ переносить съ характеристики животнаго уже на са-

мое наблюденіе и на тѣ занятія, которыя съ нимъ связаны. Пусть ученикъ разскажетъ, какъ онъ устроилъ акваріумъ, террaріумъ, инсектаріумъ, какъ онъ интересовался этимъ дѣломъ, какія у него были цѣли, внутреннія переживанія, доволенъ ли онъ былъ результатами своей работы и какое значеніе имѣла она для расширенія его знаній.

Пусть ученикъ разскажетъ о своихъ играхъ и опишетъ отношеніе къ нимъ свое и товарищей. Удачи и неудачи въ игрѣ различно дѣйствуютъ на разныхъ дѣтей: одни волнуются, другія спокойны, одни желаютъ побѣдить противниковъ, другимъ больше нравится самый процессъ игры. Все это отражается на поступкахъ участниковъ, вызываетъ разныя дваженія, разговоры. Въ сочиненіи необходимо сопоставить все это съ описаніемъ самой игры и тѣмъ самымъ направлять свое наблюденіе на изученіе человѣка.

Допустимъ, что для одного изъ первыхъ такихъ сочиненій избирается темой игра въ лапту. Въ предварительной бесѣдѣ учитель спрашиваетъ, какъ происходила эта игра, кто въ ней участвовалъ, на какія партіи раздѣлялись участники, какъ они относились къ разнымъ моментамъ игры и чѣмъ выражали это отношеніе. На эти вопросы ученики разскажутъ приблизительно слѣдующее.

Игра въ лапту.

„Во время большой перемѣны собрались мы поиграть въ лапту. Пошли на лужайку, радѣлились на двѣ равныя партіи и кинули жребій, кому водить. Намъ посчастливилось, я остался на чертѣ и сталъ дожидаться своей очереди. Первымъ былъ самый неловкій изъ товарищей. Онъ чуть чуть задѣлъ по мячику, и тотъ отлетѣлъ недалеко въ сторону, такъ что бѣжать на дальнюю черту было нельзя. Второй товарищъ игралъ лучше перваго, но и ему тоже не посчастливилось. Наконецъ пришла и моя очередь. Я съ зами-

раніемъ сердца взялъ лопатку. Всѣ напряженно выжидали и приготовились къ разбѣгу. Мячикъ подброшенъ былъ нашимъ противникомъ по партіи очень удачно и ударъ оказался хорошимъ. Мы всѣ трое бросились со всѣхъ ногъ на дальнюю черту, но младшій товарищъ споткнулся и упалъ на песокъ. Казалось, дѣло погибло. Съ противной стороны уже мѣтили въ несчастнаго; тотъ растерялся и не зналъ, куда ему бѣжать: впередъ или назадъ. Къ счастію противники промахнулись и мы смѣло добѣжали до дальней черты. Приготовился бить въ мячикъ самый лучшій игрокъ изъ нашей партіи, матка. Мы замерли въ ожиданіи, сердце забилось. Мячикъ поддали плохо и товарищъ далъ промахъ, Мы еще больше напрягли наши мускулы и приготовились бѣжать назадъ во чтобы то ни стало. Новый ударъ далъ свѣчу, и противникъ поймалъ мячикъ, когда мы были еще на срединѣ площадки. Я упалъ на землю и мячикъ пролетѣлъ надъ моей головой, но его снова поймали и попали въ неловкаго товарища. Тотъ сконфузился, досадно было и намъ, но дѣлать нечего—пришлось водить, а противники съ торжествомъ заняли наши мѣста“.

Послѣ предварительнаго разсказа написать такое сочиненіе уже не представляетъ труда. Однако было бы большой ошибкой требовать предварительнаго разсказа для каждаго сочиненія. Достаточно будетъ, если ученики въ дальнѣйшихъ работахъ, сами для себя, припомнятъ теченіе игры и особенности своихъ товарищей, поскольку онѣ выразились въ этой игрѣ, и затѣмъ напишутъ свои сочиненія совершенно самостоятельно. Въ такомъ случаѣ классное чтеніе этихъ работъ пріобрѣтаетъ особый интересъ, а совмѣстное исправленіе создаетъ критическое отношеніе къ написанному.

Въ дальнѣйшемъ можно приступить уже и къ изученію самого человѣка, но не на живомъ примѣрѣ, потому что такое изученіе было бы недоступнымъ для учениковъ вто-

рой ступени обученія, а на литературномъ матеріалѣ. Вспомогательнымъ средствомъ къ этому, въ качествѣ первоначальнаго упражненія, можетъ быть описаніе живыхъ картинъ на литературную тему.

Сущность такихъ работъ состоитъ въ томъ, что нѣсколькимъ ученикамъ, наиболѣе способнымъ и оригинальнымъ, дается задача представить въ лицахъ тотъ или другой моментъ изъ какого-нибудь литературнаго произведенія, напримѣръ: лѣтописецъ Пименъ, Кочубей и Орликъ, Тазитъ и Галубъ, Оксана и Вакула, Левко и Ганна, Маниловъ и Чичиковъ, Плюшкинъ, прощаніе купца Калашникова съ своими братьями и т. п. Ученики должны тщательно продумать и изучить изображаемый ими моментъ, и своей позой, костюмами и выраженіемъ лица отразить его содержаніе. Въ постановкѣ живой картины могутъ принимать участіе и товарищи участвующихъ. Но главная работа учениковъ-зрителей состоитъ не въ томъ, а въ изученіи позы артистовъ, оцѣнкѣ ея правдивости и описаніи всѣхъ штриховъ, рисующихъ изображенный моментъ, съ цѣлью установить соотвѣтствіе между внѣшними чертами и переживаніемъ человѣка. Само собой разумѣется, что классъ долженъ предварительно ознакомиться съ литературнымъ произведеніемъ, откуда избирается моментъ для живой картины; и въ спеціальной бесѣдѣ необходимо выяснить ученикамъ литературный типъ.

Хотя самую постановку живой картины нельзя считать легкимъ дѣломъ, какъ вслѣдствіе необходимости отразить позою, костюмомъ и игрою лица содержаніе избраннаго момента, такъ и вслѣдствіе длительности сцены, но нельзя не признать, что, поставленная правдиво, такая картина даетъ удачный матеріалъ для составленія характеристики-описанія. Главной задачей въ постановкѣ живой картины должна быть ея простота, отсутствіе лишнихъ штриховъ и ясное выраженіе темы всей совокупностью характерныхъ признаковъ

Что касается до технической стороны дѣла, то необходимо внести сюда художественный принципъ, приблизивъ изображенную картину, по возможности, къ характеру театральной сцены. Временемъ для такого занятія, смотря по мѣстнымъ условіямъ, можетъ служить или праздничный день, или вечеръ, или послѣурочный часъ, или наконецъ, послѣдніе уроки въ школѣ. Самая постановка живыхъ картинъ, при несомнѣнной трудности дѣла, облегчается тѣмъ, что число ихъ можетъ ограничиться хотя бы двумя, совершенно достаточными для указанныхъ выше литературныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе что сами ученики должны принять ближайшее участіе въ подготовительныхъ работахъ.

Допустимъ, что для постановки живой картины избирается сцена изъ Пушкина—Кочубей и Орликъ. На основаніи текста поэмы ученики разсказываютъ, какъ они представляютъ себѣ эту сцену и при помощи учителя устанавливаютъ слѣдующее.

Живая картина: Кочубей и Орликъ.

На грубой скамьѣ, полусогнувшись, сидитъ утомленный Кочубей. На ногахъ у него тяжелыя цѣпи. Руки закованы. На лицѣ страданіе отъ пытокъ и поруганной чести. Чубъ сбился на сторону и своимъ видомъ усугублялъ картину безпомощности. Когда то дорогой казацкій костюмъ разодранъ въ разныхъ мѣстахъ, на немъ видны слѣды грязи, но Кочубей не замѣчаетъ своего униженія. Передъ страдальцемъ стоитъ грозный Орликъ, по направленію къ которому Кочубей сдѣлалъ слабый жестъ, выражающій усталость и послѣднюю борьбу. Жестъ этотъ застылъ въ воздухѣ, а Орликъ надменно смотритъ на полковника и генеральнаго судью, который теперь находится въ его власти.

Излагая все это, ученики тѣмъ самымъ вводятъ въ опи-

саніе духовный міръ изображаемаго лица и сливаютъ его съ внѣшними признаками картины.

Такой работой ученики вносятъ въ свое сочиненіе критическій элементъ, отчего самостоятельныя работы ихъ пріобрѣтаютъ наибольшее образовательное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, описаніе живыхъ картинъ служитъ подготовкой къ болѣе сложнымъ работамъ—характеристикѣ литературныхъ типовъ, отраженныхъ на школьной сценѣ или въ выполненіи профессіональныхъ артистовъ хорошаго театра.

Характеристика литературныхъ типовъ, основанная на изученіи ихъ, въ условіяхъ сценической обстановки, является въ свою очередь подготовительной ступенью къ изученію непосредственной жизни. Поэтому, для цѣлей постепеннаго развитія самостоятельныхъ сочиненій необходима постановка школьныхъ спектаклей. Это занятіе и само по себѣ является прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ, если устранить изъ него показную сторону, бьющую на внѣшній эффектъ. Правда, серьезнымъ препятствіемъ развитія ученическихъ спектаклей служитъ бѣдность репертуара для дѣтей средняго возраста, но все же кое-что можно поставить и при настоящихъ условіяхъ. Сюда войдутъ сцены изъ классическихъ произведеній преимущественно русскихъ писателей, какъ напримѣръ: Кормча на Литовской границѣ, Пименъ и Григорій, Женитьба, сцены изъ Ревизора, изъ комедій Островскаго, нѣкоторыя сцены Чехова (Юбилей, Злоумышленникъ и др.), а также кое что изъ иностранной литературы, какъ напримѣръ: Томъ Сойеръ изъ Марка Твена, Принцъ и Нищій его же, Пройдоха по Болеславу Пруссу, и т. п.

Постановка спектакля вноситъ много разнообразія въ школьную жизнь, поддерживаетъ бодрое настроеніе, иногда настолько сильно затрагиваетъ духовный міръ юноши, что совершенно перерождаетъ его, вызывая къ жизни дремлющія силы, повышая его интересъ къ работѣ и развивая трудоспособность. Спектакли представляютъ широкій просторъ

для развитія самодѣятельности и творчества. Участники его создаютъ сцену, изучаютъ типъ, отражаютъ его своей игрою, создаютъ связь между внѣшними сторонами жизни изображаемаго лица и внутренними качествами его; наконецъ, иногда настолько увлекаются свей ролью, что въ состояніи пережить тѣ прекрасныя чувства и настроенія, какія обыкновенно составляютъ содержаніе пьесы, избранной для дѣтскаго театра.

Въ игрѣ, особенно игрѣ товарищей, если пьеса поставлена хорошо, дѣти лучше могутъ понять литературный типъ, чѣмъ въ чтеніи. Руководительство въ изученіи типа здѣсь легче осуществить, и объясненія учителя будутъ болѣе понятными, потому что передъ глазами проходятъ живые люди, и движенія и поступки ихъ возможно связать съ настроеніемъ, провѣряя ихъ правильность или находя недостатки. Все это предполагаетъ необходимость критической оцѣнки игры, а вмѣстѣ съ нею и литературнаго типа. На этой критической оцѣнкѣ и должно быть основано самостоятельное сочиненіе учениковъ.

Допустимъ, что дѣти играютъ нѣкоторыя сцены изъ Тома Сойера, сочиненія Марка Твена. Передъ глазами ихъ проходятъ непрерывной цѣпью приключенія двухъ мальчиковъ: Тома и Гека. Это милые шалуны, съ комичными, но въ сущности безвредными шутками и приключеніями, съ искреннимъ чувствомъ и дѣтской безпечностью. Все это сквозитъ въ содержаніи пьесы, въ движеніяхъ, въ мимикѣ, въ костюмахъ того и другого.

Томъ Сойеръ живетъ въ домѣ своей тетки. Она любитъ мальчика, желаетъ воспитать въ немъ трудолюбіе, аккуратность и постоянно удерживаетъ своего мальчика отъ шалостей и раскрываетъ его продѣлки. А Тому хочется пошалить, не пойти въ школу, не приготовить урокъ. Тетя Полли въ наказаніе заставляетъ его выкрасить заборъ—Томъ остроумно пользуется для этого недомысліемъ другого мальчика

и заставляетъ его за себя работать. Послали за водою негра-слугу—тотъ задерживается Томомъ, желающимъ и на него свалить ту же работу. Не хочетъ Томъ итти въ школу, не приготовитъ урока—и придумываетъ себѣ разныя болѣзни: то гангрену, то болѣзнь зуба. Ему нечего дѣлать—и онъ возится съ котомъ, изображая собою доктора, который долженъ вылѣчить кота отъ зубной боли. Томъ сердится на своего брата, потому что тотъ своей аккуратностью служитъ для него постояннымъ укоромъ. Большинство своихъ приключеній мальчикъ продѣлываетъ съ товарищемъ, Гекомъ. Нашли они дохлую кошку и возятся съ нею, думая, что кошкой можно лѣчить бородавки. Томъ—дѣятельная натура, но занятія въ школѣ не по душѣ мальчику, и онъ постоянно придумываетъ себѣ другія. Черезъ все дѣйствіе проходитъ комическій романъ его къ дѣвочкѣ. Въ концѣ концовъ, однако, тетѣ и старшей сестрѣ его, Мери, удается побѣдить шалости мальчика и привлечь къ себѣ его доброе сердце, направивъ энергію на занятія въ школѣ.

Все это проходитъ передъ глазами, а въ такомъ случаѣ ученики сильнѣе заинтересуются личностью Тома, лучше поймутъ ее, легче усвоятъ тѣсную связь между поступками и духовнымъ міромъ мальчика, и слѣдовательно въ состояніи будутъ разъяснить въ своемъ сочиненіи этотъ литературный типъ.

Однако, несмотря на помощь спектакля, учителю все же нельзя оставить безъ своего руководительства такую самостоятельную работу, иначе дѣти могутъ запутаться въ обиліи матеріала. Помощь учителя можетъ понадобиться при составленіи плана, который для даннаго сочиненія могъ бы принять слѣдующій видъ: безпечность мальчика, его остроуміе, находчивость, текучесть натуры, искренность въ отношеніи къ близкому товарищу, дружба, любовь къ тетѣ Полли, признаніе своихъ шалостей и отраженіе всего этого въ поступкахъ.

Само собой разумѣется при этомъ, что все сочиненіе

должно быть объединено развитіемъ дѣйствія, что бы оно представляло собою цѣльную картину, хотя отдѣльныя сцены придется разбирать и не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ изложены въ пьесѣ. Но спектакль настолько сильно запечатлѣваетъ ихъ въ сознаніи зрителей, что разныя группировки приключеній напрашиваются сами собой.

Воспользовавшись театромъ для составленія первоначальныхъ характеристикъ, легче будетъ приступить и къ непосредственному изученію литературнаго типа на основаніи только одного класснаго чтенія. Однако, описаніе такихъ занятій не входитъ въ систему самостоятельныхъ работъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій, а непосредственно относится къ области сочиненій на литературныя темы.

Сказаннымъ въ сущности исчерпываются различные виды самостоятельныхъ работъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій, и на долю четвертаго класса общеобразовательной школы второй ступени обученія приходится лишь только дальнѣйшее развитіе тѣхъ же занятій, которыя имѣли мѣсто въ курсѣ второго и третьяго класса, но съ болѣе сложнымъ содержаніемъ и болѣе глубокимъ изученіемъ матеріала. Кромѣ того, въ четвертомъ классѣ должны имѣть мѣсто теоретическія занятія, основанныя, конечно, на изученіи образцовъ, по выясненію наиболѣе сложнаго элемента рѣчи—разсужденія, но характеръ этихъ работъ уже описанъ выше.

Составленіе характеристикъ на основаніи непосредственнаго наблюденія жизни недоступно второй ступени обученія и можетъ практиковаться лишь въ старшихъ классахъ средняго учебнаго заведенія, да и то въ наиболѣе простыхъ формахъ.

Если подвести итоги занятіямъ учениковъ въ области самостоятельныхъ работъ съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій, помимо развитія умственныхъ и духовныхъ силъ учащихся, то кажется, что дѣти пріобрѣтутъ навыки изло-

женія разныхъ событій изъ собственной жизни, или изъ жизни, ихъ окружающей, научатся описывать разныя явленія и предметы и облекать въ литературную форму вообще всѣ свои впечатлѣнія, познакомятся съ пріемами составленія несложныхъ характеристикъ и наконецъ практически могутъ воспринять методы изученія несложныхъ явленій бытовой жизни.

Если изложенное привести въ связь съ результатами работъ въ области самостоятельныхъ сочиненій съ литературнымъ содержаніемъ, то цѣль всѣхъ описанныхъ занятій на второй ступени обученія можно считать достигнутой.

ГЛАВА X.

Исправленіе стилистическихъ работъ.

Всякое обученіе распадается на двѣ части: первая—сообщеніе ученикамъ извѣстнаго круга навыковъ и вторая—исправленіе самостоятельныхъ работъ съ цѣлью приблизить ихъ къ типу болѣе совершеннаго образца и устранить въ дальнѣйшемъ появленіе тѣхъ же ошибокъ. Если соотвѣтствующіе навыки учениками практически усвоены, то стилистическія работы ихъ будутъ удачными и учителю придется исправлять преимущественно ошибки грамматическія. Значитъ, нужно стремиться къ тому, чтобы система подготовительныхъ работъ прочно привила ученикамъ необходимые навыки, которые могли бы предупредить появленіе стилистическихъ ошибокъ если не въ первыхъ, то хотя бы въ дальнѣйшихъ работахъ. Это достигается какъ описаннымъ выше кругомъ занятій, такъ и особыми дополнительными работами, имѣющими, по существу, тоже предупредительный характеръ по отношенію къ дальнѣйшимъ сочиненіямъ учениковъ. Прежде чѣмъ разсмотрѣть, въ чемъ могутъ состоять эти послѣднія занятія, нужно опредѣлить, какого рода ошибки встрѣчаются въ ученическихъ сочиненіяхъ.

Въ стилистическихъ работахъ учениковъ могутъ быть, и дѣйствительно бываютъ, слѣдующія ошибки: 1), ошибки по составленію плана, 2) ошибки въ содержаніи сочиненія, 3) ошибки слога, 4) ошибки грамматическія. Каждый изъ этихъ родовъ требуетъ отдѣльнаго обсужденія.

Ошибки по составленію плана.

Разсмотрѣнная выше система стилистическихъ работъ начинается повѣствованіемъ. Первыми ученическими работами въ этой области являются пересказы. Имъ предшествуютъ стилистическіе разборы намѣченныхъ для изложенія образцовъ. Эти разборы, во 2-хъ разъясняютъ ученикамъ содержаніе даннаго сочиненія и, во 1-хъ, послѣдовательность излагаемыхъ событій, т. е. планъ. На основаніи опыта можно сказать, что ученики очень скоро привыкаютъ выдѣлять событія изучаемаго образца и располагать ихъ въ хронологической послѣдовательности. Сначала они выдѣляютъ событія при помощи учителя, затѣмъ самостоятельно, но съ предшествующей изложенію провѣркой учителя, наконецъ самостоятельно, съ провѣркою послѣ пересказа.

Ошибками самостоятельныхъ работъ по составленію плана повѣствовательныхъ сочиненій являются пропуски отдѣльныхъ частей. Если такой пропускъ имѣется, то нетрудно объяснить учащемуся необходимость введенія въ пересказъ соотвѣтствующаго событія. Изъ стилистическихъ разборовъ ему извѣстно, что между отдѣльными частями повѣствованія существуетъ не только хронологическая связь, но и причинная. Въ его сочиненіи можетъ оказаться пропущеннымъ именно такое событіе, описывающее причину одного изъ послѣдующихъ явленій, отчего пересказъ будетъ имѣть неясности. Ихъ легко устранить указаніемъ на необходимость разъясненія причины невполнѣ яснаго событія въ пересказѣ. Такимъ образомъ ученикъ поймeтъ, что въ пере-

сказъ нужно ввести пропущенное событіе, какъ причину одного изъ дальнѣйшихъ явленій. Хорошо будетъ, если ученикъ самъ дойдетъ до такого сознанія. Этому можетъ способствовать не прямое разъясненіе учителя, а вопросъ или соотвѣтствующій значекъ въ ученической тетради, который ставится какъ разъ въ мѣстѣ пропущеннаго событія.

Другою ошибкою повѣствовательныхъ сочиненій является описаніе подробностей того или иного событія. Это случается въ пересказахъ большихъ сочиненій, какъ, напр., разсказовъ Тургенева, повѣстей Гоголя и проч. Допустимъ, что для пересказа избирается „Человѣкъ за бортомъ“ Станюковича. Изложенію должно предшествовать изученіе плана, при чемъ, какъ это было показано выше, въ этомъ разсказѣ объединяются событія отдѣльныхъ главъ и такого рода объединеннымъ событіямъ дается общее заглавіе. Только послѣ этого ученики пишутъ пересказъ. Если окажется, что въ другихъ подобныхъ же сочиненіяхъ ученики запутываются въ подробностяхъ, то учителю непремѣнно на объяснительномъ чтеніи слѣдуетъ заняться описанной въ своемъ мѣстѣ работой объединенія отдѣльныхъ событій въ соотвѣтствующія группы, связанныя между собою хронологически-причинной связью и обратить вниманіе учениковъ на то, что они должны въ каждомъ пересказѣ выдвигать на первый планъ лишь описаніе главныхъ мыслей каждой группы и ихъ взаимно сопоставлять. Исправленіе ошибокъ каждаго отдѣльнаго ученическаго сочиненія въ этомъ случаѣ не приноситъ такихъ результатовъ, какъ классный разборъ нѣсколькихъ сочиненій изъ хрестоматіи съ цѣлью сообщить ученикамъ навыки объединять отдѣльныя событія въ цѣлыя группы. Тѣмъ не менѣе на поляхъ ученическаго сочиненія, взятаго учителемъ для домашняго исправленія слѣдуетъ сдѣлать помѣтку: „лишнее“, „почему лишнее?“ и т. п.

Третьей ошибкой повѣствовательныхъ сочиненій является

включеніе въ пересказъ тѣхъ событій, которыя не имѣютъ отношенія къ темѣ. Это бываетъ при такъ называемыхъ извлеченіяхъ. Допустимъ, что избрана тема: какъ „Герасимъ лишился Муму“. Привыкшіе къ пересказамъ цѣлаго сочиненія, ученики могутъ подробно остановится на описаніи, кто былъ Герасимъ, какъ онъ попалъ изъ деревни въ Москву и проч. Для предупрежденія такихъ ошибокъ слѣдуетъ предварительно разъяснить ученикамъ возможно лучше самую тему; нужно указать, что тема исключаетъ цѣлый рядъ событій, описанныхъ Тургеневымъ въ повѣсти, а именно тѣ, которыя не относятся къ тому, какъ Герасимъ лишился Муму; пусть дѣти усвоятъ, что извлеченіе, такъ сказать, есть отдѣльная глава даннаго сочиненія, что ее и требуется изложить въ пересказѣ. Само собой разумѣется, что и здѣсь помѣтки учителя; „лишнее“, „почему лишнее?“и т. п.—имѣютъ значеніе.

Хорошимъ пріемомъ разъясненія ученикамъ описанныхъ выше ошибокъ является классное чтеніе и совмѣстный разборъ ученическихъ сочиненій. Слѣдуетъ въ классѣ читать по крайней мѣрѣ два сочиненія: одно изъ числа сравнительно неудачныхъ, а другое хорошее .На первомъ сочиненіи нужно разъяснить, почему не слѣдуетъ дѣлать тѣхъ или другихъ стилистическихъ ошибокъ, а въ томъ числѣ и ошибокъ по составленію плана, другое же должно показать, какъ нужно писать сочиненія. Для первой цѣли слѣдуетъ избрать, однако, не самое худшее сочиненіе, чтобы не затеряться въ обиліи стилистическихъ ошибокъ, а среднее, чтобы въ теченіе одного урока можно было сосредоточить вниманіе учениковъ на немногихъ сравнительно вопросахъ; кромѣ того, избираемое сочиненіе должно быть такимъ, чтобы ошибки его не составляли исключительной особенности даннаго ученика, а принадлежали и другимъ учащимся.

Послѣ прочтенія ученическаго сочиненія дѣтямъ нужно задать вопросъ: нѣтъ ли въ этомъ сочиненіи какихъ-нибудь

пропусковъ, или—не изложены ли въ немъ какія-нибудь лишнія подробности, или даже цѣлыя главы? Конечно, этотъ вопросъ слѣдуетъ разложить на его составныя части. Учащіеся быстро осваиваются съ такого рода класснымъ разборомъ и дѣлаютъ свои замѣчанія: почему нужно вставить въ сочиненіе пропущенное событіе, какую подробность или цѣлую часть слѣдуетъ выбросить и почему. Такой разборъ вноситъ большое оживленіе въ классныя занятія. Кромѣ того, онъ воспитываетъ сознательно-критическое отношеніе къ собственной работѣ. Если описанный разборъ сдѣлать до домашняго исправленія учителемъ ученическихъ сочиненій (учителю извѣстно, въ кругу какихъ учениковъ нужно искать подходящей для разбора работы), то нерѣдко послѣ него дѣти сами исправляютъ свои сочиненія, или выпуская изъ нихъ ненужныя части, или включая новыя событія, а самостоятельное исправленіе неизмѣримо выше по своему значенію, чѣмъ исправленіе учителя. Часто бываетъ, что усвоивъ себѣ сознательно-критическое отношеніе къ собственной работѣ на классномъ разборѣ, ученикъ самостоятельно просматриваетъ тѣ части сочиненія, которыя не подвергались всестороннему классному обсужденію.

Едва ли нужно доказывать, почему самостоятельное исправленіе работы выше исправленія ея другимъ лицомъ. Достаточно лишь замѣтить, что самостоятельное исправленіе, съ одной стороны, указываетъ на существованіе сознательно-критическаго отношенія къ работѣ, а съ другой—усиливаетъ его. Въ соотвѣтствіи съ этимъ замѣтки учителя на поляхъ ученическаго сочиненія должны быть направлены къ тому, чтобы вызвать самодѣятельность ученика; поэтому вмѣсто зачеркиванія отдѣльныхъ частей или выставки новыхъ событій учителю слѣдуетъ на поляхъ тетради дѣлать такія замѣчанія, которыя вызывали бы самостоятельную работу учениковъ, напримѣръ: „почему лишнее?“ „какое

событіе пропущено?“ и т. п. Самостоятельно исправленная небольшая работа можетъ быть переписана учениками.

Нельзя не видѣть еще одного серьезнаго значенія классныхъ исправленій стилистическихъ работъ. Они оставляютъ для домашняго исправленія учителя меньшее количество стилистическихъ ошибокъ и тѣмъ могутъ облегчить его работу, а это можетъ благопріятно отразиться на повышеніи числа ученическихъ сочиненій. Небольшія сочиненія учениковъ могутъ быть настолько хорошо разобраны въ классѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и не будетъ надобности въ домашнемъ исправленіи ихъ учителемъ. Особенно это касается первоначальныхъ пересказовъ, когда ученики оперируютъ въ тѣсномъ кругу немногихъ событій, употребляютъ при изложеніи болѣе или менѣе одинаковыя слова и выраженія; значитъ, открываютъ классному исправленію возможность касаться не только плана и содержанія пересказа, но его слога и грамматической стороны.

Ученическія сочиненія не должны быть большими и въ стилистическихъ цѣляхъ; во 1-хъ, небольшое сочиненіе не утомитъ ученика и слѣдовательно позволитъ ему болѣе внимательно отнестись къ каждой части; во 2-хъ, оно даетъ возможность практиковать стилистическія работы болѣе часто, вслѣдствіе чего ученикъ чаще будетъ примѣнять стилистическіе навыки и потому лучше ихъ усвоитъ.

Классное исправленіе стилистическихъ работъ возможно и слѣдуетъ примѣнять не только при разборѣ плана ученическихъ сочиненій, но и при разборѣ другихъ сторонъ этихъ работъ: содержанія слога и орѳографіи. Разсматривая отдѣльно каждую изъ этихъ сторонъ, замѣтимъ мимоходомъ, что при классномъ исправленіи всѣ описываемыя работы, само собой разумѣется, совершаются на одномъ и томъ же урокѣ.

Предупредительная система по отношенію къ описательнымъ сочиненіямъ должна заключаться въ сообщеніи созна-

тельнаго отношенія къ планамъ изучаемыхъ образцовъ и ихъ усвоенію. Необходимость плана при составленіи описательныхъ сочиненій становится уже настолько очевидной для учениковъ, что ошибокъ этого рода при описаніяхъ они почти не дѣлаютъ. Здѣсь чаще всего встрѣчаются ошибки, касающіяся содержанія сочиненія, но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Ошибки по составленію плана пришлось бы встрѣтить въ описательныхъ сочиненіяхъ учениковъ въ томъ случаѣ, если бы мы задали имъ въ сущности непосильную работу: составить описаніе какого либо предмета, съ опредѣленной точки зрѣнія, положенной въ основу темы, напримѣръ: съ точки зрѣнія красоты, древности и проч. Тогда порядокъ описываемыхъ предметовъ ученику было бы трудно самостоятельно составить. Но едва ли темы такія возможны для обязательныхъ ученическихъ сочиненій и едва ли соотвѣтствуютъ цѣли, преслѣдуемой кругомъ ихъ стилистическихъ работъ. Съ такими описаніями слѣдуетъ учениковъ знакомить на разборѣ, напримѣръ: описаніе комнаты Ильи Ильича Обломова, осина и проч., а задавать лишь только для желающихъ, потому что такія работы приближаются уже къ типу художественныхъ.

Въ области характеристикъ и разсужденій ошибки по составленію плана встрѣчаются чаще, чѣмъ въ описаніяхъ. Они заключаются въ пропускахъ отдѣльныхъ частей или въ изложеніи излишнихъ подробностей. И то и другое можетъ быть устранено отчасти предварительнымъ разъясненіемъ темы, отчасти класснымъ разборомъ и отчасти замѣтками учителя на поляхъ ученическихъ тетрадей. Съ теченіемъ времени ошибки этого рода въ ученическихъ сочиненіяхъ сами собой исчезаютъ, такъ какъ постепенно воспитывается въ ученикахъ болѣе внимательное отношеніе къ темѣ и ея содержанію.

Въ области самостоятельныхъ сочиненій смѣшаннаго

характера они почти ускользаютъ изъ сферы строгаго учета потому что самостоятельное сочиненіе является плодомъ болѣе или менѣе свободнаго творчества и ставить ему опредѣленныя рамки въ видѣ обязательнаго плана нельзя.

Ошибки въ содержаніи сочиненія.

Въ повѣствовательныхъ сочиненіяхъ этого рода ошибки могутъ происходить отъ неправильнаго пониманія образца. Слѣдовательно, для предупрежденія ихъ необходимо болѣе внимательное чтеніе и разностороннее объясненіе. При классномъ разборѣ они сами собой исчезаютъ и для домашняго исправленія учителя почти не остаются.

Чаще всего эти ошибки встрѣчаются въ описательныхъ сочиненіяхъ. Какъ извѣстно, описательное сочиненіе должно излагать признаки намѣченныхъ въ планѣ предметовъ. Выборъ признаковъ подчиненъ извѣстному руководящему началу, какимъ обыкновенно для ученическихъ сочиненій является наиболѣе главное значеніе описываемыхъ предметовъ. Напримѣръ, если ученики, описывая классную комнату, будутъ говорить, какой столяръ сдѣлалъ классную доску, то это будетъ ошибка, потому что имя столяра не поможетъ болѣе ясному представленію картины описываемаго класса. Предупреждая подобныя ошибки, полезно предварительно бесѣдовать съ учениками, какіе признаки намѣченныхъ въ планѣ предметовъ они изберутъ для своего сочиненія и почему именно. Такая бесѣда можетъ, однако, предшествовать лишь нѣсколькимъ сочиненіямъ, а затѣмъ критика содержанія сочиненій должна производиться на совмѣстномъ разборѣ. Правда, иногда замѣчанія дѣтей бываютъ неосновательны, но въ такомъ случаѣ они встрѣчаютъ критику товарищей. Дѣло учителя направить такіе диспуты на содержаніе сочиненій и помочь учащимся въ обоснованіи ихъ замѣчаній. Вопросъ—почему?—въ такихъ случаяхъ дол-

женъ играть серьезную роль, помогая развитію сознательной критики и устраненію дальнѣйшихъ аналогичныхъ ошибокъ.

Въ области характеристикъ и разсужденій разсматриваемыя ошибки могутъ встрѣтиться при неправильномъ пониманіи темы и образца. Поэтому самымъ вѣрнымъ средствомъ ихъ устраненія является внимательное чтеніе и объясненіе образцовъ. Нерѣдко также въ ученическихъ сочиненіяхъ встрѣчается неправильное сопоставленіе фактовъ, поверхностное описаніе отдѣльныхъ картинъ и явленій, а также необоснованные выводы. Лучшимъ средствомъ исправленія всѣхъ этихъ ошибокъ опять таки является классный разборъ, гдѣ изложенные недочеты получатъ свою оцѣнку. Напримѣръ, въ сочиненіи: „Отношеніе Простаковыхъ къ наукѣ“ ученикъ можетъ пропустить описаніе нѣкоторыхъ фактовъ, дающихъ право сдѣлать соотвѣтствующіе выводы: въ описаніи урока—занятія церковнославянскимъ чтеніемъ, въ описаніи экзамена—понятія г-жи Простаковой о географіи, и т. п.; отъ этого сочиненіе выйдетъ неполнымъ, что легко и устанавливается на классномъ разборѣ.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ нельзя не придать нѣкотораго значенія и помѣткамъ преподавателя на поляхъ ученическихъ сочиненій. Но не слѣдуетъ переоцѣнивать значеніе этихъ помѣтокъ, во 1-хъ, потому что онѣ являются значительно позже класснаго исправленія, когда впечатлѣнія отъ разбора успѣли уже утратить свою живость, и во 2-хъ, потому, что онѣ въ силу своей краткости не могутъ дать ученику всесторонняго пониманія, почему намѣченныя измѣненія необходимы и въ чемъ они должны состоять.

Описанныя группы стилистическихъ ошибокъ (ошибки плана и содержанія) относятся къ внутренней сторонѣ сочиненія. Эти ошибки требуютъ обоснованнаго разбора, почему работа учителя по исправленію ихъ и должна непремѣнно производиться въ классѣ при ближайшемъ участіи самихъ

учениковъ. Будучи по преимуществу предупредительной, эта работа сосредотачивается на изученіи образцовъ и избранной темы. Лишь только для провѣрки разбираются работы учениковъ.

Другой характеръ носитъ исправленіе ошибокъ слога и грамматическихъ.

Ошибки слога.

Сюда относятся погрѣшности противъ требованій стилистики, т. е. противъ правильности, ясности, точности, чистоты и изящества слога. Что именно разумѣется подъ этими терминами въ теоріи словесности, говорить не приходится.

Ошибки противъ названныхъ требованій стилистики встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ обученія, во всѣхъ родахъ сочиненій. По своему существу онѣ индивидуальны, а потому требуютъ внимательнаго исправленія каждой работы, что возможно лишь при домашнихъ занятіяхъ учителя. Съ теченіемъ времени этого рода ошибки конечно становятся рѣже, чему помогаетъ внимательное изученіе слога лучшихъ писателей, а какъ это дѣлать—показано было выше, но и поправкамъ учителя въ этомъ случаѣ нужно придавать большое значеніе. Чаще всего дѣти грѣшатъ вычурностью оборотовъ, неумѣньемъ пользоваться синонимами, запутанностью періодовъ. Это нерѣдко происходитъ оттого, что дѣти усиливались, старались выражаться по книжному. Если мы внесемъ поправку въ такія выраженія, надъ построеніемъ которыхъ ученикъ задумывался, то поможемъ развитію его письменной рѣчи, потому что отвѣтимъ на возникшія сомнѣнія, которыя онъ по своему, хотя и неудачно, пытался разрѣшить.

Предупредительною мѣрою, кромѣ изученія слога лучшихъ писателей, является практическое изученіе синтаксиса. На ряду съ теоріей синтаксиса, ученику нужно про-

дѣлать систематическій рядъ стилистическихъ упражненій въ составленіи простыхъ и сложныхъ представленій, соединеніи отдѣльныхъ выраженій въ синтаксическія группы и проч.

Въ частности можно указать на двѣ наиболѣе часто встрѣчающіяся ошибки слога: неумѣнье пользоваться синонимами и неправильное сокращеніе придаточнаго обстоятельства времени предложенія. Первая ошибка обычно встрѣчается въ описаніяхъ; ее можно устранить, если учитель предварительно назоветъ ученику рядъ синонимовъ, которые слѣдуетъ употреблять одинъ вмѣсто другого (напр., находится, помѣщается, виситъ, прикрѣпленъ и т. п.). Вторая—попадается въ разныхъ сочиненіяхъ; напримѣръ, вмѣсто предложенія: „когда я вышелъ въ поле, въ глаза мнѣ бросилась цѣпь холмовъ на горизонтѣ“—ученикъ напишетъ; „выйдя въ поле, въ глаза мнѣ бросилась цѣпь холмовъ на горизонтѣ“. Здѣсь сказуемое „вышелъ“ при сокращеніи не правильно отнесено къ подлежащему „цѣпь“.

Ошибки грамматическія.

Этотъ послѣдній родъ ошибокъ отчасти уже разсмотрѣнъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ той части, которая касается синтаксиса. Что касается этимологіи, то погрѣшности противъ ея правилъ, какъ и ошибки синтаксическія, индивидуальны, а потому должны подлежать домашнему исправленію учителя. Исключеніе составляетъ первая ступень обученія, когда ученикамъ приходится оперировать болѣе или менѣе одинаковыми словами и оборотами, въ силу чего на первой ступени обученія возможно и даже необходимо классное исправленіе грамматическихъ ошибокъ. Со второй ступени обученія слѣдуетъ примѣнять уже иной пріемъ. Для того, чтобы вызвать самодѣятельность учениковъ, учитель можетъне исправлять грамматическія ошибки,

а лишь подчеркнуть неправильно написанныя буквы и неправильно поставленные знаки препинанія; для облегченія учениковъ этимологическія ошибки могутъ быть подчеркнуты одной чертой, а синтаксическія двумя, или наоборотъ. Ученикъ долженъ самостоятельно исправить подчеркнутую ошибку, выписать на поляхъ тетради соотвѣтствующее слово правильно и надъ нимъ поставить тотъ параграфъ этимологіи, или противъ синтаксической ошибки—параграфъ синтаксиса, на основаніи котораго ошибка исправлена. Необходимо однако оговориться, что съ теченіемъ времени эту работу ученики будутъ выполнять машинально, но это случится тогда, когда грамматика дѣтями будетъ настолько хорошо усвоена, что они будутъ даже знать на память параграфы соотвѣтствующихъ отдѣловъ. Къ этому времени грамотность будетъ настолько прочной, что къ исправленію грамматическихъ ошибокъ почти не придется совсѣмъ прибѣгать.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что исправленіе внѣшней стороны сочиненія падаетъ на домашнюю работу учителя. Это неблагопріятно отражается на количествѣ сочиненій учащихся, такъ какъ учителю нужно время для просмотра ученическихъ тетрадей, а между тѣмъ для успѣшности занятій число сочиненій не можетъ быть незначительнымъ. Вотъ почему въ тѣсной связи съ вопросомъ постановки школьныхъ сочиненій стоитъ другой, уже чисто практическій вопросъ: что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы дать возможность учителю русскаго языка не сокращать необходимаго числа ученическихъ сочиненій. Но обсужденіе этого вопроса выходитъ уже за предѣлы методики.

ГЛАВА XI.

Примѣрный планъ занятій по веденію сочиненій на различныхъ ступеняхъ обученія.

1.

Первая ступень.

(Соотвѣтствуетъ начальной школѣ).

Первый концентръ.

1-й годъ. Логико-стилистическіе разборы небольшихъ статеекъ съ цѣлью сознательнаго усвоенія логической связи между отдѣльными словами и мыслями, объединенными данною темою.

2-й годъ. Подготовительныя стилистическія упражненія, заключающіяся въ составленіи письменныхъ отвѣтовъ на заданные вопросы, содержаніе которыхъ взято изъ прочитанныхъ и усвоенныхъ небольшихъ статеекъ повѣствовательнаго и описательнаго характера; письменное изложеніе по вопросамъ, исчерпывающимъ содержаніе прочитанной статейки, составленіе по вопросамъ простѣйшихъ описаній, образцомъ которыхъ является прочитанная статья.

3-й годъ. Логико-стилистическіе разборы небольшихъ повѣствованій, съ расчлененіемъ ихъ на части, какъ основаніе для сокращенныхъ пересказовъ путемъ развитія плана, а затѣмъ и непосредственнаго изложенія. Логико-стилистическіе разборы несложныхъ описаній, съ расчлененіемъ ихъ на части, какъ матеріалъ для самостоятельнаго составленія по выработанному плану описанія доступныхъ для наблюденія предметовъ. Чтеніе и логико-стилистическіе разборы несложныхъ статей, въ составъ которыхъ входитъ, какъ элементъ, разсужденіе. Самостоятельныя сочиненія на до-

ступную тему повѣствовательнаго и общаго характера, по образцу прочитанной и разобранной статьи.

2.

Вторая ступень.

(Соотвѣтствуетъ высшему начальному и городскому 4-хъ классному училищу).

Второй концентръ.

1-й годъ. Логико-стилистическіе разборы болѣе сложныхъ статей повѣствовательнаго характера, какъ основа изученія теоріи повѣствованій. Упражненія по составленію плановъ статей повѣствовательнаго характера. Развитіе плана въ краткій пересказъ. Составленіе пересказовъ по выработанному плану, но съ болѣе подробнымъ изложеніемъ. Извлеченія изъ статей повѣствовательнаго характера. Составленіе несложныхъ разсказовъ изъ личной или окружающей жизни, по данному образцу и безъ образца.

2-й годъ. Логико-стилистическіе разборы простыхъ и художественныхъ описаній, какъ основа для изученія теоріи и составленія самостоятельныхъ описаній. Сравнительное описаніе двухъ предметовъ. Разборъ цѣлыхъ произведеній художественной литературы, какъ матеріалъ для составленія сочиненій повѣствовательнаго характера. Извлеченіе на данную тему. Самостоятельныя сочиненія, составнымъ элементомъ которыхъ по преимуществу является повѣствовательный и описательный.

Третій концентръ.

3-й годъ. Логико-стилистическіе разборы характеристикъ, какъ основа для изученія теоріи и для составленія самостоятельныхъ сочиненій. Составленіе характеристикъ животныхъ по разработанному въ классѣ или составленному самостоятельно плану. Составленіе характеристикъ литературныхъ типовъ по разработанному въ классѣ плану.

4-й годъ. Самостоятельное составленіе плана разобранныхъ въ классѣ сочиненій, какъ основа составленія характеристикъ литературныхъ типовъ. Характеристика литературныхъ типовъ. Сравненіе литературныхъ типовъ, изъ которыхъ одинъ разобранъ въ классѣ, а другой—самостоятельно учениками. Изученіе на образцахъ теоріи разсужденій. Самостоятельныя сочиненія съ главнымъ элементомъ разсужденія: а) сопоставленіе однородныхъ предметовъ; в) указаніе причины и слѣдствія событій; с) разсужденія общаго характера. Сопоставленіе однородныхъ произведеній литературы, съ цѣлью нарисовать общую картину; напр., сопоставленіе басенъ, повѣстей Гоголя, рисующихъ жизнь помѣщиковъ стараго времени и проч. Самостоятельныя сочиненія общаго характера. Рефераты.

Примѣчаніе. Всему курсу сопутствуетъ объяснительное чтеніе художественныхъ произведеній литературы для воспитанія ума, сердца и воображенія.

3.

Третья ступень.

(Соотвѣтствуетъ старшимъ классамъ средней школы).

Старшіе классы средней школы. Занятія старшихъ классовъ средней школы составляютъ третій концентръ, который въ этого рода учебныхъ заведеніяхъ переносится сюда со второй ступени. Въ такомъ случаѣ описанныя выше занятія третьяго концентра, оставаясь тѣми же по формѣ, углубляются въ своемъ содержаніи. Къ нимъ прибавляется самостоятельное составленіе характеристикъ литературныхъ типовъ, критики цѣльныхъ произведеній изящной литературы, составленіе характеристикъ живыхъ людей (напр. ребенка) и болѣе сложные рефераты.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стр.
Предисловіе		
Глава I.	Общія замѣчанія	1
„ II.	Подготовительныя упражненія	4
„ III.	Повѣствованія	10
„ IV.	Описаніе	43
„ V.	Характеристика	74
„ VI.	Разсужденіе	114
„ VII.	Лирическій элементъ	131
„ VIII.	Самостоятельныя работы съ литературнымъ содержаніемъ	138
„ IX.	Самостоятельныя работы съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій	151
„ X.	Исправленіе стилистическихъ работъ	200
„ XI.	Примѣрный планъ занятій по веденію сочиненій на различныхъ ступеняхъ обученія	212

КНИГИ В. А. САМСОНОВА.

Этимологія въ образцахъ и задачахъ. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, высшихъ начальныхъ и городскихъ училищъ. С.ПБ. Стр. 126. Цѣна 40 коп.

Синтаксисъ въ образцахъ и задачахъ. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, высшихъ начальныхъ и городскихъ училищъ. С.ПБ. Стр. 120. Цѣна 40 коп.

Отдѣломъ Родного Языка при Педагогическомъ Музеѣ Военно-Учебныхъ Заведеній книга эта признана, какъ учебникъ, заслуживающій вниманія.

Родные писатели. Біографіи съ вопросами къ литературнымъ произведеніямъ. Для старшихъ классовъ высшихъ начальныхъ и городскихъ училищъ, торговыхъ школъ и самообразованія. С.ПБ. 128 стр. Цѣна 40 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изданіе 3-е. С.ПБ. 241 стр. Цѣна 1 руб.

Уч. Ком. М. Н. Пр. допущена въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учеб. завед. Учеб. Ком. Вѣдомства Императрицы Маріи допущена въ фундамент. библ. средн. учеб. завед. Отдѣломъ Родного Языка при Педагогичекомъ Музеѣ Военно-Учебныхъ заведеній допущена въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. заведеній.

Методическое руководство класснаго чтенія и литературныхъ бесѣдъ въ городскихъ 4-хъ классныхъ училищахъ, въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и во второмъ классѣ двухклассныхъ народныхъ школъ. С.ПБ. 256 стр. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Методика практической грамматики (готовится къ печати).